

РАНХиГС
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Северо-Западный
институт управления
филиал РАНХиГС

ЕЭК

ЕВРАЗИЙСКАЯ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
КОМИССИЯ

RANEPA
THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY
OF NATIONAL ECONOMY
AND PUBLIC ADMINISTRATION

North-West Institute
of Management
branch of RANEPA

ЕЕС

EURASIAN ECONOMIC
COMMISSION

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ISSN 2073-2929

INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND ANALYTICAL JOURNAL

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА

EURASIAN INTEGRATION:
ECONOMICS, LAW, POLITICS

欧亚一体化：经济、法律、政治

Том 16 / Vol. 16

№3 (41)

2022

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:

ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА
Международный научно-аналитический журнал

Том 16, № 3 • 2022

Тема номера:
ЕАЭС — ШОС: ПОИСКИ ВЫХОДА ИЗ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Партнер журнала — Евразийская экономическая комиссия

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям (Распоряжение Министерства науки и высшего образования Российской Федерации о включении в перечень рецензируемых научных изданий от 25.12.2020 номер 469-р):
08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности) (экономические науки),
12.00.03 — Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право (юридические науки), 12.00.10 — Международное право; европейское право (юридические науки), 23.00.05 — Политическая регионалистика. Этнополитика (политические науки), 23.00.05 — Политическая регионалистика. Этнополитика (социологические науки).
5.2.1 — Экономическая теория (экономические науки), 5.2.5 — Мировая экономика (экономические науки), 5.5.2 — Политические институты, процессы, технологии (политические науки), 5.5.4 — Международные отношения (политические науки).
Размещается в открытом доступе в полнотекстовом виде. Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций DOAJ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 199004, Санкт-Петербург,

В. О., 8-я линия, д. 61

Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10

Факс: (812) 335-42-16

<https://www.eijournal.ru>

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2022
- © Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2022
- © Редколлегия журнала «Евразийская интеграция: экономика, право, политика» (составитель), 2022
- © Все права защищены

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY
AND PUBLIC ADMINISTRATION
NORTH-WEST INSTITUTE OF MANAGEMENT

ISSN 2073-2929
DOI 10.22394/2073-2929

EURASIAN INTEGRATION:

ECONOMICS, LAW, POLITICS
International Scientific and Analytical Journal
Vol. 16 No 3 • 2022

Topic of the Issue:
EAEU — SCO: FINDING A WAY OUT OF TURBULENCE

Partner of the journal — Eurasian Economic Commission

ADDRESS OF THE EDITORIAL OFFICE: 199004, St. Petersburg,
V.O., 8th line, 61
Ph.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Fax: (812) 335-42-16
Website: <https://www.eijournal.ru>

- © Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2022
- © North-West Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2022
- © Editorial Board of the Journal „Eurasian Integration: economics, law, politics“ (compilation), 2022
- © All rights reserved

It is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГЛАЗЬЕВ Сергей Юрьевич, Член Коллегии (министр) по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии, академик Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КЕФЕЛИ Игорь Федорович, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории стратегического планирования и евразийской интеграции СЗИУ РАНХиГС, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, эксперт РАН

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СОВЕТ

МЯСНИКОВИЧ Михаил Владимирович, Председатель международного научного совета, Председатель Коллегии Евразийской экономической комиссии, член-корреспондент НАН Беларуси, доктор экономических наук, профессор

ШАМАХОВ Владимир Александрович, научный руководитель международного научного совета, советник ректора РАНХиГС, научный руководитель СЗИУ РАНХиГС, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса

СЛУЧЕВСКИЙ Вячеслав Владимирович, заместитель научного руководителя международного научного совета, советник научного руководителя Северо-Западного института управления РАНХиГС, кандидат исторических наук

АЛИМБЕКОВ Мусабек Тургынбекович, почетный профессор Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, доктор юридических наук (Казахстан)

БЕБЕНИН Сергей Михайлович, Председатель Законодательного собрания Ленинградской области

БОНДУРОВСКИЙ Владимир Владимирович, заместитель Ответственного секретаря ПА ОДКБ, кандидат юридических наук

КОГУТ Виктор Григорьевич, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Национального собрания Республики Беларусь в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат политических наук

КУЧЕРЯВЫЙ Михаил Михайлович, доктор политических наук

ЛОКЯН Арсен Багдасарович, ректор Академии государственного управления Республики Армения, доктор психологических наук

МАКСИМЦЕВ Игорь Анатольевич, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук, профессор

РАХИМИ Фарход Кодирович, действительный член, президент Академии наук Республики Таджикистан, доктор физико-математических наук, профессор

САТВАЛДИЕВ Нурбек Абдрашитович, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Жогорку Кенеша Кыргызской Республики в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат политических наук

САФАРЗОДА Бахтовар Амиралли, заместитель Генерального секретаря ПА ОДКБ, полномочный представитель Маджлиси Оли — парламента Республики Таджикистан, доктор юридических наук

ХАНЬ Лихуа, старший научный сотрудник Университета международного бизнеса и экономики (Китай), PhD, профессор

ЧИЛИНГАРЯН Айк Марселолич, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Национального Собрания Республики Армения в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат экономических наук

ШУХНО Сергей Степанович, заместитель начальника отдела Департамента развития интеграции Евразийской экономической комиссии

ЭРКЕБАЕВ Абдыганы Эркебаевич, академик Национальной Академии наук Кыргызской Республики, председатель совета Ассамблеи народа Кыргызстана, доктор филологических наук

ЯКУНИН Владимир Иванович, заведующий кафедрой государственной политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор политических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АБАЙДЕЛЬДИНОВ Ербол Мусинович, профессор кафедры международного права Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, доктор юридических наук, профессор (Казахстан, Нур-Султан)

АКАЕВ Аскар Акаевич, доктор технических наук, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, иностранный член Российской академии наук (Кыргызстан)

АСАУЛ Максим Анатольевич, доктор экономических наук (Россия, Москва)

ВЕТРЕНКО Инна Александровна, заведующая кафедрой социальных технологий СЗИУ РАНХиГС, директор Исследовательского аналитического центра «Русская мечта», доктор политических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

ДЕНИСОВ Андрей Иванович, первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по международным делам, кандидат экономических наук (Россия, Москва)

ЕНГОЯН Ашот Пайлакович, заведующий кафедрой теории и истории политической науки Ереванского госуниверситета, доктор политических наук, профессор (Армения, Ереван)

ЕРЕМЕЕВ Станислав Германович, депутат Законодательного собрания Ленинградской области, доктор экономических наук, кандидат политических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

КАЗАНЦЕВ Андрей Анатольевич, директор аналитического центра Института международных исследований Московского государственного института международных отношений, доктор политических наук (Россия, Москва)

КАШКИН Сергей Юрьевич, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

КАЮМОВ Нуриддин Каюмович, академик Академии наук Республики Таджикистан, доктор экономических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

КИРИЛЕНКО Виктор Петрович, заведующий кафедрой международного и гуманитарного права СЗИУ РАНХиГС, академик РАЕН, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, редактор раздела «Право» (Россия, Санкт-Петербург)

КРОТОВ Михаил Иосифович, Полномочный представитель Федерального Собрания Российской Федерации — заместитель Ответственного секретаря ПА ОДКБ, доктор экономических наук, профессор (Россия, Москва, Санкт-Петербург)

КУКЛИНА Евгения Анатольевна, профессор кафедры бизнес-информатики СЗИУ РАНХиГС, доктор экономических наук, профессор, редактор раздела «Экономика» (Россия, Санкт-Петербург)

ЛЕБЕДЕВА Марина Михайловна, заведующая кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (Россия, Москва), доктор политических наук, профессор

ЛИВЕРОВСКИЙ Алексей Алексеевич, научный руководитель юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета, заведующий кафедрой конституционного права, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

МИШАЛЬЧЕНКО Юрий Владимирович, профессор кафедры международного и гуманитарного права СЗИУ РАНХиГС, доктор экономических и юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

НОВИКОВА Ирина Николаевна, декан факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

РЕМЫГА Владимир Николаевич, генеральный директор Координационного центра «Экономический пояс Шелкового пути», доктор экономических наук (Россия, Москва)

СЕРГЕВНИН Сергей Львович, декан юридического факультета СЗИУ РАНХиГС, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

СТАРОВОЙТОВ Александр Александрович, заведующий кафедрой конституционного и административного права СЗИУ РАНХиГС, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

ТОРОПЫГИН Андрей Владимирович, профессор кафедры международных отношений СЗИУ РАНХиГС, доктор политических наук, редактор раздела «Политика» (Россия, Санкт-Петербург)

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, ведущий научный сотрудник сектора международно-правовых исследований Института государства и права РАН, главный редактор Евразийского юридического журнала, доктор юридических наук (Россия, Москва)

ХАШ-ЭРДЭНЭ Самбалхундэв, председатель общества «Знание» Монголии, доктор социологических наук, профессор (Монголия, Улан-Батор)

ЧЭНЬ ЧЖИГАН, вице-президент Китайского делового центра в Санкт-Петербурге, доктор экономических наук (Китай, Пекин)

CHIEF EDITOR

GLAZYEV Sergey, Member of the Board — Minister in charge of Integration and Macroeconomics of the Eurasian Economic Commission, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics

DEPUTY CHIEF EDITOR

KEFELI Igor, Leading Researcher of the Research Laboratory Institute for Strategic Planning and Eurasian Integration, North West Institute of Management, RANEPA, Doctor of Philosophy, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Expert of RAS

INTERNATIONAL SCIENTIFIC COUNCIL

MYASNIKOVICH Mikhail, Chairman of the International Scientific Council, Chairman of the Board of the Eurasian Economic Commission, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Doctor of Economics, Professor

SHAMAKHOV Vladimir, Scientific Supervisor of the Council, Advisor to the Rector of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Research Supervisor of the North-West Institute of Management — branch of the RANEPA, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class

SLUCHEVSKY Vyacheslav, Deputy Scientific Supervisor of the Council, Advisor to the Research Supervisor of North-West Institute of Management of RANEPA, PhD in Historical Sciences

ALIMBEKOV Musabek, honorary professor of the L. N. Gumilyov Eurasian National University, Doctor of Laws

BEBENIN Sergey, Chair of the Legislative Assembly of the Leningrad Region

BONDUROVSKY Vladimir, Deputy Executive Secretary of the CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Law

KOGUT Viktor, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the National Assembly of the Republic of Belarus in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Political Sciences

KUCHERYAVY Mikhail, Doctor of Political Sciences

LOKYAN Arsen, Rector of the Academy of Public Administration of the Republic of Armenia, Doctor of Psychology

MAKSIMTSEV Igor, Rector of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Economics, Professor

RAHIMI Farhod, President of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Doctor of Physics and Mathematics, Professor

SATVALDIEV Nurbek, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the Jogorku Kenesh of the Kyrgyz Republic in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Political Sciences

SAFARZODA Bakhtovar, Deputy Secretary-General, Secretariat of the CSTO Parliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of Majlisi Oli — Parliament of the Republic of Tajikistan, Doctor of Laws

HAN Lihua, Senior Researcher of University of International Business and Economics (China), PhD, Professor

CHILINGARYAN Ayk, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the National Assembly of the Republic of Armenia in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Economics

SHUKHNO Sergey, Deputy Head of the subdivision of the Department for the Development of Integration of the Eurasian Economic Commission

ERKEBAYEV Abdygany, Academician of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Doctor of Philology

YAKUNIN Vladimir, Head of the State Policy Department of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Political Sciences, Professor

EDITORIAL BOARD

ABAYDELDINOV Erbol, Doctor of Laws, Professor, Department of Integrational Law, Faculty of Law, L. N. Gumilyov Eurasian National University (Kazakhstan, Nur-Sultan)

AKAEV Askar, Doctor of Technical Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences (Kyrgyzstan)

ASAUL Maksim, Doctor of Economics (Russia, Moscow)

VETRENKO Inna, Head of the Department of Social Technologies of the North-West Institute of Management of the RANEPA, Director of the Research Analytical Center "Russian Dream" (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Political Sciences, Professor

DENISOV Andrey, First Deputy Chair of the Federation Council Committee on Foreign Affairs (Russia, Moscow), PhD in Economics

ENGOYAN Ashot, Head of the Department of Theory and History of Political Science of Yerevan State University (Armenia, Yerevan), Doctor of Political Sciences, Professor

YEREMEEV Stanislav, Deputy of the Legislative Assembly of the Leningrad Region (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Economics, PhD in Political Sciences, Professor

KASHKIN Sergey, Head of the Department of Integration and European Law of Moscow State Law University named after O. E. Kutafin, Professor, Department of "Zhan Monnet" (European Union) (Russia, Moscow), Doctor of Laws, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

KAZANTSEV Andrey, Director of Analytical Center, Institute of International Studies of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (Russia, Moscow), Doctor of Political Sciences

KAYUMOV Nuriddin, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Tajikistan, Dushanbe), Doctor of Economics, Professor

KIRILENKO Viktor, Head of the Department of International and Humanitarian Law, North-West Institute of Management of RANEPA, academician of the Russian Academy of natural Sciences, Honored Lawyer of the Russian Federation, editor of the "Law" section (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Laws, Professor, Academician of RANS

KROTOV Mikhail, Plenipotentiary Representative of the Federal Assembly of the Russian Federation — Deputy Executive Secretary of the CSTO PA (Russia, Moscow, Saint Petersburg), Doctor of Economics, Professor

KUKLINA Evgenia, Chair of Business Informatics of North-West Institute of Management of RANEPA (Russia, Saint Petersburg), Editor of the "Economics" section, Doctor of Economics, Professor

LEBEDEVA Marina, Head of the Department of World Political Processes of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (Russia, Moscow), Doctor of Political Sciences, Professor

LIVEROVSKY Alexey, Scientific Director of the Faculty of Law of St. Petersburg State University of Economics, Head of the Department of Constitutional Law (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Laws, Professor

MISHALCHENKO Yuri, Professor of the Department of International and Humanitarian Law of the North-West Institute of Management of RANEPA (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Economics, Doctor of Laws, Professor

NOVIKOVA Irina, Dean of the Faculty of International Relations of St. Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg), Doctor of History, Professor

REMYGA Vladimir, Director-General of the Coordination Center "Economic Belt of the Silk Road" (Russia, Moscow), Doctor of Economics

SERGEVNIN Sergey, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of History and Theory of State and Law, North-West Institute of Management of RANEPA (Russia, Saint Petersburg), Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Laws, Professor

STAROVOITOV Alexander, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law, North-West Institute of Management of RANEPA (Russia, Saint Petersburg), Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Laws, Professor

TOROPYGIN Andrey, Professor North-West Institute of Management of RANEPA (Russia, Saint Petersburg), editor of the "Politics" section, Doctor of Political Sciences

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Doctor of Laws, Leading Researcher, Sector of International Legal Studies, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), Editor-in-Chief of the Eurasian Law Journal

KHASH-ERDENE Sambalhundev, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chairman of the society "Knowledge" of Mongolia (Mongolia, Ulan-Bator)

CHEN ZHIGAN, Doctor of Economics, Vice-President of the Chinese Business Center in Saint Petersburg (China, Beijing)

**ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:
ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА**
Международный научно-аналитический журнал
Том 16, № 3 2022

Содержание

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Глазьев С. Ю.

Мобилизацией — по инерции либеральной лени 9

ГЛАВНОЕ

Глазьев С. Ю.

Проблемы развития евразийской экономической интеграции: как их разрешить?..... 11

Киселев С. Г., Кефели И. Ф., Опокин А. Б.

Из-за железного занавеса в сети гибридной войны (эхо Фултонской речи Черчилля) 24

ЭКОНОМИКА

Мисько О. Н., Рубцов Г. Г.

Влияние унификации политик стран ЕАЭС и их союзников на долгосрочные социально-экономические процессы внутри Евразийского союза 34

Журавлев О. М., Матвеев И. А.

Государственный капитализм в России: состояние исследований (часть 2) 47

Ли Ин

Проблемы и трудности в процессе энергетического сотрудничества КНР и РФ..... 58

Орлова И. С., Цинченко Г. М.

Победа Китая над бедностью: миф или реальность?..... 66

ПРАВО

Мишальченко Ю. В., Зороян С. Г., Довбуш Т. Н.

Публичные, международно-правовые и экономические аспекты создания системы исследования коррупции в государствах — членах ЕАЭС 75

Кириленко В. П., Мишальченко Ю. В., Васильева Е. В.

Особенности международно-правового регулирования внешнеторговых контрактов 84

ПОЛИТИКА

Титович А. М., Торопыгин А. В.

О применении многомерных статистических процедур в анализе перспектив сотрудничества ЕАЭС и АСЕАН 95

Выходец Р. С.

Политика стран ЕАЭС в области искусственного интеллекта 106

Долженкова Е., Мохорова А. Ю., Даньшина Н. А., Клинический А. И.

Противодействие экстремизму и терроризму в молодежной среде — эпоха цифровизации 118

Шумилов М. М., Шумилов Ю. М.

Внешние факторы армяно-азербайджанского конфликта в контексте второй карабахской войны..... 126

Ван Лулу

Некоторые аспекты партийного сотрудничества между Казахстаном и Китаем 137

ЕВРАЗИЙСКАЯ ХРОНИКА

..... 145

АВТОРАМ ЖУРНАЛА «ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА»

Правила оформления статей, принимаемых к рассмотрению редакцией научно-аналитического журнала «ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА» 165

EURASIAN INTEGRATION: ECONOMICS, LAW, POLITICS

International scientific and analytical journal

Vol. 16 No 3 2022

CONTENTS

FROM THE EDITOR-IN-CHIEF

Sergei Yu. Glazyev

With Mobilization — by the Inertia of Liberal Laziness 9

MAIN

Sergei Yu. Glazyev

Problems of the Development of the Eurasian Economic Integration: How to Resolve Them? 11

Sergey G. Kiselev, Igor F. Kefeli, Alexey B. Opokin

From behind the Iron Curtain to Hybrid Warfare Networks (Echoes of Churchill's Fulton Speech)..... 24

ECONOMICS

Oleg N. Misko, Gennady G. Rubtsov

The Impact of the Unification of the Policies of the EAEU Countries and Their Allies on Long-Term Socio-Economic Processes within the Eurasian Union 34

Oleg M. Zhuravlev, Ilya A. Matveev

State Capitalism in Russia: A Review Article (Part 2) 47

Li Ying

Problems of Sino-Russian Energy Cooperation 58

Inna S. Orlova, Galina M. Tsichenko

China's Victory over Poverty: Myth or Reality? 66

LAW

Yuri V. Mishalchenko, Suren G. Zoroyan, Timofey N. Dovbush

Public, International Legal and Economic Aspects of Creating a System for Studying Corruption in the EAEU Member States 75

Viktor P. Kirilenko, Yuri V. Mishalchenko, Ekaterina V. Vasileva

Features of International Legal Regulation of Foreign Trade Contracts 84

POLITICS

Adam M. Titovich, Andrey V. Toropygin

On the Application of Multidimensional Statistical Procedures in the Analysis of the Prospects for Cooperation between the EAEU and ASEAN 95

Roman S. Vykhodets

The EAEU's AI Strategy 106

Ekaterina Dolzhenkova, Anna Yu. Mokhorova, Natalya A. Danshina, Artem I. Kliniskiy

Countering Extremism and Terrorism Among Youth — the Age of Digitalization 118

Mikhail M. Shumilov, Yury M. Shumilov

External Factors of the Armenian-Azerbaijani Conflict in the Context of the Second Karabakh War 126

Wang Lulu

Some Aspects of Party Cooperation between Kazakhstan and China 137

EURASIAN CHRONICLE

..... 145

For the authors of the journal "Eurasian Integration: Economics, Law, Politics"

Rules for the design of articles accepted for consideration by the editors of the scientific and analytical journal "Eurasian Integration: Economics, Law, Politics" 165

Мобилизацией — по инерции либеральной лени

В принятой 16 сентября 2022 г. Самаркандской декларации совета глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества лидеры государств — членов ШОС отмечали, что «сохраняющаяся турбулентность мировых финансовых рынков, глобальное сокращение инвестиционных потоков, нестабильность цепочек поставок, усиление протекционистских мер и других барьеров в международной торговле усугубляют нестабильность и неопределенность в мировой экономике», и подтвердили свою приверженность «формированию более представительного, демократического, справедливого и многополярного миропорядка, основанного на общепризнанных принципах международного права, многосторонности, равной, совместной, неделимой, комплексной и устойчивой безопасности, культурно-цивилизационном многообразии, взаимовыгодном и равноправном сотрудничестве государств при центральной координирующей роли ООН». В этом отношении две крупнейшие международные организации на евразийском пространстве — ШОС и ЕАЭС — согласованно определяют выходы из политической и экономической турбулентности, во многом инициируемой, буквально на наших глазах, геополитическим сдвигом от однополярного к многополярному мироустройству.

Авторы данного номера журнала со своих научных позиций уверенно вносят свой вклад в решение общетеоретических и конкретных экономических, правовых и политических проблем. Что же касается непосредственно судьбы современной России в этих трех измерениях, то ответ на животрепещущий вопрос «Что происходит?» лежит, очевидно, не только в плоскости досконального анализа беспрецедентной глобальной трансформации, обусловленной сменой мирохозяйственных укладов. Он требует четкой, без самообмана, констатации: пока Россия не сосредоточится экономически, не воплотит в системе управления принципы мобилизационной экономики и не начнет планировать впрок, в том числе практические шаги по обустройству и развитию промышленности, инфраструктуры и технологий, все труды по обеспечению национальной обороны и безопасности могут оказаться напрасными.

В соответствии с принципом рефлексивного управления наши геополитические противники упорно навязывают нам ложную картину благополучия в макроэкономической сфере, несмотря на то что в мировой гибридной войне финансово-экономический фронт является ключевым. И горе тем, кто этого не сознает! Вызывают умиление широко тиражируемые в наших, ангажированных противником, СМИ хвалебные отзывы западных аналитиков о деятельности Банка России по «спасению» российской экономики от адских санкций. Американские агенты влияния убедительно рассуждают об устойчивости экономики к санкциям и продуманной политике Банка России, хотя на самом деле макроэкономическая стабилизация произошла благодаря его самоустранению с валютного рынка. Это сделало очевидной многолетнюю негативную роль Банка России в валютно-финансовой сфере. Как только арест валютных резервов и запрещение расчетов в валютах западных стран заблокировали вывоз капитала, курс рубля под давлением положительного сальдо торгового баланса пошел вверх. Из этого следует только то, что именно Банк России играл против рубля, способствуя вывозу капитала и манипулированию его курсом

спекулянтами. Его руководство продолжает заниматься этим и сейчас, пытаясь найти пути обхода санкций в целях вывоза капитала из России, подставляя его под угрозы конфискации в рамках антироссийских санкций. В частности, предлагает экспортерам оставлять валютную выручку за рубежом, отменяя ее обязательную продажу. В опубликованном проекте «Основных направлений единой государственной денежно-кредитной политики на 2023 год и период 2024 и 2025 годов» от 27.09.2022 руководство Банка России уверенно заявляет о том, что «основная задача в ближайшие годы — создать условия для успешной трансформации экономики. Реализуя денежно-кредитную политику, Банк России будет вносить свой вклад в создание таких условий через обеспечение ценовой стабильности. Низкая и стабильная инфляция при прочих равных условиях даст возможность компаниям и населению лучше планировать свою деятельность, будет способствовать повышению доступности долгового и долевого финансирования и защитит доходы граждан от значимого и непредсказуемого обесценения».

Но мы не найдем в этом документе упоминаний о денежно-кредитной политике по отношению к отечественной промышленности, сельскому хозяйству. Они, по-видимому, «закамуфлированы» под видом «компаний и населения», которым предстоит «лучше планировать свою деятельность» (https://cbr.ru/about_br/publ/ondkp/on_2023_2025/, стр. 3).

Минфин собирается восстановить Бюджетное правило, согласно которому в валютные резервы за рубеж выводилось до 10% ВВП нефтегазовых доходов бюджета, ныне арестованных противником. И одновременно предлагает секвестировать расходы на НИОКР и модернизацию промышленности. Иными словами, предлагается сократить жизненно важные для обороны и развития страны расходы, чтобы снова вывести и заморозить нефтегазовые доходы. Глупость это или предательство? Гипотетически и то и другое. Верна и взаимодополняемость этих понятий: глупость подтачивает предательство, провоцируя нанесение неприемлемого социально-экономического ущерба. Промышленность теряет стимулы к развитию, закрываются перспективные производства, вымываются ценные кадры, технологические компетенции и целые научно-технологические школы. Отложенный эффект такого, пусть даже неосознанного, вредительства еще сильнее, чем сиюминутный.

Если не перейти к целеориентированной денежно-кредитной политике с использованием хорошо зарекомендовавшего себя инструментария специальных инвестиционных контрактов, скрепляющих взаимные обязательства государства и бизнеса, и не обеспечить суверенизацию воспроизводственных контуров российской экономики, ответ на вопрос «Что происходит?» станет приговором. Между тем, как неоднократно подчеркивалось и мной, и моими коллегами, Россия располагает всем необходимым для реализации поликомпонентной Стратегии опережающего развития, позволяющей России и ЕАЭС ежегодно расти на 8–10%.

За нами Россия с новыми субъектами Федерации!

Сергей Глазьев,
главный редактор,
академик РАН

Проблемы развития евразийской экономической интеграции: как их разрешить?

Глазьев С. Ю.

Евразийская экономическая комиссия, Москва, Российская Федерация

e-mail: serg1784@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4616-0758>

РЕФЕРАТ

Цель. Обоснование тезиса о необходимости увеличения ежегодного прироста экономики ЕАЭС на 6–8% за счет реализации единой стратегии опережающего развития целевых показателей по мере сближения уровня экономического развития, устойчивой их конвергенции и активизации имеющегося производственного и научно-технического потенциала государств — членов ЕАЭС. При этом важную роль должна играть национально ориентированная финансовая политика Банка России.

Задачи. Обоснование:

- необходимости дополнения целевого сценария развития, представленного в Основных направлениях экономического развития ЕАЭС до 2030 г., стратегией опережающего развития и решения задач национальной безопасности;
- формирования общегосударственной макроэкономической политики, включая ее денежно-кредитную составляющую;
- проведения деофшоризации экономики и прекращения несанкционированного вывоза капитала;
- дополнения евразийской экономической интеграции валютной, монетарной, образовательной, научно-технической политикой и переход на национальные валюты во взаимной торговле и инвестициях в ЕАЭС, СНГ, БРИКС, ШОС.

Методология. Макроэкономическое моделирование, методы математической статистики, анализ больших данных, демографический анализ.

Результаты. Обоснована необходимость существенного уточнения основных направлений единой государственной денежно-кредитной политики России, обеспечивающей ее вхождение в шестой технологический уклад и необратимую конвергенцию производственного и научно-технического потенциала государств — членов ЕАЭС.

Выводы. Предложенный комплексный подход позволит полностью реализовать принятые Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 г., заложить основы для нового этапа интеграции с достижением поставленных значимых рубежей в интересах стран и народов нашего интеграционного объединения.

Ключевые слова: евразийская экономическая интеграция, макроэкономическая политика, денежно-кредитная политика, Россия, ЕАЭС

Для цитирования: Глазьев С. Ю. Проблемы развития евразийской экономической интеграции: как их разрешить? // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 3. С. 11–23.

Problems of the Development of the Eurasian Economic Integration: How to Resolve Them?

Sergey Yu. Glazyev

Eurasian Economic Commission, Moscow, Russian Federation

e-mail: serg1784@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4616-0758>

ABSTRACT

Aim. Substantiation of the thesis on the need to increase the annual growth of the EAEU economy by 6–8% through the implementation of a unified strategy for the accelerated development of target indicators as the level of economic development converges, their sustainable convergence and the activation of the existing production and scientific and technical potential of the Union Member States. At the same time, the nationally oriented financial policy of the Bank of Russia should play an important role.

Tasks. Rationale:

- the need to supplement the target development scenario presented in the Guidelines for the Economic Development of the EAEU until 2030 with a strategy for accelerated development and solving national security problems;
- formation of a nationwide macroeconomic policy, including its monetary component;
- carrying out deoffshorization of the economy and stopping the unauthorized export of capital;
- supplementing the Eurasian economic integration with monetary, monetary, educational, scientific and technical policies and the transition to national currencies in mutual trade and investment in the EAEU, CIS, BRICS, SCO.

Methods. Macroeconomic modeling, methods of mathematical statistics, big data analysis, demographic analysis.

Results. The necessity of a significant refinement of the main directions of the unified state monetary policy of Russia, which ensures its entry into the sixth technological order and the irreversible convergence of the production and scientific and technical potential of the EAEU member states, is substantiated.

Conclusion. The proposed comprehensive approach will make it possible to fully implement the adopted Strategic Directions for the Development of Eurasian Economic Integration until 2025, lay the foundations for a new stage of integration with the achievement of significant milestones set in the interests of the countries and peoples of our integration association.

Keywords: Eurasian economic integration, macroeconomic policy, monetary policy, Russia, EAEU

For citing: Glazyev S. Yu. Problems of the Development of the Eurasian Economic Integration: How to Resolve Them? // Eurasian Integration: economics, law, politics. 2022. Vol. 16. No. 3. P. 11–23.

Введение

Полученные результаты и имеющиеся заделы в строительстве Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС, Союз) пока не конвертировались в потенциальные эффекты, а странам Союза не удалось приступить к реализации прогрессивного сценария развития вместо постоянно продлеваемого инерционного сценария, консервирующего достигнутый уровень без шансов на рывок. Выход на траекторию опережающего развития для нас является императивом: экономика Союза может и должна расти темпами выше среднемировых. Такой подход (темпы роста 4,5–5,5% годовых) закреплён в принятых ВЕЭС Основных ориентирах макроэкономической политики Союза на 2022 и 2023 годы¹. Это подразумевает опережающий рост инвестиций, раскрытие потенциала производственной кооперации, реализацию крупных инновационных и социально значимых интеграционных проектов с выращиванием союзных, мирового уровня, предприятий — лидеров в своих областях. Если говорить об оценке достигнутого уровня развития и эффективности ЕАЭС, то предложил бы следующие критические параметры.

1. Удельный вес взаимной торговли Союза, который не превышает 15% во внешнеторговом обороте. Для сравнения, в ЕС до 2/3, а в регионе АТЭС около 60 % внешнеторгового оборота приходится на

¹ О проекте решения Высшего Евразийского экономического совета «Об Основных ориентирах макроэкономической политики государств — членов Евразийского экономического союза на 2022–2023 годы» [Электронный ресурс] // Сайт ЕАЭС. URL: https://docs.eaeunion.org/pd/ru-ru/0107044/pd_14032022 (дата обращения: 30.09.2022).

взаимную торговлю. Это свидетельствует о зрелости интеграционных объединений, качестве предпринимательской среды, продуманном регулировании, стимулирующем приоритетность взаимного экономического сотрудничества и производственно-технологической кооперации.

2. Согласно оценке Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, лишь 1/3 интеграционного эффекта обеспечивается устранением пограничных барьеров во взаимной торговле, что было по преимуществу сделано уже на этапе Таможенного союза, а 2/3 эффекта достигаются за счет налаживания кооперации и специализации производств, выращивания евразийских кооперационных контуров и цепочек, построения такой индустриальной карты, которая бы, помимо собственно производства, обеспечивала полную загрузку производственных мощностей, занятость и рост производительности труда и, как следствие, требуемый кумулятивный эффект, связанный с ростом оплаты труда, и в целом упрочение социального благополучия граждан.

При этом следует обратить внимание на то, что если в краткосрочном и среднесрочном периодах предполагается использование имеющихся ресурсов и текущих конкурентных преимуществ государств-членов, то долгосрочное развитие ЕАЭС должно способствовать совершенствованию структуры их экономик — достраивание экономик за счет создания в результате интеграции новых сегментов рынка.

«Собственный центр силы» — целевой сценарий развития

Целевым сценарием развития («Собственный центр силы» [2]) в «Основных направлениях экономического развития ЕАЭС до 2030 г.»¹ государствами-членами уже определены: дополнительный рост экономики ЕАЭС к 2030 г. на 210 млрд долл. (в текущих ценах) и эффект от участия в ЕАЭС государств-членов — до 13% дополнительного прироста ВВП. Потенциал привлечения инвестиций из третьих стран за счет масштабов рынка и привлекательности интеграционных проектов (накопленный к 2030 г. эффект) может составить 90 млрд долл., роста объемов нефтегазового экспорта ЕАЭС — 72 млрд долл. (прирост 12%). За счет создания условий для роста деловой активности объем взаимной торговли по обрабатывающей промышленности (без нефтепродуктов) может вырасти на 80%.

Следует признать, что и эти целевые показатели недостаточны.

Если обеспечить ежегодный прирост экономики ЕАЭС на 6–8% за счет реализации единой стратегии опережающего развития (включение трансмиссионного механизма трансформации сбережений в инвестиции; расширение практики и каналов льготного финансирования с использованием механизмов специальных инвестиционных контрактов и других, связанных с жестким закреплением взаимных обязательств государства, бизнеса и финансовых структур; существенное — в разы — расширение масштабов кредитования инвестиций в проекты интеграции за счет расширения мандата национальных и межгосударственных институтов развития и др.), приведенные абсолютные целевые показатели могут быть увеличены.

Активизация имеющегося в ЕАЭС производственного и научно-технического потенциала позволяет рассчитывать на достижение установленного в Основных ориентирах макроэкономической политики прироста ВВП ЕАЭС на уровне 4,5–5,5% в год при сближении государств-членов по уровню экономического развития.

Бюджетные ограничения и архаичная денежно-кредитная политика (на самом деле, ее фактическое отсутствие в кредитной части, если говорить в терминах авансирования экономического роста) не позволяют реализовать меры по поддержанию роста инвестиций, развитию научно-технологического и производственного потенциала Союза. Ставилась задача доведения доли валового накопления основного капитала в валовом внутреннем продукте Союза до среднемирового значения (25–26%). По итогам 2020 г. значение этого показателя увеличилось, составив в целом по Союзу 22,1% (в 2019 г. — 21,6%). Однако динамика инвестиций в основной капитал в 2020 г. была отрицательной, снижение составило по сравнению с 2019 г. почти 2%, что является худшим показателем за период существования Союза за

¹ Основные направления экономического развития ЕАЭС до 2030 года [Электронный ресурс] // Сайт Евразийской экономической комиссии. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_makroec_pol/oner2030.php (дата обращения: 30.09.2022).

исключением 2015 г., когда сокращение инвестиций в основной капитал составляло 8,7%. Таким образом, рост относительного показателя достигнут не путем увеличения вложений в основные фонды, а за счет снижения ВВП.

В государствах-членах имеется существенный потенциал развития, связанный с использованием незагруженных производственных мощностей (по итогам 2020 г. загрузка находится на уровне 50% в Кыргызстане, 52% в Казахстане, 62% в России и 70% в Беларуси), их качественным технологическим обновлением, повышением производительности труда. Комиссией проведена оценка, показавшая, что увеличение среднего уровня использования производственных мощностей в обрабатывающей промышленности на 10% способно привести к увеличению темпов роста объемов промышленного производства в государствах-членах на 6–15% в зависимости от структуры национальных экономик. При реализации стратегии опережающего развития в случае полной реализации предусмотренных в Стратегии-2025 мероприятий возможен дополнительный прирост производства до 8% в год, для чего потребуется ускорение прироста инвестиций до 16% в год.

Это возможно, как показывает анализ международного опыта и успешной отечественной практики, при условии форсированного наращивания кредитования инвестиций за счет внутренних источников. Для этого необходимо широкое использование центральными банками специальных инструментов рефинансирования институтов развития и коммерческих банков, уполномоченных кредитовать реализацию инвестиционных проектов, предусмотренных стратегическими планами экономического развития ЕАЭС. Наращивание целевого кредитования инвестиций и оборотных средств предприятий посредством специальных инструментов рефинансирования должно обеспечиваться многосторонними инвестиционными соглашениями между предприятиями, банками и органами власти, составляющими основу индикативного планирования опережающего развития. Расшивка общих для всех государств Союза «узких мест» финансирования инвестиционной и инновационной деятельности необходима для достижения установленных главами государств Основных ориентиров макроэкономической политики на 2022–2023 гг., предполагающих возможность роста его экономики на 4,5–5,5%. Для этого должны быть задействованы все резервы, не вовлеченные в народнохозяйственный оборот производственные мощности, а также существенно усилена ответственность центральных банков за создание условий для наращивания кредитованию производственных инвестиций.

В центре внимания — устойчивая конвергенция экономик членов Союза

Уровень экономического развития, научно-технического, образовательного и производственно-го потенциала между государствами — членами ЕАЭС существенно различаются. Процесс конвергенции необходимо рассматривать как сквозной, сопряженный с общим повышением социально-экономического самочувствия в рамках ЕАЭС и сокращением различий между государствами-членами. На протяжении последних двадцати лет во всех пяти государствах — участниках ЕАЭС отмечался рост ВВП на душу населения. Вместе с тем устойчивой конвергенции экономик не наблюдалось. Государства — члены ЕАЭС существенно отличаются по уровню ВВП на душу населения. По данным за 2020 г. среди государств-членов наиболее высокий ВВП на душу населения по паритету покупательской способности (ППС) в текущих ценах имели Россия, Казахстан и Беларусь (28,1, 26,6 и 20,2 тыс. долл.). Наиболее низкие уровни — в Армении и Кыргызстане (13,3 и 5,0 тыс. долл.). Периоды кризисных явлений приводят к снижению ВВП на душу населения в ЕАЭС и могут усиливать различия между странами.

Наша задача — создать действенные демпферы, нивелирующие нагрузку макроэкономических факторов на уровень дохода населения в Союзе.

Реализация политики выравнивания должна осуществляться на всех уровнях экономического управления. Создание ЕАЭС формирует предпосылки для координации политик государств-членов в области выравнивания доходов, более широкого использования инструментов финансирования, предоставляемых региональными институтами развития для реализации стабилизационной и структурной политики, финансирования целевых инвестиционных проектов, ориентированных на выравни-

вание различий в доходах между государствами-членами и их регионами. Выработка и принятие на наднациональном уровне механизмов выравнивания доходов с использованием понятных и прозрачных критериев финансирования позволяет предотвратить трансформацию механизмов выравнивания доходов в механизм трансфертов, направленных на закрытие потребностей в финансировании.

Как справедливо было отмечено в обращении президента Кыргызской Республики Садыра Жапарова, в связи с началом председательствования Кыргызстана в органах ЕАЭС в 2022 г., «необходимо разработать систему прогнозирования пространственного развития и реализации совместных проектов по импортозамещению, инфраструктурных проектов с использованием наилучших научно-технических и инновационных разработок, вовлечением в этот процесс финансовых институтов развития и научного потенциала государств — членов Союза... определить критерии и принципы поддержки национальных экономик государств-членов и инструменты для обеспечения такой поддержки с целью инклюзивного развития и сближения темпов экономического роста наших стран». В этом обращении подчеркивается: «Должен быть реализован в сроки, определенные Стратегическими направлениями, для нивелирования давления на социально-экономическую ситуацию в наших государствах»¹.

Текущий год является ключевым для реализации Стратегии-2025 с точки зрения осуществления основных мероприятий: по созданию гибких механизмов поддержки экономического роста; разворачиванию стратегического планирования, инвестиционных программ и инновационных проектов; запуску научно-технического сотрудничества; формированию механизмов кредитования кооперации и производства совместно изготавливаемой продукции.

Исходя из изложенного, представляется невозможным решение поставленных вопросов без выработки форм и механизмов содействия эффективной кооперации и определения источников финансирования союзных программ и проектов по согласованным производственно-технологическим приоритетам.

Практические меры стимулирования развития ЕАЭС

Переход от сметного финансирования к бюджетированию ЕЭК с дополнением сметы на содержание Бюджетом развития ЕАЭС, включающем расходы на:

- целевые программы и проекты экономического и научно-технического развития, разработка и реализация которых предусмотрена п. 6.4 и пп. 6.2.5 Стратегии-2025;
- реализацию совместных НИОКР, предусматриваемых п. 8.1 Стратегии;
- реализацию совместных инновационных проектов, предусмотренных пп. 8.2.1 и 8.2.3 Стратегии;
- цифровые инициативы, реализуемые в соответствии с решением Высшего Евразийского экономического совета «Об основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 г.» от 11 октября 2017 г. № 12;
- субсидирование процентных ставок по кредитам, привлекаемым для реализации совместных инвестиционных и кооперационных проектов;
- создание специализированных институтов развития различных аспектов евразийской интеграции (АСИ ЕАЭС, Сетевой университет ЕАЭС, Компьютерная исследовательская сеть ЕАЭС, Фонд перспективных исследований ЕАЭС и пр.).

Бюджетная часть расходов по этим направлениям может составлять от 150 млрд руб. (по имеющимся проектам). При этом ориентировочный объем финансирования мероприятий в рамках реализации Стратегических направлений евразийской экономической интеграции до 2025 г. в части достижения целей макроэкономической политики составляет около 1,5 трлн руб. (около 1% ВВП ЕАЭС).

¹ Обращение президента Садыра Жапарова к главам государств — членов ЕАЭС по случаю председательствования Кыргызстана в органах Союза в 2022 году [Электронный ресурс] // Сайт Президента Кыргызской Республики. URL: https://president.kg/ru/sobytiya/novosti/21717_obrashenie_prezidenta_sadira_ghaparova_k_glavam_gosudarstv_chlenov_eaes_po_sluchayu_predsedalestvovaniya_kirgizstana_v_organah_soyuza_v_2022_godu (дата обращения: 30.08.2022).

Стратегические задачи Европейского союза

Для сравнения отмечу, что Европейский союз, решая свои стратегические задачи, располагает в 2022 г. консолидированным бюджетом в 170 млрд евро (около 1,2% ВВП ЕС), из них: 37 млрд евро — на реализацию политики регионального развития и сплочения; 12 млрд евро — на стимулирование инновационной активности; 5,4 млрд евро — на стратегические инвестиции; 1,2 млрд евро — на постковидное восстановление экономики; 17 млрд евро — на инвестиции в человеческие ресурсы; 55 млрд евро — на поддержку сельского хозяйства. Бюджет программы стимулирования совместных НИОКР и инновационных проектов «Горизонт Европы» составляет 97 млрд евро на период 2021–2027 гг. Последняя показала свою высокую эффективность: на один евро, выделяемый из бюджета ЕС на финансирование НИОКР, из других источников на реализацию инновационных проектов направляется 4,3 евро. Один евро, выделяемый Еврокомиссией на реализацию приоритетных направлений НИОКР, дает 2,9 евро прироста добавленной стоимости¹.

Кроме бюджета ЕС, сформированного долевыми бюджетными взносами государств Союза (отчисления на основе ВНД государств — до 70%, отчисления от взимания НДС — около 13%, отчисления от взимания импортных пошлин и сборов с производителей сахара — около 15%; а с 2022 г. дополнительная доходная статья — сбор в размере 0,8 евро за килограмм неутилизованного государствами Союза пластика), для стимулирования инвестиционной активности в ЕС широко задействованы и другие целевые инструменты. Так, в целях стимулирования развития и поддержки отстающих регионов и конвергенции (выравнивания) потенциалов развития экономик государств ЕС функционирует Европейский инвестиционный банк (ЕИБ) с собственными средствами 74 млрд евро (в пятьдесят раз выше оплаченного капитала ЕАБР), который формирует соответствующие инвестиционные фонды и рефинансируется путем выпуска рыночных облигаций, принимаемых к рефинансированию ЕЦБ, а также Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) с размером собственного капитала в 18 млрд евро. ЕИБ уже профинансировал программы стимулирования инвестиционной активности Invest EU в размере 100 млрд евро. Помимо ЕИБ и ЕБРР, Евросоюз располагает Фондом регионального развития, через который в 2014–2020 гг. были профинансированы инвестиционные проекты, отобранные по признаку воздействия на выравнивание развития регионов, на сумму 200 млрд евро. Еще 350 млрд евро (порядка трети бюджета ЕС) за тот же период стоила политика сплочения Евросоюза. С учетом европейских институтов развития, курируемых Еврокомиссией, общие расходы на развитие ЕС (не считая денежно-кредитных механизмов) составляют почти 2 трлн долл. (15% ВВП ЕС) на период 2021–2027 гг.

ЕС широко задействует и инструменты денежно-кредитной политики: Европейский центральный банк (ЕЦБ) за счет денежной эмиссии под отрицательный процент рефинансирует коммерческие банки в целях долгосрочного кредитования предприятий в общем объеме свыше 5 трлн евро². Аналогичным образом действуют денежные власти большинства государств «двадцатки». Это позволяет предприятиям получать долгосрочные ссуды менее чем под 2% годовых (а в рамках приоритетных направлений государственной политики — менее чем под 1%), бесконечно наращивая инвестиционную и инновационную активность. Источниками доходов бюджета ЕАЭС наряду с практикуемыми сегодня взносами государств-членов могут быть: ввозные таможенные пошлины; отчисления за счет положительного сальдо государств-доноров; платежи за загрязнение окружающей среды; экспортные пошлины на вывоз биржевых товаров с таможенной территории ЕАЭС.

Экспортные пошлины, как представляется, наиболее подходящий инструмент для изъятия природной ренты и конъюнктурных сверхдоходов с экспортируемой части природных ресурсов. Основой исчисления величины вывозных пошлин является разница между номинированной в иностранных юрисдикциях и биржах мировой ценой товара и издержками его производства по внутренним ценам в рублях.

¹ Расчет ЕЭК по данным Европейской комиссии. См. также: Annual EU budget 2022 [Электронный ресурс] // European Commission website. URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/eu-budget/annual-eu-budget/all-annual-budgets/2022_en (дата обращения: 30.09.2022).

² Европейский центральный банк увеличил эмиссию евро [Электронный ресурс] // Открытый журнал. 23 марта 2022 г. URL: <https://journal.open-broker.ru/novosti/ecb-uvelichil-emissiyu-evro/> (дата обращения: 30.09.2022).

Помимо фискальных целей, этот универсальный инструмент призван оградить потребителей ЕАЭС от давления мирового ценообразования на ключевые биржевые товары, сделав цены на внутреннем рынке ниже на величину экспортного тарифа. Кроме того, экспортная пошлина оказала бы серьезное положительное влияние на эффективность и прозрачность экспортных операций, сделав невыгодной продажу востребованных внутренним рынком биржевых товаров по демпинговым ценам, чего крайне сложно достичь за счет применения экспортных квот, администрируемых сторонами в национальном режиме.

Справочно:

Введенный как важный компенсационный механизм при либерализации внешней торговли с 1992 года экспортный тариф на вывоз сырьевых товаров сыграл значительную положительную роль. Одновременно с либерализацией внешней торговли были введены экспортные таможенные пошлины на вывоз нефти, газа, металлов, химического сырья, круглого леса и других сырьевых товаров, внешнеторговая цена на которые содержала значительную рентную составляющую. Благодаря этому федеральный бюджет получал в то время до одной трети доходов. При этом в интересах сохранения единого экономического пространства в СНГ экспортные пошлины не взимались на поставки товаров во взаимной торговле государств Содружества.

Часть доходов от взимания экспортных пошлин может быть использована в качестве суверенного источника финансирования инвестиций в развитие — крупные проекты с интеграционной составляющей, инфраструктурное строительство, организацию продуктивных кооперационных цепочек с участием частного бизнеса. Ежегодный объем поступлений от экспортных пошлин на поставляемые в третьи страны биржевые товары оценивается в 30 трлн руб.

Платежи за загрязнение окружающей среды

Они рассчитываются исходя из расходов на восстановление ее ассимиляционного потенциала по нормативам сверх предельно допустимых концентраций загрязняющих веществ, включая парниковые газы. Они включают в себя платежи за загрязнение и штрафы за превышение предельных допустимых нормативов концентрации вредных веществ в выбросах. Исходя из современных научно обоснованных предложений, совокупная величина этих платежей с источников загрязнения окружающей среды в ЕАЭС составит до 1% ВВП. Эти платежи предлагается аккумулировать в системе экологических фондов ЕАЭС, распределенных между региональным, национальным и наднациональным (ЕЭК) уровнями. Расходы этих фондов следует направлять на создание мощностей предприятий по очистке выбросов (технологическое перевооружение, декарбонизация), экологические мероприятия, рационализацию природопользования. Создание механизмов целевого кредитования совместных инвестиционных проектов и развития производственной кооперации, в том числе за счет многократного расширения возможностей ЕАБР путем фондирования в национальных валютах центробанками под залог облигаций ЕАБР. Целевая кредитная эмиссия может вестись центральными банками государств ЕАЭС в национальных валютах посредством специальных инструментов рефинансирования уполномоченных коммерческих банков, национальных и межгосударственных институтов развития в целях кредитования ими предприятий, реализующих инвестиционные проекты с интеграционным эффектом и расширяющих научно-производственную кооперацию. Ставка процента по этим кредитам для конечного заемщика не должна превышать 2%. Исходя из возможностей неинфляционной ремонетизации экономики, объем кредитов, выделяемых таким образом, может составить до 10 трлн руб. в год. Займы должны оформляться по аналогии с реализуемыми в России специнвестконтрактами — многосторонними инвестиционными соглашениями, предусматривающими целевое использование кредитов.

Приходится констатировать, что российская экономика работает наполовину своих потенциальных возможностей из-за чрезмерно жесткой денежной политики. Недостаточное предложение кредита не позволяет связать в процессе воспроизводства около 40% производственных мощностей. В машиностроении простаивает 70% производственных мощностей из-за отсутствия возможностей кредитования оборотных средств. Отсутствие долгосрочного кредита не дает возможности профинансировать создание

капиталоемких перерабатывающих производств в нефтегазохимии, лесной и других отраслях обрабатывающей промышленности. Огромный потенциал роста российской экономики уходит вместе с экспортом сырьевых товаров, доля которого достигает 80% производства. Наряду с недогрузкой производственных мощностей, на промышленных предприятиях имеется до 20% резервов повышения производительности труда. Не задействован в должной мере и научно-технический потенциал, судя по продолжающейся эмиграции ученых и инженеров. Иными словами, у российской экономики сегодня нет ограничений роста по факторам производства. Единственное ограничение — искусственно созданный Банком России барьер в доступе к кредиту. Имеющийся ресурсный потенциал позволяет обеспечить прирост выпуска продукции на 8%, а инвестиций — на 20% при проведении научно обоснованной экономической политики, предусматривающей реализацию давно разработанной нами в РАН стратегии опережающего развития [2].

Реализация стратегии опережающего развития и одновременное обеспечение задач национальной безопасности должны включать следующие меры, направленные на мобилизацию имеющихся ресурсов.

1. Разработка стратегического плана мобилизации имеющихся ресурсов с целью опережающего развития экономики на основе нового технологического уклада и обеспечения Вооруженных сил новыми видами военной техники, а населения — необходимыми товарами. Принятие нормативно-правовой базы по его исполнению. Осуществление этого плана должно вестись на основе частно-государственного партнерства. Финансироваться Банком России посредством специальных инструментов рефинансирования уполномоченных коммерческих банков, которые должны доводить целевые кредиты до предприятий под согласованные с соответствующими ведомствами контракты на производство продукции во исполнение указанного плана.

2. Формирование государственного распределенного валютного резерва за счет обязательной продажи правительству части валютной выручки по фиксированному курсу. Использование централизуемых валютных средств для закупки критического импорта, инвестиций в развитие экспортной инфраструктуры, страхования перевозок и внешней торговли, модернизацию наших представительств за рубежом, совместных зарубежных инвестиций. Беспроцентный кредит правительству на эти цели должен предоставить Центральный банк, лишившийся возможности формирования собственных валютных резервов.

3. Подчинение государственным структурам макроэкономической политики, включая ее денежно-кредитную составляющую, целям модернизации и роста производства высокотехнологической продукции военного и двойного назначения. Для этого должны быть организованы кредитные линии со ставкой не более 2% годовых для предприятий-заемщиков, производящих продукцию по государственным заказам и работающих по государственным программам.

4. Ренационализация Московской биржи. Восстановление управляемости курсом рубля. Защита валютно-финансовой системы от спекулятивных атак на основе стандартных мер охлаждения рынка, введения лицензирования капитальных и ограничения неторговых операций, фиксации валютной позиции коммерческих банков. Введение налога на продажу валюты и ценных бумаг, приобретенных менее года назад. Кардинальное повышение эффективности валютного контроля. Проведение деофшоризации экономики и прекращение несанкционированного вывоза капитала.

5. Прекращение использования рейтинговых агентств, аудиторских, консалтинговых и юридических компаний недружественных стран в методиках денежных властей, работе государственных ведомств, банков и корпораций. Замена их российскими организациями.

6. Углубление евразийской экономической интеграции как по набору функций регулирования экономики (дополнить их валютной, монетарной, образовательной, научно-технической политикой).

7. Переход на национальные валюты во взаимной торговле и инвестициях не только в ЕАЭС и СНГ, но и в рамках БРИКС, ШОС. Вывод совместных институтов развития из долларовой зоны. Расширение независимых от недружественных стран платежных систем и систем обмена межбанковской информацией до глобальных размеров.

Переход к давно предлагаемой РАН политике опережающего развития позволит удвоить объемы выпуска продукции обрабатывающей промышленности и утроить выпуск продукции машиностроения в течение пяти лет [1].

Финансовая политика Банка России

В свою очередь, предложенные Банком России очередные Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на период 2023–2025 гг. (далее — ОНЕГДКП) несовместимы с этими предложениями так же, как и с развитием экономики. Согласно им, ЦБ не создает деньги, а изымает их из экономики. Начиная с 2014 г. Банк России постепенно прекратил операции по рефинансированию банковской системы и в настоящее время является нетто-заемщиком во взаимоотношениях с национальной экономикой. Вслед за изъятием ранее выданных 12 трлн руб. он заимствует у банков и правительства около 15 трлн руб., привлекая деньги на свои депозиты и эмитируя облигации. Это прямой вычет из нашего инвестиционного потенциала. Чтобы удерживать коммерческие банки от инвестирования свободных средств, Банк России выплачивает им проценты по депозитам (объем которых по ставке 7–8% составляет сейчас более 3 трлн руб.) [3, с. 149] и облигациям по близкой к ключевой ставке за счет денежной эмиссии. Это влечет уникальную для современного мира ситуацию убыточности Центрального банка. Он печатает деньги для того, чтобы коммерческие банки вместо кредитования экономики выводили деньги из нее в ЦБ. Можно ли представить себе более абсурдную денежно-кредитную политику с точки зрения реализации поставленных политическим руководством страны целей ее опережающего развития, наращивания инвестиций и повышения уровня жизни населения?

Общепризнанный классик теории денег нобелевский лауреат Джеймс Тобин доказал, что главной целью деятельности ЦБ должно быть создание условий для максимизации инвестиций. Банк России своей политикой преследует прямо противоположную цель — вывод денег из экономики и вывоз их из страны с созданием максимально выгодных условий для обогащения международных спекулянтов, подавляющая часть которых базируется в недружественных странах, ведущих против России гибридную войну.

Согласно проекту Основных направлений единой государственной денежно-кредитной политики на 2023 год и период 2024 и 2025 годов Банк России остается должен коммерческим банкам и правительству по 7 трлн руб., изымая из экономики около 15 трлн руб. Еще порядка 250 млрд долл. положительного сальдо торгового баланса регулятор, руководствуясь негодными к применению догмами либеральной глобализации — Вашингтонского консенсуса, планирует выдавать за рубеж, разрешая экспортерам не возвращать в страну валютную выручку. При этом ориентированные на внутренний рынок промышленные предприятия стонут от недоступности кредита на финансирование оборотных средств и инвестиций: у большинства из них рентабельность производства ниже процентных ставок за кредит¹. Примером тому может служить таблица, на которой представлен прогноз основных показателей по счетам органов денежно-кредитного регулирования (показатели денежной программы) по состоянию на конец периода, трлн руб., если не указано иное [3, с. 135–136].

Обескровливание экономики означает блокировку любых попыток к расширенному воспроизводству на качественно новом уровне. Кровеносная система любой экономики — это деньги, причем деньги, поступающие ритмично и адресно в те сферы народного хозяйства, которые в них испытывают нужду. Экономика постсоветской России парадоксальным образом сочетает два взаимоисключающих свойства: избыток и недостаток денег. У банков их избыток, а у промышленных предприятий, за исключением экспортно-ориентированных производителей энергоносителей и сырья, — недостаток.

В современной рыночной экономике банковский кредит выполняет функцию авансирования экономического роста. Соответственно, чем быстрее развивается экономика, тем выше ее кредитоемкость. Например, отношение кредита к ВВП в Китае более 150%, Японии — более 200%. В России же этот показатель менее 50% ВВП. Доля кредита в финансировании инвестиций составляет 15% по сравнению с 50–70% в странах-лидерах.

¹ См., например, обзор реального сектора экономики ЦМАКП, по которому 2/3 основных видов экономической деятельности имеют рентабельность ниже ставок по кредитам: [Электронный ресурс] // Forecast.ru. URL: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Mon_13/2022/TT2022_5.pdf (дата обращения: 30.09.2022).

Прогноз основных показателей по счетам органов денежно-кредитного регулирования
Table. Forecast of the Main Indicators on the Accounts of Monetary Regulatory Authorities

Показатель	2021 (факт)	Базовый			
		2022	2023	2024	2025
1. Денежная база (узкое определение)	14,6	14,8	15,4	16,0	16,6
1.1. Наличные деньги в обращении (вне Банка России)	14,1	14,7	15,2	15,7	16,2
1.2. Обязательные резервы**	0,5	0,1	0,3	0,4	0,4
2. Чистые международные резервы	45,0	44,0	44,0	44,0	44,0
– в млрд долл. США***	605	592	592	592	592
3. Чистые внутренние активы	-30,4	-29,2	-28,6	-28,0	-27,4
3.1. Чистый кредит расширенному правительству	-9,8	-9,2	-7,9	-7,0	-6,6
3.2. Чистый кредит банкам	-4,0	-5,6	-6,7	-7,7	-7,7
3.2.1. Валовой кредит банкам	1,5	1,3	0,5	0,5	0,5
3.2.1.1. Требования по операциям рефинансирования****	1,1	0,9	0,2	0,2	0,2
3.2.2. Корреспондентские счета кредитных организаций в Банке России	-2,7	-2,4	-4,4	-4,7	-4,9
3.2.3. Депозиты кредитных организаций в Банке России и КОБР	-2,8	-4,5	-2,8	-3,5	-3,4
3.3. Прочие чистые неклассифицированные активы*****	-16,6	-14,5	-14,0	-13,3	-13,1

* Показатели денежной программы, рассчитываемые по фиксированному обменному курсу, определены исходя из официального курса рубля на начало 2022 года.

** Обязательные резервы кредитных организаций по счетам в валюте Российской Федерации, перечисленные в Банк России (не включают средства на корреспондентских счетах кредитных организаций в Банке России, учитываемые в рамках использования механизма усреднения обязательных резервов).

*** Изменение чистых международных резервов прогнозируется с учетом операций Минфина России по покупке (продаже) иностранной валюты на внутреннем валютном рынке, а также включая изменение задолженности банков по операциям рефинансирования Банка России в иностранной валюте, операции Банка России по покупке монетарного золота и расчеты по сделкам «валютный своп» по продаже долларов США за рубли.

**** Включают требования по операциям рефинансирования в рублях, в том числе обеспеченным кредитам, операциям репо, сделкам «валютный своп» по покупке Банком России долларов США и евро за рубли.

***** Включают операции с использованием денежных средств государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов» и Фонда консолидации банковского сектора, чистые процентные расходы Банка России, операции Минфина России по инвестированию средств ФНБ, рост обязательных резервов по обязательствам в иностранной валюте, хранящихся на специальных счетах, а также валютную переоценку активов.

Источник: Банк России

Без инвестиций не может быть экономического роста, а без кредита не получится профинансировать необходимый для расширенного воспроизводства экономики объем инвестиций. В России подавляющая часть инвестиций в основной капитал финансируется за счет собственных средств предприятий, что обеспечивает лишь простое воспроизводство экономики. При этом необходимые для развития собственные средства имеют только экспортно-ориентированные предприятия добывающей промышленности и химико-металлургического комплекса, что предопределяет сырьевую ориентацию развития российской экономики. Они же могли делать относительно дешевые займы за рубежом. В ситуации, когда ЦБ ограничивает внутренний кредит, экономика автоматически переориентируется на спрос и источники кредита за рубежом, что и стало основной причиной превращения России в сырьевой придаток европейской, а теперь уже и китайской экономики. Российская банковская система не только не обеспечивает кредитование развития экономики, но и не выполняет своей главной функции — трансформации сбережений в инвестиции. Банки, в том числе государственные, кредитуют

торговлю, федеральное и региональные правительства, валютные спекуляции, потребление... Все, что угодно, только не производственные инвестиции, что в особый период сродни диверсии.

В то же время российская экономика работает наполовину своих потенциальных возможностей из-за чрезмерно жесткой денежной политики. Недостаточное предложение кредита не позволяет связать в процессе воспроизводства около 40% производственных мощностей. В машиностроении простаивает 70% производственных мощностей из-за отсутствия возможностей кредитования оборотных средств. Отсутствие долгосрочного кредита не дает возможности профинансировать создание капиталоемких перерабатывающих производств в нефте-газохимии, лесной и других отраслях обрабатывающей промышленности. Огромный потенциал роста российской экономики уходит вместе с экспортом сырьевых товаров, доля которого достигает 80% производства. Наряду с недогрузкой производственных мощностей, на промышленных предприятиях имеется до 20% резервов повышения производительности труда. Не задействован в должной мере и научно-технический потенциал, судя по продолжающейся эмиграции ученых и инженеров. Иными словами, у российской экономики сегодня нет ограничений роста по факторам производства. Единственное ограничение — искусственно созданный Банком России барьер в доступе к кредиту. Имеющийся ресурсный потенциал позволяет обеспечить прирост выпуска продукции на 8%, а инвестиций — на 20% при проведении научно обоснованной экономической политики, предусматривающей реализацию давно разработанной нами в РАН стратегии опережающего развития [1].

Рекомендации Евразийской экономической комиссии

Если привести денежно-кредитную политику в соответствие с целями развития, ЕЭК могла бы взять на себя ответственность по обоснованию и ведению перечня предлагаемых к целевому кредитованию проектов и программ, включая оценку их макроэкономического эффекта и анализ создаваемых за их счет кооперационных цепочек и дополнительной добавленной стоимости. Эта деятельность может быть организована в соответствии с Положением о разработке, финансировании и реализации межгосударственных программ и проектов в промышленной сфере (решение ЕМПС от 2 февраля 2018 г. № 1).

Таким образом, в качестве реалистичных источников финансирования реализации указанных выше Стратегических направлений развития евразийской интеграции предлагаются средства: от экспортных пошлин, направляемых в бюджет ЕАЭС; от платежей за загрязнение окружающей среды — в специально создаваемый Экологический фонд ЕАЭС; целевых кредитных ресурсов национальных банков, аккумулируемых в организуемых под конкретные программы и проекты синдицированных кредитных инструментах. В совокупности общий объем этих источников финансирования может составить до 10% ВВП ЕАЭС (12–15 трлн руб. в год), из которого 2% ВВП могли бы составить ассигнования бюджета ЕАЭС за счет экспортных пошлин; 1% ВВП — инвестиции и расходы экологических фондов; 5–7% ВВП — рефинансирование уполномоченных коммерческих банков и институтов развития со стороны центральных банков. Отказ от порочной практики предоставления тарифных льгот или обнуления ввозных таможенных пошлин на импортируемую иностранную технику и комплектующие в тех случаях, когда промышленность государств ЕАЭС производит конкурентоспособные аналоги. Кроме того, необходимо особо выделить следующие позиции.

1. Вольное манипулирование формулировками Решения Комиссии Таможенного союза от 27 ноября 2009 г. № 130 «О едином таможенно-тарифном регулировании Евразийского экономического союза» по заявкам сторон обесмысливает политику стимулирования замещения импорта и выстраивания под эти цели продуктивной кооперации государств-членов и наблюдателей в ЕАЭС. Это касается, прежде всего, производства гражданских летательных аппаратов — отрасли, генерирующей длинные цепочки добавленной стоимости и кумулятивный эффект для смешанных отраслей. Накопленным итогом с 2009 г. объемом предоставленных иностранным производителям гражданских самолетов тарифных льгот составляет не менее 20 млрд долл. (под льготные процедуры помещено до одной тысячи судов). Оценки преференций зарубежным производителям авиационной техники, оказанных за счет тарифных льгот и / или помещения импортных самолетов под действие процедуры временного ввоза, не учитывают косвенного экономического ущерба, понесенного предприятиями государств ЕАЭС.

2. Отечественный авиапроизводитель поставлен в крайне невыгодные экономические условия, при которых все его программы на внутреннем рынке подвержены ценовому «давлению» западных продуктов, обеспеченных экспортной поддержкой. Искусственно простимулированный спрос на последние во многом подкреплен льготными таможенными и налоговыми режимами, увязанными с всеобщим использованием «комфортных» юрисдикций Бермудской и Ирландской регистрации самолетов, прикрываемых техническим регулированием. 10 июня 2022 г. Совет ЕЭК (по заявке Республики Казахстан) в очередной раз продлил срок действия тарифной льготы в отношении самолетов пассажировместимостью от 110 до 300 чел. до 31 декабря 2031 г., а в отношении турбовинтовых самолетов (типа Bombardier DHC-8-402 Q400) до 31 декабря 2025 г. При этом, как указывается в сопроводительной справке, планируемая потребность казахстанских авиакомпаний в дополнительных воздушных судах в период с 2024 г. по 2031 г. составляет ориентировочно 170 турбореактивных самолетов и около 10 турбовинтовых. Гражданские суда этой вместимости (Суперджет, Ил-114) серийно производятся Российской Федерацией, в ближайшие годы их производство, а также судов других типоразмеров (МС-21, Ил-96, Ту-214) планируется нарастить, что покроет потребности перевозчиков государств ЕАЭС. Контрактация же самолетов западных производителей с подведением их под тарифные преференции ЕАЭС приведет к не востребоваемости машин российского производства внутренним рынком Союза.
3. Отработка различных правовых форм развития производственной кооперации: консорциумов (образовательных, научно-технических, инвестиционных); специальной формы «евразийской компании» по аналогии с «европейской компанией»; евразийских холдинговых компаний как символов ЕАЭС.
4. Создание собственной платежно-расчетной инфраструктуры: расчетов в национальных валютах государств — членов ЕАЭС на базе Межгосбанка СНГ со своей системой обмена банковской информацией, оценки кредитных рисков, котировки курсов обмена валют, а также альтернативного расчетного средства. Устойчивость новой синтетической расчетной валюты обеспечивается корзиной национальных валют государств-членов (агрегированный индекс) и запасами производимых в них биржевых товаров («товарный жгут»), таких как: нефть, газ, лес, металлы, зерно, вода и др. Математическая модель конструирования такой валюты показала ее высокую устойчивость.
5. Создание собственного биржевого пространства с ценообразованием в национальных валютах, что позволит ускорить «отвязку» воспроизводства экономики ЕАЭС от западного ценообразования, огра- дить общий рынок от импортированной инфляции.
6. Приведение системы управления развитием ЕАЭС в соответствие с масштабом стоящих задач. Отсутствие у ЕЭК полномочий по контролю за исполнением сторонами общесоюзных норм ограничивает дееспособность институтов регулирования общего рынка.

Заключение

Представляется, что только предложенный комплексный подход позволит полностью реализовать принятые Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 г., заложить основы для нового этапа интеграции с достижением поставленных значимых рубежей в интересах стран и народов нашего интеграционного объединения.

Литература

1. Глазьев С. Ю. Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М. : Книжный мир, 2018. 765 с.
2. Место ЕАЭС в мире стратегических изменений: сценарий «Собственный центр силы» на основе научно-технологического прорыва — долгосрочный ответ на вызовы глобального экономического кризиса, вызванного пандемией. Аналитический доклад. М. : ЕЭК, 2020. 37 с.
3. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2023 год и период 2024 и 2025 годов. Проект от 27 сентября 2022 года. М. : Банк России, 2022. 156 с. [Элек-

тронный ресурс] // Банк России. URL: [https://www.cbr.ru/Content/Document/File/139691/on_project_2023\(2024-2025\).pdf](https://www.cbr.ru/Content/Document/File/139691/on_project_2023(2024-2025).pdf) (дата обращения: 30.09.2022).

Об авторе:

Глазьев Сергей Юрьевич, Член коллегии (министр) по интеграции и макроэкономике ЕЭК (Москва, Российская Федерация), председатель Научного совета РАН по комплексным проблемам евразийской экономической интеграции, модернизации, конкурентоспособности и устойчивому развитию, главный редактор журнала «Евразийская интеграция: экономика, право, политика», академик РАН, доктор экономических наук, профессор;
serg1784@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4616-0758>

References

1. Glazyev S. Yu. *A Leap Into the Future. Russia in New Technological and World Economic Structures*. Moscow : Knizhny Mir, 2018. 765 p. (In Rus.)
2. *The Place of the EAEU in the World of Strategic Changes: the "Own Center of Power" Scenario Based on a Scientific and Technological Breakthrough Is a Long-term Response to the Challenges of the Global Economic Crisis Caused by the Pandemic*. Analytical Report. Moscow : EEC, 2020. 37 p. (In Rus.)
3. *The Main Directions of the Unified State Monetary Policy for 2023 and the Period 2024 and 2025*. Draft Dated September 27, 2022. Moscow : Bank of Russia, 2022. 156 p. [Electronic resource] // Bank of Russia. URL: [https://www.cbr.ru/Content/Document/File/139691/on_project_2023_2024-2025\).pdf](https://www.cbr.ru/Content/Document/File/139691/on_project_2023_2024-2025).pdf) (accessed: 30.09.2022) (In Rus.)

About the author:

Sergey Yu. Glazyev, Member of the Board — Minister in Charge of Integration and Macroeconomics of the EEC (Moscow, Russian Federation), Academician, Scientific Council on Complex Problems of Eurasian Economic Integration, Modernization, Competitiveness and Sustainable Development, Editor in Chief of the Magazine "Eurasian Integration: economics, law, politics", academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Science (Economy), Professor;
serg1784@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4616-0758>

Из-за железного занавеса в сети гибридной войны (эхо Фултонской речи Черчилля)

Киселев С. Г.^{1,*}, Кефели И. Ф.², Опокин А. Б.³

¹ Московский государственный лингвистический университет, Москва, Российская Федерация; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

* e-mail: ksg56@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0785-2882>

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6889-8924>

³ Государственный университет управления, Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2228-1459>

РЕФЕРАТ

Цель. На основе анализа Фултонской речи Уинстона Черчилля и инициированного им проекта «Немыслимое» проследить причины неустрашимости и, более того, обострения противостояния коллективного Запада и современной России.

Задачи. Анализ хода истории послевоенного мира от объединения западного мира против Советского Союза в годы холодной войны, инициированной Фултонской речью Уинстона Черчилля, а также возрождения железного занавеса — опутанного сетью гибридной войны глобального барьера между коллективным Западом и всем незападным миром.

Методология. Применены исторический метод, метод цивилизационно-культурного анализа, проведены контент-анализ и ивент-анализ Фултонской речи Черчилля, позволяющие осуществлять анализ намерений и выявлять истинные цели автора и скрытый смысл его выступления, которые влияют на глобальный политический дискурс.

Результаты. Утверждается необходимость учета исторических аналогий, которые позволяют выявлять глубинный смысл стратегического планирования политики мира *contra* политики войны как на евразийском пространстве, так и во всем мире.

Выводы. Сформулированы суждения о нарастающей геополитической напряженности между коллективным Западом и всем незападным миром в сетях гибридной войны.

Ключевые слова: международные отношения, Фултонская речь Черчилля, операция «Немыслимое», геополитическая конкуренция, евразийское пространство, гибридная война

Для цитирования: Киселев С. Г., Кефели И. Ф., Опокин А. Б. Из-за железного занавеса в сети гибридной войны (эхо Фултонской речи Черчилля) // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 3. С. 24–33.

From behind the Iron Curtain to Hybrid Warfare Networks (Echoes of Churchill's Fulton Speech)

Sergey G. Kiselev^{a,*}, Igor F. Kefeli^b, Alexey B. Opokin^c

^a Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

* e-mail: ksg56@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0785-2882>

^b Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint Petersburg, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6889-8924>

^c State University of Management, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2228-1459>

ABSTRACT

Aim. Based on the analysis of Winston Churchill's Fulton speech and the project "The Unthinkable" initiated by him, we can trace the causes of the unavoidability and, moreover, the aggravation of the confrontation between the collective West and modern Russia.

Tasks. Analysis of the course of the history of the post-war world from the unification of the Western world against the Soviet Union during the Cold War, initiated by Winston Churchill's Fulton speech, as well as the revival of the "Iron Curtain" — a global barrier between the collective West and the entire non-Western world entangled in a network of hybrid warfare.

Methods. The historical method, the method of civilizational and cultural analysis were applied, content analysis and event analysis of Churchill's Fulton speech were carried out, allowing to analyze the intentions and identify the true goals of the author and the hidden meaning of his speech, which affect the global political discourse.

Results. It is argued that it is necessary to take into account historical analogies that make it possible to reveal the deep meaning of strategic planning of the policy of peace as opposed to the policy of war both in the Eurasian space and throughout the world.

Conclusions. Judgments are formulated about the growing geopolitical tension between the collective West and the entire non-Western world in the networks of hybrid warfare.

Keywords: international relations, Churchill's Fulton Speech, Operation Unthinkable, geopolitical competition, Eurasian space, hybrid war

For citing: Kiselev S. G., Kefeli I. F., Opokin A. B. From behind the Iron Curtain to Hybrid Warfare Networks (Echoes of Churchill's Fulton Speech) // Eurasian integration: economic, law, politics. 2022. Vol. 16. No. 3. P. 24–33.

Введение

Актуальность исследования вопроса, поставленного в теме статьи, обусловлена исторической значимостью события, произошедшего более 75 лет назад и ставшего исторической вехой, символизирующей начало построения новой структуры международных отношений. Речь идет о речи Черчилля, положившей начало холодной войне, продолжавшейся без малого пять десятилетий. Анализ данного события целесообразен и актуален с точки зрения понимания современных событий, грозящих перерастанием в новую холодную войну и непредсказуемую конфронтацию на межкультурном уровне.

Цель исследования заключалась в определении значения Фултонской речи Уинстона Черчилля, произнесенной в марте 1946 г., для дальнейшего развития международных отношений, построения нового формата миропорядка и места в нем нашей страны. В результате исследования получены следующие выводы и умозаключения, включая исторические аналогии, связанные с нынешним состоянием международных отношений, характерной чертой которых стала выступать устойчивая тенденция формирования полицентричного мира на фоне противостояния коллективного Запада и всего незападного мира [1, с. 283–302].

Холодная война на весах истории

В первую очередь хотелось бы подчеркнуть фактор неожиданности данной речи, вернее ее содержания, для всего мирового сообщества, политиков, экспертов, ученых и просто жителей планеты, поскольку

на тот момент США, Великобритания, Франция и Советская Россия являлись союзниками, всего лишь за полгода до этого одержавшими грандиозную для человечества победу во Второй мировой войне над фашистской Германией и союзнической ей Японией. И в этот, казалось бы, благоприятный момент для дальнейшего укрепления и развития партнерских отношений между американским, английским, французским и советским народами, нахождения других точек сотрудничества, помимо антивоенной, вдруг появляется неожиданное заявление о том, что западным странам, прежде всего США, Великобритании, Канаде, Франции, нужно объединяться против СССР, всемерно препятствовать ее развитию и влиянию в мире и привлекать для этого другие страны.

Впрочем, речь Черчилля — не первая его неожиданность, выражающая при признании победоносных заслуг советского народа во Второй мировой войне его открытую позицию в образовании железного занавеса. Первую свою «неожиданность» он попытался осуществить за год до выступления в Фултоне.

В апреле-мае 1945 г. по поручению Черчилля Объединенный штаб планирования военного кабинета Великобритании разработал операцию «Немыслимое», позже признанную как первый план третьей мировой войны. Ее общеполитическая цель формулировалась следующим образом: «Навязать России волю Соединенных Штатов и Британской империи... Быстрый (военный) успех может побудить русских хотя бы временно подчиниться нашей воле, но может и не побудить. Если они хотят тотальной войны, то они ее получают». Операция была разработана по заданию Черчилля, будучи тогда премьер-министром, в глубочайшем секрете. По заверению В. М. Фалина, еще в марте 1945 г. Черчилль отдал приказ собирать трофейное немецкое оружие и складировать его для возможного использования против СССР. Операция «Немыслимое», как план войны против Советского Союза, должна была начаться уже 1 июля 1945 г. силами 112–113 дивизий, включая дюжину дивизий вермахта, которые сдались англичанам и нерасформированными были переведены в лагеря в земле Шлезвиг-Гольштейн и южной Дании. Черчилль предполагал вовлечь в «Немыслимое» Трумэна, который еще 23 апреля 1945 г. на совещании в Белом доме с политическими и военными советниками изложил свое видение ближайших перспектив: Советский Союз отыграл свою роль в американском сценарии завершающейся мировой войны; пора подводить черту под антигитлеровской коалицией; Соединенные Штаты без ассистентов вынудят Японию капитулировать. В таком случае черчиллевское «Немыслимое» могло бы обрести зловещие черты вполне реального и мыслимого. Не исключено даже, что с ядерным акцентом¹. Правительство Великобритании официально категорически отрицало существование подобного рода плана вплоть до 1998 г. В настоящее время документы, относящиеся к операции «Немыслимое», хранятся в Национальном архиве Великобритании².

Фултонская речь — предтеча противостояния НАТО и Советского Союза на евразийском пространстве

В своей речи Черчилль сразу же предложил западным странам, прежде всего американскому и английскому народам, а также другим странам западной демократии перейти от союзнических отношений с СССР к конфронтационным, назвав их «конкретным и вполне реальным предложением». И более того, создать политический союз, основанный на военной силе. И хотя политик воздавал должное Организации Объединенных Наций, которая была незадолго до этого создана, и полагал полезным использовать ее потенциал, но не считал возможным доверять ей всецело, например, не доверять ООН военную информацию, особенно секретную информацию о ядерном оружии, называя это «непростительной ошибкой», дабы эта информация не стала доступной для всеобщего международного пользования. Ядерное оружие он назвал «совместным достоянием США, Великобритании и Канады».

¹ Фалин В. М. Философия «холодной войны» вызревала в годы Второй мировой, или что стоит за фултонской речью Черчилля [Электронный ресурс] // Internet Archive Wayback Machine. URL: https://web.archive.org/web/20060309220829/http://www.9may.ru/war_press/m10010140 (дата обращения: 07.07.2022).

² «Operation Unthinkable: „Russia: Threat to Western Civilization“». British War Cabinet, Joint Planning Staff [Draft and Final Reports: 22 May, 8 June, and 11 July 1945], Public Record Office, CAB [Электронный ресурс] // Internet Archive Wayback Machine. URL: <https://web.archive.org/web/20080706093010/http://www.history.neu.edu/PRO2/> (дата обращения: 20.08.2022); См. подробнее: Советская цивилизация и евразийская идея: две истории длиною в век (к 100-летию образования СССР и становления евразийства). Коллективная монография / под ред. доктора филос. наук, проф. И. Ф. Кефели; предисловие академика РАН С. Ю. Глазьева. СПб. : Петрополис, 2022. 532 с. С. 504–514.

Примечательно и знаково, что, буквально начиная свою речь, он предложил использовать военную терминологию для истолкования своих тезисов, в частности терминологию американских военных, назвав ее «великой мудростью», ибо «эти слова (военная терминология. — С. К., И. К., А. О.) помогают сформулировать стоящие задачи с предельной ясностью» [10, с. 163]. И практически тут же сформулировал центральный, на наш взгляд, тезис о необходимости создания антисоветского военно-политического союза, «братского союза», «международных вооруженных сил». Который, кстати, через несколько лет, в 1949 г., был действительно создан — Североатлантический альянс. И создан, словно по инструкции Черчилля, изложенной в данной речи, утверждавшего, что такой союз должен соблюдать следующие правила: совместное выделение потенциальной военной угрозы; тесное сотрудничество между военными советниками; разработка видов вооружений по общему стандарту; совместное использование всех военных баз — военно-воздушных и военно-морских, которые должны располагаться во всех точках земного шара; взаимный обмен офицерами и курсантами военных и военно-технических учебных заведений; и т. п. Именно эти действия, по его мнению, способны обеспечить коллективную безопасность западного мира.

Что касается американской военной терминологии, ему больше всего понравился термин «стратегическая концепция» и, что интересно, когда в год 50-летия НАТО в Устав альянса были внесены дополнения, их назвали новой Стратегической концепцией. Между прочим, дополнения эти были принципиально-существенными и касались вопроса расширения зоны действия НАТО. Изначально, согласно Уставу НАТО 1949 г., эта зона ограничивалась территорией стран — участниц Вашингтонского договора, причем именно с оборонительной точки зрения, то есть в случае вооруженного нападения на территорию одного или нескольких государств НАТО, а также на их суда и самолеты в Североатлантической зоне и в Средиземном море. Теперь же, согласно поправкам в Уставе НАТО, изложенным в новой Стратегической концепции, эта зона была расширена практически до масштабов всего планетарного пространства. Небезынтересен перечень случаев, когда альянс теперь имеет право на применение военной силы в любой точке планеты (они названы «угрозами безопасности НАТО» — факторами риска), а именно: 1) неопределенность и неустойчивость в Европе; 2) вероятность возникновения регионального конфликта на периферии НАТО; 3) неудавшиеся попытки реформ в других странах; 4) распад государств; 5) нарушение прав человека; 6) политические и социально-экономические проблемы в других государствах; 7) наличие ядерных сил вне государств НАТО; 8) организованная преступность, терроризм, саботаж; 9) миграционные потоки с наличием неконтролируемого передвижения больших масс людей, прежде всего вследствие вооруженных конфликтов; 10) нарушение процесса поступления в страны НАТО жизненно важных ресурсов; 11) возможность попыток со стороны других государств по противодействию функционированию информационных сетей НАТО с целью противостояния натовского превосходства в обычных вооружениях.

Нюансы Фултонского доклада и его плоды

Уместно отметить, что еще одно положение речи Черчилля нашло отражение в документах НАТО. А именно необходимость защиты западно-христианской цивилизации от «растущей угрозы». С этой целью в Устав Североатлантического альянса изначально была включена идея о защите западной цивилизации. Дословно эта запись звучит следующим образом: «Договаривающиеся стороны преисполнены решимости защищать свободу, общее наследие и цивилизацию своих народов» [8, с. 223]. Данное положение можно прочесть в преамбуле Устава НАТО.

Чем же обосновывал Черчилль свое предложение к западным странам, заключающееся в том, чтобы перейти от союзнических отношений с СССР к конфронтационным? Чем оправдывает столь неожиданную перемену отношения к союзнику по антифашистской коалиции, на плечи которого легла основная тяжесть в ходе самой чудовищной войны в истории человечества?

И хотя он тут же воздает должное героизму советского народа в недавно завершившейся войне, отмечает «глубокую симпатию и искреннее расположение, с которым относятся американский и английский

народы ко всем народам Советской России». Однако идея противостояния уже была сформулирована и объявлена, дело оставалось за ее материализацией, то есть за практическим воплощением в практику международной жизни и геополитической реальности данной конфронтационной мысли. Идея противостояния потребовала от Черчилля и выбора названия своего доклада. Поначалу в письме Маклуэру, президенту Вестминстерского колледжа в Фултоне, он предлагал назвать свою речь просто и глобально — “World Peace” («Мир во всем мире»), но буквально накануне выступления Черчилль остановил свой выбор на более жестком и загадочном названии — “The Sinews of Peace”. Sinews переводится как сухожилие, но гораздо реже как движущая сила, основа, опора. Это как раз тот случай, когда в название доклада вкладывался тайный смысл — мир должен строиться на совместной (США и Британской империи) силе, опираться на нее в борьбе, в первую очередь против Советского Союза. Единственным инструментом, способным в данный исторический момент предотвратить войну и оказать сопротивление тирании, является «братская ассоциация англоговорящих народов, что означает специальные отношения между Британским содружеством и Империей и Соединенными Штатами Америки» [12, р. 7]. Причем «братская ассоциация англоговорящих народов» предполагала объединение вооруженных сил, военных баз и арсеналов, систем национальной безопасности, военной подготовки и разведки, образующих своеобразное ядро. И если в 1938 г. Черчилль уже доказывал необходимость создания «Большого Альянса» (имеется в виду антигитлеровская коалиция СССР, США и Великобритании), то спустя восемь лет он предлагал такой альянс для противодействия Советскому Союзу, который в его речи предстал причиной «международных трудностей»: «Тень упала на сцену, еще недавно освещенную победой Альянса... Я очень уважаю и восхищаюсь доблестными русскими людьми и моим военным товарищем маршалом Сталиным... Мы понимаем, что России нужно обезопасить свои западные границы и ликвидировать все возможности германской агрессии. Мы приглашаем Россию с полным правом занять место среди ведущих наций мира, но, — продолжает Черчилль, — от Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике через весь континент был опущен железный занавес. За этой линией располагаются все столицы древних государств Центральной и Восточной Европы: Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест и София, все эти знаменитые города с населением вокруг них находятся в том, что я должен назвать советской сферой, и все они, в той или иной форме, объекты не только советского влияния, но и очень высокого, а в некоторых случаях и растущего контроля со стороны Москвы» [Там же, р. 10–11]. Кстати говоря, Н. В. Злобин, опираясь на открывшиеся архивные документы, отмечал, что Черчилль назвал свою речь «Сухожилия мира», о чем мы упоминали выше, она вскоре стала известна под названием «Железный занавес», причем в предварительно розданный прессе текст упоминание о «железном занавесе» сам автор не включил [5].

Следует обратить внимание на речевой прием, использованный Черчиллем, который заключался в обращении к аудитории от множественного числа, то есть с использованием местоимения «мы». На наш взгляд, обращение во множественном числе, использованное в данной части речи, то есть обращение не только от себя лично, а от еще кого-то, объясняется, скорее всего, тем, что Черчилль озвучивал свою речь в Вестминстерском колледже Фултона (США, штат Миссури) в присутствии американского президента Гарри Трумэна, с которым, собственно, вместе туда и прибыл. То есть его речь лишь на первый взгляд носила частный характер, о чем он не преминул упомянуть. Присутствие же президента США придавало ей вполне официальный формат. И конечно, здесь чрезвычайно важное значение приобретает содержание речи, высказанное одним из самых влиятельных и авторитетных мировых политиков той эпохи, каковым Черчилль, несомненно, являлся. Сегодня, пожалуй, не остается сомнений в том, что британский политик и американский президент заранее согласовали основные пункты данного программного выступления и спланировали стратегические направления ее практической военно-политической реализации (хотя Н. В. Злобин в упомянутой выше статье отмечал, что Г. Трумэн так и не удосужился предварительно ознакомиться с текстом речи Черчилля).

Заслуживают внимания и приемы аргументации. К примеру, акцентируется внимание на обеспечении «безопасности миллионов людей», но это требует «защиты от двух чудовищных мародеров — войны и тирании», а далее следует речевой переход к тоталитарным системам, их полицейским режимам, их вредному воздействию на демократические свободы и их насильственному вмешательству во внутренние

дела стран, — то есть переход к тому, что мешает развитию и предотвращению войны. Или, например, используется упоминание о «бедности и лишениях», «власти голода и отчаяния», с которыми столкнулись многие народы в результате длительной мировой бойни. Но если «устранить опасность войны и тирании», утверждает политик, то можно достигнуть в ближайшие несколько десятилетий стремительного роста материального благополучия, которого «человечество не знало за всю свою многовековую историю» [10, с. 165]. И далее опять же делается нужный переход — для формулирования необходимого вывода — следующей фразой: «Трудно представить, чтобы обеспечение эффективных мер по предотвращению новой войны и развитию тесного сотрудничества между народами было возможно без создания братского союза англоязычных стран» [Там же]. Понятно, что подобные речевые приемы политик использовал для более убедительной аргументации тезиса о необходимости противостояния СССР и другим социалистическим странам.

Уместно отметить, что в дальнейшем идеи Черчилля, высказанные в Фултоне, а также развитые в речи, произнесенной спустя полгода, 19 сентября 1946 г., в Цюрихском университете, были транслированы и использованы многими западными политиками, только упоминание имен которых заняло бы огромное место, среди которых, например, Збигнев Бжезинский, автор «Великой шахматной доски» [2], «Еще одного шанса» [3] и других книг экспансионистской антисоветской и антироссийской направленности. К тому же, что, несомненно, важно для трансформации всей дальнейшей системы международных отношений, мысли британского политика нашли объективированное выражение, и не только в упоминавшемся Североатлантическом альянсе. К примеру, в цюрихской речи Черчилль предложил «приступить к воссозданию европейской семьи народов в виде той региональной структуры, которую предлагается назвать Соединенными Штатами Европы» [11, с. 172]. В данном контексте он, несомненно, имел в виду в том числе возвращение восточно-европейских народов в лоно западной демократии.

И такая структура впоследствии действительно была создана, и мы ее знаем под названием Европейский союз, и в нее действительно вошли европейские страны, бывшие прежде союзниками СССР. Или другой пример — Черчилль предложил создать Совет Европы [Там же, с. 175], который был впоследствии сформирован и функционирует в настоящее время. И кстати, уместно отметить, что отношения с Российской Федерацией у него не всегда дружелюбные.

Следует также констатировать, что идеи Черчилля послужили отправной точкой начала формирования биполярной геополитической модели, разделившей практически все планетарное пространство на две половины, контролируемые геополитически и геостратегически двумя главными центрами силы, двумя полюсами — США и СССР, возглавлявшими две миро-системы, две парадигмы жизнеустройства — капиталистическую и социалистическую. Данное противостояние продолжалось до 1990-х гг., когда двухполюсная модель мироустройства прекратила существование.

Уроки истории

Здесь примечателен такой факт, связанный опять же с Фултоном. В 1992 г. в это американское местечко прибыл президент СССР М. Горбачев, что по-своему символично, и торжественно заявил о завершении холодной войны, причем в том же самом Вестминстерском колледже.

Но, к сожалению, история с холодной войной, начало которой было объявлено в Фултонской речи Уинстона Черчилля, похоже, не закончилась фултонским заявлением Михаила Горбачева об ее окончании. Риторика, знакомая по речи Черчилля, звучит из уст многих западных политиков и политологов США и Европейского союза. Более того, начала трансформироваться в конфронтационные действия, которые в условиях обостряющейся геополитической борьбы чреваты опасностью начала новой холодной войны¹. К большому сожалению, холодная война, завершившаяся лишь три десятилетия назад, похоже, мало чему научила некоторых политических деятелей и политологов. Именно поэтому, на наш взгляд, в выступлении Генерального секретаря ООН Антониу Гутерриша на мероприятии в честь 75-й годовщины

¹ Новая холодная война [Электронный ресурс] // ИноСМИ.RU. URL: https://inosmi.ru/tags/keyword_novaja_kholodnaja_vojna/ (дата обращения: 19.04.2021).

Организации Объединенных Наций совершенно не случайно прозвучала обеспокоенность «нарастающей геополитической напряженностью и возвращением ядерной конфронтации»¹.

Эхо Фултонской речи Черчилля, с очевидностью, наблюдается в наши дни. События последнего времени свидетельствуют о формировании нового железного занавеса, об очередном объединении западного мира против нашей страны, об обострении постулированной сэром Хэлфордом Макиндером извечной геополитической борьбы за евразийское пространство, в особенности за его сердце — Хартленд, каковым он назвал Россию, о формировании нового англосаксонского военного блока AUKUS. Перед Российской Федерацией стоит серьезный геополитический и геοцивилизационный вызов, возможно, судьбоносный.

Но мы не должны забывать и позицию Советского Союза, выраженную Сталиным в его интервью газете «Правда» 14 марта 1946 г., что говорится, по горячим следам выступления Черчилля. На вопрос корреспондента газеты «Можно ли считать, что речь господина Черчилля причиняет ущерб делу мира и безопасности?» Сталин ответил однозначно: «Безусловно, да. По сути дела, господин Черчилль стоит теперь на позиции поджигателей войны. И господин Черчилль здесь не одинок, — у него имеются друзья не только в Англии, но и в Соединенных Штатах Америки. Следует отметить, что господин Черчилль и его друзья поразительно напоминают в этом отношении Гитлера и его друзей. Гитлер начал дело развязывания войны с того, что провозгласил расовую теорию, объявив, что только люди, говорящие на немецком языке, представляют полноценную нацию. Господин Черчилль начинает дело развязывания войны тоже с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершить судьбы всего мира. Немецкая расовая теория привела Гитлера и его друзей к тому выводу, что немцы как единственно полноценная нация должны господствовать над другими нациями. Английская расовая теория приводит господина Черчилля и его друзей к тому выводу, что нации, говорящие на английском языке, как единственно полноценные должны господствовать над остальными нациями мира. По сути дела, господин Черчилль и его друзья в Англии и США предъявляют нациям, не говорящим на английском языке, нечто вроде ультиматума: признайте наше господство добровольно, и тогда все будет в порядке, — в противном случае неизбежна война» [9, с. 25].

Эхо Фултона откликается в политике коллективного Запада

Эхом Фултонской речи Черчилля отдаются настойчивые попытки дегероизировать и переписать историю Второй мировой войны под агрессивным влиянием «новых европейцев» — политических деятелей, писателей-идеологов стран Восточной Европы, пополнивших Европейский союз после 2004 г. Как справедливо отмечает О. В. Петровская, «после „бархатных революций“ и распада СССР в странах Восточной Европы начался процесс пересмотра истории. В оценках событий войны проявился так называемый эффект маятника: то, что раньше рассматривали в позитивном ключе, приобрело отрицательное значение, и наоборот. Институты, ранее занимавшиеся преступлениями нацизма, перестроились на расследование „преступлений коммунизма“. Усилия национальных историков сконцентрировались на демонизации советско-германского договора 1939 г. и пересмотре отношения к коллаборационистам... обеляя себя, восточноевропейцы переносили вину за совершенные ими преступления в годы Второй мировой войны на СССР. Преступниками были объявлены лица, сотрудничавшие с советской властью, принимавшие участие в депортациях и боровшиеся с „лесными братьями“, а коллаборационистов превратили в национальных героев... Восточноевропейские страны, особенно прибалтийские, разрушили европейский консенсус в отношении оценок Второй мировой войны, стали успешно навязывать западноевропейцам свои точки зрения на коммунизм как на якобы большее зло, чем нацизм»². И вот, пожалуй, яркий пример подобной трансформации — «Резолюция Европейского парламента от 19 сентября 2019 г. о важности

¹ В ООН предупредили о возвращении ядерной конфронтации [Электронный ресурс] // Mail.ru. URL: <https://news.mail.ru/politics/44837071/?frommail=1> (дата обращения: 12.04.2021).

² Петровская О. В. Роль восточноевропейских стран в трансформации памяти о Второй мировой войне [Электронный ресурс] // Российский институт стратегических исследований. URL: <https://riss.ru/article/16835/> 27.05.2022 (дата обращения: 01.08.2022).

европейской памяти для будущего Европы», в которой черным по белому прописано, в частности, следующее: «Принимая во внимание, что в этом году отмечается 80-я годовщина начала Второй мировой войны, которая привела к беспрецедентному уровню человеческих страданий и оккупации стран Европы на многие десятилетия вперед... по-прежнему существует настоятельная необходимость в повышении осведомленности, проведении моральных оценок и проведении юридических расследований преступлений сталинизма и других диктатур... что европейская интеграция с самого начала была ответом на страдания, причиненные двумя мировыми войнами и нацистской тиранией, которая привела к Холокосту, и на экспансию тоталитарных и недемократических коммунистических режимов в Центральной и Восточной Европе, ... означает их возвращение в европейскую семью, к которой они принадлежат... [и] выражает свое глубокое уважение каждой жертве этих тоталитарных режимов и призывает все институты и действующие лица ЕС сделать все возможное, чтобы ужасные тоталитарные преступления против человечности и системные грубые нарушения прав человека запомнились и предстали перед судом». Более того, Европейский парламент выражает сочувствие России, которая «остается величайшей жертвой коммунистического тоталитаризма и что ее превращение в демократическое государство будет затруднено до тех пор, пока правительство, политическая элита и политическая пропаганда будут продолжать обелять преступления коммунистов и прославлять советский тоталитарный режим; поэтому призывает российское общество смириться с его трагическим прошлым» и потому «глубоко обеспокоен усилиями нынешнего российского руководства по искажению исторических фактов и обелению преступлений, совершенных советским тоталитарным режимом, и считает их опасным компонентом информационной войны, развязанной против демократической Европы, целью которой является разделение Европы»¹. Вот так вроде бы многомудрые люди из Европейского парламента стараются вершить суд над историей, как это некогда пытался осуществить сэр Уинстон Леонард Спенсер Черчилль.

Заключение

На встрече в Мадриде 29 июня 2022 г. главы государств и правительств стран НАТО, «белые и пушистые» военные стратеги одобрили новую «Стратегическую концепцию НАТО», в которой по-прежнему заявляется о решимости защитить один миллиард наших граждан (тот самый «золотой миллиард»), нашу территорию, свободу и демократию, опираясь на прочную трансатлантическую связь между нашими странами и силу общих демократических ценностей. Ключевой же целью НАТО остается обеспечение нашей коллективной обороны на основе подхода «на 360 градусов», а задачами — сдерживание и оборона, предотвращение кризисов и управление ими, совместная безопасность. И все это из-за того, что «в евроатлантическом регионе нет мира. Российская Федерация нарушила нормы и принципы, которые способствовали стабильному и предсказуемому порядку европейской безопасности» (ст. 6). Более того, негодуют авторы и подписанты этого документа, «стратегические конкуренты проверяют нашу устойчивость и стремятся использовать открытость, взаимосвязанность и цифровизацию наших стран. Они вмешиваются в наши демократические процессы и институты и нацелены на безопасность наших граждан, применяя гибридную тактику как напрямую, так и через посредников. Они осуществляют злонамеренную деятельность в киберпространстве и космосе, продвигают кампании по дезинформации, используют миграцию, манипулируют энергоснабжением и применяют экономическое давление. Эти субъекты также находятся в авангарде преднамеренных усилий по подрыву международных норм и институтов и продвигают авторитарные модели управления. Российская Федерация представляет собой наиболее значительную и непосредственную угрозу безопасности союзников, а также миру и стабильности в евроатлантическом регионе. Она стремится установить сферы влияния и прямого контроля посредством принуждения, подрывной деятельности, агрессии и аннексии. Она использует обычные, кибернетические и гибридные средства против нас и наших партнеров. Ее агрессивная военная позиция, риторика и доказанная готовность применить силу для достижения своих политических целей подрывают основанный на правилах

¹ European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe [Электронный ресурс] // European Parliament. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (дата обращения: 01.08.2022).

международный порядок» (ст. 7) [14]. Так расхожее политическое клише «железный занавес», возникшее еще в XIX в., благодаря Черчиллю, характеризовало весь период холодной войны, а с начала XXI в. вновь возрождается как опутанный сетью гибридной войны глобальный барьер между коллективным Западом и всем незападным миром.

Литература

1. *Бартош А. А., Кефели И. Ф.* Фактор информационного противоборства в политике коллективного Запада // Проблемы национальной стратегии. 2022. № 4 (73). С. 283–302.
2. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические перспективы. М. : Междунар. отношения, 1998. 256 с.
3. *Бжезинский З.* Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. М. : Междунар. отношения, 2010. 224 с.
4. *Буянов В. С.* Очерки о России: власть, политика, идентичность: монография. М. : МАКС Пресс, 2020. 360 с.
5. *Злобин Н. В.* Неизвестные американские архивные материалы о выступлении У. Черчилля 5.III.1946 // Новая и новейшая история. 2000. № 2.
6. *Киселев С. Г.* Глобальная геополитическая трансформация: шансы Америки и остального мира // Аналитический бюллетень Московского Института стратегических исследований. Научные доклады. Московский институт стратегических исследований / ответственный редактор Р. А. Явчуновская. М., 2016. С. 89–104.
7. *Михайленко А. Н.* Полицентричный мир: каким ему быть? // Вопросы политологии. 2015. № 4 (20). С. 89–101.
8. НАТО: Справочник. Брюссель: Бюро информации и печати НАТО, 1995.
9. *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 16. М. : Писатель, 1997. С. 25–30.
10. *Черчилль У.* Мускулы мира. Речь в Вестминстерском колледже, г. Фултон, штат Миссури, США, 5 марта 1946 г. // Геополитика. Классические школы геополитики. Современная российская геополитика: хрестоматия / сост. Б. А. Исаев. СПб. : Питер, 2007. С. 163–170.
11. *Черчилль У.* Трагедия Европы. Речь в Цюрихском университете, 19 сентября 1946 г. // Геополитика. Классические школы геополитики. Современная российская геополитика: хрестоматия / сост. Б. А. Исаев. СПб. : Питер, 2007. С. 171–175.
12. NATO 2022 Strategic Concept. Adopted by Heads of State and Government at the NATO Summit in Madrid 29 June 2022.
13. *Sergey G. Kiselev, Tatiana A. Yashkova, Regina A. Yavchunovskaya* [et al.]. The Eurasian Economic Union (EAEU): The International Legal Status and Political Role in the Context of Globalization and Regionalization // International Journal of Management and Business Research. 2019. Vol. 9. Issue 4. P. 198–203.
14. The Sinews of Peace by Winston S. Churchill. A Speech at Westminster College. Fulton (Missouri), 5 March 1946. Fulton. 1995.

Об авторах:

Киселев Сергей Георгиевич, профессор кафедры политологии Московского государственного лингвистического университета (Москва, Российская Федерация); профессор кафедры международной безопасности и внешнеполитической деятельности России Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Российская Федерация), доктор философских наук; ksg56@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0785-2882>

Кефели Игорь Федорович, профессор, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории стратегического планирования и евразийской интеграции Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор философских наук; geokefeli@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6889-8924>

Опокин Алексей Борисович, старший преподаватель кафедры публичного права и правового обеспечения управления Государственного университета управления (Москва, Российская Федерация); alopokin@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2228-1459>

References

1. Bartosh A. A., Kefeli I. F. The factor of informational confrontation in the policy of the collective West. *Problems of national strategy* [Problemy natsional'noi strategii]. 2022. No. 4 (73). P. 283–302. (In Rus.)
2. Brzezinski Z. *Great chessboard. American dominance and its geostrategic perspectives*. Moscow : Intern. relations, 1998. 256 p. (In Rus.)
3. Brzezinski Z. *One more chance. Three presidents and the crisis of the American superpower*. Moscow : Intern. relations, 2010. 224 p. (In Rus.)
4. Buyanov V. S. *Essays on Russia: power, politics, identity* : monograph. Moscow : MAK Press, 2020. 360 p. (In Rus.)
5. Zlobin N. V. Unknown American archival materials about the speech of W. Churchill on March 5, 1946. *Modern and Contemporary History* [Novaya i noveishaya istoriya]. 2000. No. 2. (In Rus.)
6. Kiselev S. G. Global geopolitical transformation: the chances of America and the rest of the world. *Analytical Bulletin of the Moscow Institute for Strategic Studies. Scientific reports*. Moscow Institute for Strategic Studies / ed. by R. A. Yavchunovskaya. Moscow, 2016. P. 89–104. (In Rus.)
7. Mikhailenko A. N. Polycentric world: what should it be like? *Questions of political science* [Voprosy politologii]. 2015. No. 4 (20). P. 89–101. (In Rus.)
8. *NATO: Handbook*. Brussels : NATO Information and Press Office, 1995. (In Rus.)
9. Stalin I. V. *Compositions*. Vol. 16. Moscow : Writer, 1997. P. 25–30. (In Rus.)
10. Churchill W. *Muscles of the world*. Speech at Westminster College, Fulton, Missouri, USA, March 5, 1946. Geopolitics. Classical schools of geopolitics. Modern Russian geopolitics; ed. by B. A. Isaev. St. Petersburg : Piter, 2007. P. 163–170. (In Rus.)
11. Churchill W. *The tragedy of Europe*. Speech at the University of Zurich, September 19, 1946. Geopolitics. Classical schools of geopolitics. Modern Russian geopolitics; ed. by B. A. Isaev. St. Petersburg : Piter, 2007. P. 171–175. (In Rus.)
12. *NATO 2022 Strategic Concept*. Adopted by Heads of State and Government at the NATO Summit in Madrid 29 June 2022.
13. Sergey G. Kiselev, Tatiana A. Yashkova, Regina A. Yavchunovskaya [et al.]. The Eurasian Economic Union (EAEU): The International Legal Status and Political Role in the Context of Globalization and Regionalization. *International Journal of Management and Business Research*. 2019. Vol. 9. Issue 4. P. 198–203.
14. *The Sinews of Peace by Winston S. Churchill*. A Speech at Westminster College. Fulton (Missouri), 5 March 1946. Fulton. 1995.

About the authors:

Sergey G. Kiselev, Professor of the Department of Political Science of Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation); Professor of the Department of International Security and Foreign Policy of Russia of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation), Doctor of Science (Philosophy);
ksg56@mail.ru; ORCID:<https://orcid.org/0000-0003-0785-2882>

Igor F. Kefeli, Professor, Leading Researcher at the Research Laboratory of Strategic Planning and Eurasian Integration of the North-Western Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Philosophy);
geokefeli@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6889-8924>

Alexey B. Opokin, Senior Lecturer of the Department of Public Law and Legal Support of Management of State University of Management (Moscow, Russian Federation);
alopokin@yandex.ru; ORCID:<https://orcid.org/0000-0003-2228-1459>

Влияние унификации политик стран ЕАЭС и их союзников на долгосрочные социально-экономические процессы внутри Евразийского союза

Мисько О. Н.^{*}, Рубцов Г. Г.

Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Российская Федерация

^{*} e-mail: misko-on@ranepa.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7351-7455>

РЕФЕРАТ

В условиях развития нового витка мирового экономического кризиса, роста региональной и глобальной нестабильности крайне остро встает вопрос значимости совершенствования инструментов интеграционного развития Евразийского экономического союза. К приоритетным механизмам расширения интеграционных связей относится стратегическое планирование. Именно документы долгосрочного характера способны предвидеть и успешно координировать проблемы имущественного неравенства, качества уровня жизни, доступа различных социальных слоев общества к финансовым услугам и т. д. Однако подобные программные документы обречены на невыполнение без наличия обоснованных приоритетов, ориентированных, главным образом, на осуществление структурных сдвигов в экономиках ЕАЭС и его потенциальных новых членов, а также сегодняшних наблюдателей Евразийского экономического союза.

Цель. Проанализировать текущее состояние долгосрочного социально-экономического планирования и прогнозирования в границах ЕАЭС. Предложить «транsinституциональное сотрудничество» в качестве инструмента наднационального социально-экономического прогресса, способствующего унификации политической, социально-экономической и юридической базы государств — участников сотрудничества и, следовательно, усилению интеграционных связей как между странами — участниками ЕАЭС, так и между внешними потенциальными членами интеграции.

Задачи. Задачи исследования: продемонстрировать инструментарий развития «транsinституционального взаимодействия» в границах Евразийского экономического союза, привести примеры подобного сотрудничества на базе возможной кооперации стран ЕАЭС с потенциальными членами союза (Узбекистан), а также проанализировать законодательную базу и накопившийся опыт «стратегирования» в границах евразийской экономической интеграции.

Методология. В настоящей работе использовался сравнительный анализ при сопоставлении стандартного и межрегионального подходов «транsinституционального взаимодействия» для развития государств ЕАЭС, метод экспертных оценок — при выработке рекомендаций по совершенствованию механизмов стратегического планирования в Российской Федерации, методы структурно-логического анализа — при определении приоритетного инструментария в развитии Российской Федерации и Республики Узбекистан.

Результаты. Определены основные вызовы ЕАЭС в части совершенствования инструмента стратегического планирования. Предложен механизм «транsinституционального сотрудничества», ориентированный на усиление интеграционных связей через институциональные преобразования. Рассмотрен макрорегиональный подход как эффективная модель сотрудничества государств в рамках различного социально-экономического инструментария. Проанализированы перспективы интеграционных связей стран ЕАЭС и Республики Узбекистан с целью анализа возможностей унификации механизмов стратегического планирования в рамках «транsinституционального сотрудничества». Даны рекомендации для совершенствования стратегического планирования

Российской Федерации как государства-локомотива в развитии стратегического планирования в ЕАЭС.

Выводы. Как показывают представленные в работе данные, государства — члены ЕАЭС+ (страны евразийской интеграции + страны-наблюдатели + потенциальные члены союза, например, Узбекистан) сталкиваются с похожими проблемами в отношении стратегического развития своих территорий. Представленный авторами «трансинституциональный подход» позволит членам Евразийского экономического союза сплотиться в решении социально-экономических вызовов, систематизировать усилия в направлении совершенствования механизмов социально-экономического развития, существенно экономя на «эффекте масштаба» при изысканиях нового социально-экономического инструментария, апробации его эффективности и процессе контроля достигнутых показателей.

Ключевые слова: ЕАЭС, стратегическое планирование, макрорегион, Евразийский союз, стратегия, социально-экономическое развитие, долгосрочное планирование, СНГ

Для цитирования: Мисько О. Н., Рубцов Г. Г. Влияние унификации политик стран ЕАЭС и их союзников на долгосрочные социально-экономические процессы внутри Евразийского союза // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 3. С. 34–46.

The Impact of the Unification of the Policies of the EAEU Countries and Their Allies on Long-Term Socio-Economic Processes within the Eurasian Union

Oleg N. Misko*, Gennady G. Rubtsov

North-Western Institute of Management of RANEPa, Saint Petersburg, Russian Federation

* e-mail: misko-on@ranepa.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7351-7455>

ABSTRACT

In the context of the development of a new round of the global economic crisis, the growth of regional and global instability, the factor of importance of improving the tools for the integration development of the Eurasian Economic Union is extremely acute. Strategic planning is one of the most important mechanisms for improving integration processes. It is the long-term development documents that are able to foresee and successfully coordinate the problems of wealth inequality, the quality of living standards, the access of various social strata of society to financial services, etc. However, such program documents are doomed to failure without the presence of reasonable priorities, focused mainly on the implementation of structural changes in the economies of the EAEU and its potential new members, as well as today's observers of the Eurasian Economic Union.

Aim. The purpose of the study is to analyze the current state of long-term socio-economic planning and forecasting within the boundaries of the EAEU. A mechanism of “transinstitutional cooperation” is proposed, focused on strengthening integration ties through institutional transformations. The macro-regional approach is considered as an effective model of cooperation between states within the framework of various socio-economic tools.

Task. Thus, the objectives of the study were: to demonstrate the tools for the development of “transinstitutional interaction” within the boundaries of the Eurasian Economic Union, to give examples of such cooperation based on the possible cooperation of the EAEU countries with potential members of the union (Uzbekistan), as well as to analyze the legislative framework and the accumulated experience of “strategizing” in borders of the Eurasian economic integration.

Methods. The research methods are comparative analysis when comparing the standard and interregional approaches of “transinstitutional interaction” for the development of the EAEU states, the method of expert assessments — when developing recommendations for improving the mechanisms of strategic

planning in the Russian Federation, methods of structural and logical analysis — when determining the priority tools in the development of the Russian Federation and the Republic of Uzbekistan.

Results. As a result, the main challenges of the EAEU in terms of improving the strategic planning tool were identified. A mechanism of “transinstitutional cooperation” is proposed, focused on strengthening integration ties through institutional transformations. The macro-regional approach is considered as an effective model of cooperation between states within the framework of various socio-economic tools. The prospects for integration ties between the EAEU countries and the Republic of Uzbekistan are analyzed in order to analyze the possibilities of unifying strategic planning mechanisms within the framework of “transinstitutional cooperation”. Recommendations are given for improving the strategic planning of the Russian Federation as a locomotive state in the development of strategic planning in the EAEU.

Conclusion. As the data presented in the paper show, the member states of the EAEU+ (Eurasian integration countries + observer countries + potential members of the union — Uzbekistan) face similar problems with regard to the strategic development of their territories. The “transinstitutional approach” presented by the authors will allow the members of the Eurasian Economic Union to unite in solving socio-economic challenges, to systematize efforts towards improving the mechanisms of socio-economic development, significantly saving on the “scale effect” in the search for new socio-economic tools, testing its effectiveness and process control of achieved indicators.

Keywords: EAEU, strategic planning, macro-region, Eurasian Union, strategy, socioeconomic development, long-term planning, SNG

For citing: Misko O. N., Rubtsov G. G. The Impact of the Unification of the Policies of the EAEU Countries and their Allies on Long-Term Socio-Economic Processes within the Eurasian Union // Eurasian integration: economics, law, politics. 2022. Vol. 16. No. 3. P. 34–46.

Введение

Каждый исторический период диктует свои правила и нормы экономически рационального поведения. Ситуации турбулентности, неожиданно пронизывающие экономики бывших стран Советского Союза, выражаются острыми негативными последствиями в реальном секторе, дезинтеграцией социальной сферы государства. Результат подобных процессов выражается в резкой потере доверия к структурам государственной власти со стороны обычных граждан и бизнес-сообществ, неспособности реагировать на новые вызовы и угрозы во всех сферах жизни общества: политической, экономической, социальной.

Альтернативой недопущения подобных кризисов является скоординированная, унифицированная единая надгосударственная социально-экономическая политика, направленная на долгосрочный период с опорой на скоординированное стратегическое планирование, гармоничный путь преодоления всевозможных рисков, приготовленных странам постсоветского региона нестабильностью XXI в.

Вследствие вышесказанного авторами выдвигается гипотеза, что любые интеграционные союзы более привлекательны как внутри межгосударственного образования (за счет синергетического эффекта, ускоряющего ответную реакцию на проявляющиеся системные дефекты), так и за его пределами, за счет возникающего так называемого демонстрационного эффекта.

Последний проявляется в понятных и прозрачных механизмах достижения желаемого уровня жизни в определенном государстве через разработанные и апробированные в нескольких государственных образованиях ЕАЭС унифицированные инструменты роста социально-экономического развития.

Стратегические вызовы евразийской интеграции

Особое место в системе инструментария должно отводиться разработке среднесрочных и долгосрочных стратегий, надгосударственных программ и прогнозов. Ведь именно документы стратегического планирования способны предвидеть и успешно координировать проблемы имущественного неравенства, качества уровня жизни, доступа различных социальных слоев общества к финансовым услугам и т. д.

Однако подобные программные документы обречены на невыполнение без наличия обоснованных приоритетов, ориентированных, главным образом, на осуществление структурных сдвигов в экономиках ЕАЭС и его потенциальных новых членов, а также сегодняшних наблюдателей Евразийского экономического союза. Совместная реализация стратегических проектов на этапе разработки и апробации естественным образом поспособствует ускорению интеграционных процессов, сгладит «узкие места» в системах социально-экономического развития отдельных государств, обогатит межгосударственные связи не только экономически, но и культурно-идеологически, что в сегодняшних реалиях является, возможно, еще более важным фактором.

К приоритетам таких наднациональных долгосрочных программ относятся наука и образование, развитие инфраструктуры, а также, к примеру, проекты опережающего социально-экономического развития отдельных территориальных образований [11; 16]. При этом опрометчиво забывать о том, что невозможно добиться экономического роста за счет и при снижении уровня жизни рядовых граждан, поскольку это не только расходится с понятиями социальной справедливости, но и противоречит базовым принципам стратегии национальной безопасности Российской Федерации и других стран ЕАЭС+.

При разработке и совершенствовании обозначенных программ авторы предлагают руководствоваться новым понятием «трансинституциональное сотрудничество» (далее — ТС), призванным развивать интеграционные межнациональные связи средствами совместного совершенствования одного или нескольких инструментов наднационального социально-экономического прогресса в различных отраслях и сферах социально-экономического ландшафта. Подобная практика осуществляется диалогом нескольких институциональных субъектов и представляет собой межинституциональное партнерство / сотрудничество в макрорегиональном (международном) масштабе. ТС позволяет экономить на разнообразных транзакционных издержках, связанных с разработкой, поиском и имплементацией государственных решений в области совершенствования (реформирования): законодательства, механизмов принятия решений и непосредственно внедрения инноваций в практику государственного управления.

Критерием использования ТС между государствами ЕАЭС или странами евразийской экономической интеграции и потенциальными членами союза (в том числе наблюдателями) могут быть:

- схожие вызовы предстоящего долгосрочного периода (например, демографические процессы, связанные со значительным ростом молодого или, напротив, пожилого населения в демографической структуре государства);
- стихийные экономические процессы, сигнализирующие о росте социальной напряженности в обществе (негативные тенденции на рынке труда, неэффективная молодежная политика);
- провал отраслевых реформ, неэффективность внедрения инструментов экономического роста, кризис идеологических и духовно-культурных связей.

В настоящее время вопрос социально-экономического планирования и прогнозирования по-прежнему является своевременным и крайне актуальным для каждого члена евразийской экономической интеграции без исключения. На уровне союза первым документом стратегического планирования стал Договор о Евразийском экономическом союзе, подписанный в 2014 г. главами России, Белоруссии и Казахстана. Договор был рассчитан на десять лет и включал в себя приоритеты и перспективы развития интеграционного объединения до 2025 г. [5]. В сотрудничестве с экспертным сообществом в 2018 г. разработана и принята Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в Евразийском союзе. Не отрицая значительные шаги в направлении развития стратегического планирования на уровне ЕАЭС, следует признать, что дальнейший прогресс тесно увязывается с вызовами, характерными для каждого государства — члена евразийской интеграции.

По-прежнему не выработана методология разработки документов стратегического планирования, различен срок действия фактически аналогичных стратегических концепций. Так, документ «Основные направления экономического развития ЕАЭС» рассчитан сроком до 2030 г., в то время как «Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в Евразийском союзе» — только до 2025 г., на значительно более короткий период [9]. Появление Декларации о дальнейшем развитии свидетельствует также о дезорганизованности процесса разработки документов, когда спустя несколько лет после подписания

одного системного стратегического документа появляется похожий с другим названием и внутренним содержанием.

В такой ситуации «трансинституциональное сотрудничество» на уровне всех стран ЕАЭС, стран-наблюдателей, а также других государств, желающих присоединиться к данному процессу, фокусируется на проблемах стратегического планирования с целью совершенствования вопросов стратегирования как на уровне отдельных государств — членов интеграции, так и союзного образования в целом.

Как показывает недавний опыт национально-государственного строительства членов ЕАЭС и других прилегающих к союзу государств, устойчивое будущее, проецируемое эффективным стратегическим планированием, более не является вариантом или опцией, оно становится необходимостью [2]. В контексте вышесказанного Российская Федерация, как государство — локомотив евразийской интеграции, в диалоге с общественностью и экспертным сообществом должна предложить партнерам свою эффективную и жизнеспособную модель стратегии социально-экономического, а также пространственного развития РФ [14].

В целом развитие интеграционных процессов ЕАЭС должно сказываться на структурных внутригосударственных преобразованиях и наоборот [8]. Обратившись к недалекому историческому опыту XXI в., целесообразно вспомнить, как расширение межрегиональных связей в рамках Содружества Независимых Государств способствовало переходу государственного управления процессами социально-экономического характера с регионального на макрорегиональный уровень.

В частности, в 2010 г. в Российской Федерации сформировались федеральные округа. Для некоторых из них — Северо-Кавказского федерального округа и Дальневосточного федерального округа — были разработаны стратегии долгосрочного развития. Вскоре российский опыт был поддержан Республикой Казахстан, на территории которой образовались шесть макрорегионов, в том числе макрорегионы Алматы и Астаны (в 2019-2022 гг. Нур-Султан. — *Ред.*), а в 2016 г. казахстанское правительство приступило к разработке инвестиционной программы развития макрорегионов, основанной на документе территориально-пространственного развития до 2020 г.

Подобная преемственность в переориентации на макрорегиональный фокус двух стран не случайна. Неравномерность регионального роста жизненно актуальна для большинства современных стран с обширными территориями [1]. И в этом смысле работа двух государств в отношении совершенствования инструментария макрорегионального развития уже привела к формированию опытно-экспериментальной базы. Имеющиеся достижения необходимо принять за константу в рамках «трансинституционального сотрудничества», ориентированного на выработку унифицированного русско-казахстанского подхода к решению проблем, образующихся вследствие новых вызовов развития регионов. Так чего же ждать от макрорегионального развития в «трансинституциональном разрезе» и почему следует двигаться в данном направлении?

Макрорегиональный подход в евразийской интеграции позволит более точно таргетировать процессы сотрудничества в рамках различного инструментария, фокусируя внимание на наиболее институционально адаптированных регионах стран — импортеров «трансинституциональных взаимосвязей». Такой макроподход избавляет от необходимости распылять финансовые, интеллектуальные, а также иные ресурсы на территории, в настоящий момент институционально неспособные в силу правового, экономического или культурно-исторического отторжения воспринимать и внедрять заимствованные методики в пределах своего административно-территориального образования. Ответственность за продвижение полученного межсубъектного научно-исследовательского и практического опыта возлагается на передовые в институциональном плане макрорегионы-локомотивы внутри суверенного государства. В задачи таких регионов входит:

- становиться проводником, а также опытно-экспериментальной площадкой для формирования устойчивой социально-экономической базы долгосрочного государственного развития;
- генерировать внутрирегиональный «эффект успеха», побуждающий остальные территории включаться в «трансинституциональный процесс» изначально в рамках пристального наблюдателя, а впоследствии и в качестве активного участника преобразований.

Таблица 1

**Сравнительный анализ стандартного и макрорегионального подходов
«трансинституционального взаимодействия»**

Table 1. Comparative analysis of the standard and interregional approaches of “transinstitutional interaction”

Особенности «трансинституционального взаимодействия»	Подходы	
	Стандартный подход	Макрорегиональный подход
Субъекты «трансинституционального взаимодействия»	Государство-государство	Государство — регионы-локомотивы, институционально готовые на равноправной основе являться участниками «трансинституциональных связей»
Значение фактора институционального развития территории при выборе субъекта интеграционных связей	Фактор институционального развития территории, ее возможности адекватного и равноправного участия в «трансинституциональном взаимодействии» не учитывается	Институциональный аспект является базовым при построении наднациональных «трансинституциональных связей»
Роль институционализированного макрорегиона (региона-локомотива) в интеграционных процессах	Не имеет значения. Все регионы одинаковы вне зависимости от их институционального развития	Ярко выражена. Регион-локомотив является проводником «трансинституционального сотрудничества» между государствами ЕАЭС и остальными регионами внутри отдельного государственного образования

Источник: составлено авторами на основе собственных данных.

Что касается других членов евразийской интеграции — Армении, Киргизии и Белоруссии, то они (исходя из небольших размеров) не производили разделения своих территорий на макрорегионы. Однако, по мнению авторов, актуальным и своевременным решением присоединиться к процессам развития макрорегионов в рамках ТС представляется для Республики Беларусь, где в последние годы формируется устойчивая тенденция отставания регионов в экономическом развитии от столицы — города Минска.

Устойчивое движение в данном направлении неизбежно приведет к ослаблению государственного контроля над периферийными территориями. «Трансинституциональное сотрудничество» по стратегической линии планирования Москва — Нур-Султан (с 19 сентября 2022 г. Астана. — *Ред.*) — Минск позволит столице Беларуси и институционально схожим территориям республики стать флагманами в формировании стратегического развития государства, добиться внутрирегионального «эффекта успеха», который можно будет преподнести в качестве основы для усиления внутригосударственных экономических и культурно-идеологических связей, главным образом в отношении западной Беларуси.

Таким образом, чтобы минимизировать возможность негативного влияния потенциального внешнего фактора, страны евразийской интеграции не могут игнорировать значимость макрорегионального и стратегического компонентов развития своих территорий, ориентированных на снижение регионального неравенства в качестве жизни, технологическом развитии и т. д.

Это же касается и внутреннего фактора, когда значительные различия соседствующих стран, входящих в единое экономическое пространство, в части уровня заработной платы, притока инвестиций приводят к неизбежному перетоку трудовых, финансовых ресурсов из менее развитого в более экономически благополучный регион. Такого рода внутренние процессы сопровождаются нарастанием дисбалансов и противоречий и провоцируют возникновение угрозы национальной безопасности внутри интеграционного образования [13].

Стратегический альянс ЕАЭС и Республики Узбекистан

В контексте вышеуказанного перспективным направлением развития наднационального стратегического планирования в рамках «трансинституционального сотрудничества» представляется взаимодействие стран ЕАЭС (главным образом Российской Федерации и Республики Казахстан) и Республики

Узбекистан. Последняя прилагает активные усилия по переводу процессов управления экономическим развитием на принципы стратегического планирования, программирования и прогнозирования. Министерством экономического развития Узбекистана прорабатывается стратегия комплексного социально-экономического развития до 2030 г.

Целенаправленное движение в направлении стратегического подхода управления государством осуществляется в республике начиная с 2017 г. [12]. Главными стратегическими документами данного периода следует считать «Стратегию действий по пяти приоритетным направлениям развития Узбекистана в 2017–2021 годах», а также различные целевые программы развития отраслей и территорий [7].

Стратегия пяти приоритетных направлений, подготовленная в 2017 г., в исторической ретроспективе опережает «Национальные проекты Российской Федерации на 2019–2024 годы», принятые в 2018 г. и разработанные по трем основным направлениям, и граничит во временном периоде с провозглашенной 31 января 2017 г. в Республике Казахстан «Третьей модернизацией Казахстана».

Проанализируем приоритеты, заданные правительствами Российской Федерации, Республики Казахстан и Республики Узбекистан, с целью анализа возможностей их унификации и модернизации в рамках «трансинституционального сотрудничества».

Таблица 2

Приоритеты стратегического развития РФ, Казахстана и Узбекистана в период 2017–2018 гг.

Table 2. Priorities for the strategic development of the Russian Federation, Kazakhstan and Uzbekistan in the period 2017–2018

Страна	Приоритет № 1	Приоритет № 2	Приоритет № 3	Приоритет № 4	Приоритет № 5
Российская Федерация	«Человеческий капитал»	«Комфортная среда для жизни»	«Экономический рост»	—	—
Республика Узбекистан	Совершенствование государственного и общественного строительства	Обеспечение верховенства закона и реформирование судебной-правовой системы	Развитие и либерализация экономики	Развитие социальной сферы	Обеспечение безопасности, межнационального согласия, осуществление взвешенной и конструктивной внешней политики
Республика Казахстан	Ускоренная технологическая модернизация. Ориентир на цифровые технологии	Улучшение и расширение бизнес-среды	Макроэкономическая стабильность	Улучшение качества человеческого потенциала	Институциональные преобразования. Борьба с коррупцией

Источник: составлено авторами по: Президент утвердил Стратегию действий по развитию Узбекистана [Электронный ресурс] // gazeta.uz. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2017/02/07/strategy> (дата обращения: 10.01.2022); Национальные проекты: целевые показатели и основные результаты [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/p7nn2CSOpVhvQ98OwAt2dzCIaIetQih.pdf> (дата обращения: 10.01.2022); Третья модернизация Казахстана: глобальная конкурентоспособность [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1700002017> (дата обращения: 10.01.2022)

Как показывает таблица стратегических приоритетов в развитии трех анализируемых республик за 2017–2018 гг., прослеживаются схожие тенденции долгосрочного развития, связанные с экономическим ростом, улучшением качества человеческого потенциала. При этом наглядно проявляются приоритеты странового стратегического развития. Так, стратегии Российской Федерации и Республики Казахстан объединяет акцент на развитии человека, повышении экономической эффективности, в то время как ценностные ориентиры Республики Казахстан и Республики Узбекистан объединяет стремление к системным (институциональным) преобразованиям.

Вместе с тем, как показывает практика нормативно-правовой деятельности Республики Узбекистан, сегодня государство столкнулось с аналогичными вызовами в стратегическом планировании, характерными для всех стран — участников евразийской интеграции. Ежегодно принимается множество программных долгосрочных документов с низким уровнем практической реализации. Не разработаны механизмы результативного мониторинга реализации стратегических документов. Все отчетливее прослеживается искажение в пользу количества новых программных документов в ущерб качеству и эффективности их реализации.

С 2017 г. наблюдается увеличение совокупного государственного внешнего долга. Приходится констатировать: формальное выполнение стратегических документов закономерно приведет к неисполнению приоритетов развития, заложенных в стратегии комплексного социально-экономического развития Республики Узбекистан до 2030 г.

Однако анализ реального положения дел в стратегическом планировании республики — не приговор. Напротив, Узбекистан в своем стратегическом эволюционировании имеет уникальный, исторический шанс не повторить ошибок Российской Федерации и Республики Казахстан, ориентируясь «транс-институциональное сотрудничество» на двух приоритетных аспектах:

- усиление административной ответственности за качество принимаемых стратегических документов;
- разработка унифицированных для трех республик механизмов реализации стратегий, а также корректировка административной и уголовной нормативной документации за их необоснованное невыполнение.

Последнее включает создание единой системы мониторинга исполнения документов стратегического планирования. Для этого в рамках работы межправительственной группы необходимо аккумулировать и актуализировать опыт реализации стратегий членов ЕАЭС. Провести ситуационный и сравнительный анализ реализации наиболее успешных постсоветских практик с мировым опытом решения подобных задач.

В рамках работы «трансинституционального сотрудничества» в области развития механизмов стратегического планирования рабочий орган должен создать унифицированный инструментарий: совершенствования механизмов улучшения деловой среды и инвестиционной привлекательности стран — участников рабочей группы, увеличения количества рабочих мест и роста инновационного сектора экономики. Обособленно для Республики Узбекистан фокус работы должен реализовываться в отношении смягчения внешних и внутренних шоков, связанных с дефицитом энергетических и земельных ресурсов, ростом теневой экономики [6; 10]. Так, согласно данным Министерства экономического развития и сокращения бедности Республики Узбекистан, теневая экономика республики превысила 50% валового внутреннего продукта (ВВП) — это худший показатель среди стран Центральной Азии и всех стран — участников евразийской интеграции¹.

Таблица 3

Доля теневой экономики в странах ЕАЭС и Республике Узбекистан

Table 3. The share of the shadow economy in the EAEU countries and the Republic of Uzbekistan

Страна	Показатель теневой экономики (от ВВП), %	Место в рейтинге «Теневая экономика стран мира»
Россия	38,42	49
Казахстан	38,88	45
Белоруссия	44,52	24
Армения	42,59	34
Кыргызстан	37,92	51
Узбекистан	52,11	—

Источник: составлено авторами по данным: Теневая экономика стран мира [Электронный ресурс] // Fincam.ru. URL: http://fincam.ru/articles/95_tenevaja-ekonomika-stran-mira/ (дата обращения: 17.01.2022)

¹ Узбекистан занял первое место по теневой экономике в Центральной Азии [Электронный ресурс] // Kun.uz. URL: <https://kun.uz/ru/news/2021/07/01/uzbekistan-zanyal-pervoye-mesto-po-tenevoy-ekonomike-v-tsentralnoy-azii> (дата обращения: 17.01.2022).

Как отмечается в стратегических документах, ориентированных на реформирование системы государственного управления Республики Узбекистан, приоритетной стратегической задачей страны является переход к инновационно-ориентированной модели развития экономики, что характерно также и для всех стран евразийской интеграции. Поставленная задача в рамках «трансинституционального сотрудничества» должна быть решена через:

- формирование единой базы знаний эффективного применения механизмов инновационного развития;
- сокращение «интеллектуальной миграции» с помощью создания новых производственных мощностей в высокотехнологичных отраслях экономики, а также повышение уровня доступности так называемых «длинных денег», необходимых для развития научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок [3; 4].

Опубликованный в 2021 г. «Глобальный инновационный индекс-2021»¹, отражающий агрегированный показатель развития инновационного потенциала, а также результатов инновационной деятельности государства, показал следующие достижения стран евразийской интеграции в отношении инновационного развития своих экономик (таблица 4).

Таблица 4

Сравнительный анализ показателей инновационного развития ЕАЭС и Республики Узбекистан

Table 4. Comparative analysis of indicators of innovative development of the EAEU and the Republic of Uzbekistan

Страна	Место в индексе «Глобальный инновационный индекс»	Место в субиндексе «Ресурсы инноваций»	Место в субиндексе «Результаты инноваций»
Россия	45	43	52
Казахстан	79	61	101
Белоруссия	62	68	62
Армения	69	85	56
Кыргызстан	98	81	119
Узбекистан	86	75	100

Источник: составлено авторами по данным: Global Innovation Index2021 [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2021.pdf (дата обращения: 21.01.2022)

Таким образом, стартовые позиции Узбекистана в «трансинституциональном сотрудничестве» (относительно развития инновационной модели экономики) превосходят аналогичные показатели Республики Кыргызстан, частично Армении и даже Республики Казахстан, что значительно упростит интеграцию Узбекистана в процесс развития «совершенной модели инновационного развития экономик ЕАЭС».

В конечном счете приоритетного внимания в контексте работы «трансинституциональной группы» заслуживает вопрос модернизации стратегического программирования и прогнозирования. Последние должны опираться на реалистичный подход к выполнению прогнозов федеральных и региональных целевых программ. Совершенствование прогнозирования и программирования нуждается в расширении объемов данных, являющихся базой для расчета прогноза, повышении их надежности и достоверности.

Переориентация в стратегическом планировании как фактор экономического роста

Проделанная работа ознаменует новую веху развития стратегического планирования для всех стран — участников рабочей группы, включая Российскую Федерацию. В частности, интегрируясь

¹ Global Innovation Index2021 [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2021.pdf (дата обращения: 21.01.2022).

в проблематику стратегического планирования узбекского государства, получится найти ответы на системные нерешенные вопросы, снижающие результативность процессов стратегического характера внутри Российской Федерации:

- очевидно недостаточным является фактическое создание пусть и «хорошего» документа стратегического планирования; необходимы механизмы гарантий выполнения заложенных в документ приоритетов;
- данные гарантии могут быть реализованы посредством разработанной системы проведения проверок, базирующейся на успешном мировом опыте;
- функция проведения проверок должна быть поручена специально созданному органу, агрегировавшему в себе интересы различных социальных групп; другими задачами органа станут: популяризация достижений заявленных в стратегии целей, получение оперативной обратной связи в ходе широкого общественного диалога: власть (разработка и исполнение стратегии) — целевые общественные группы (оценка, критика, рекомендации).

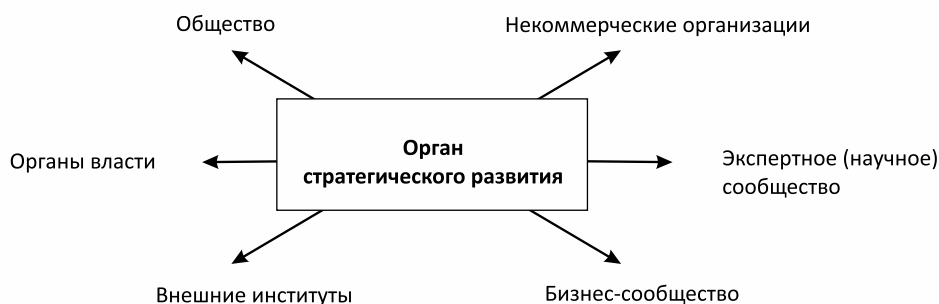

Рис. Схема взаимосвязей различных общественных групп в системе стратегического развития Российской Федерации

Fig. Scheme of relationships between various public groups in the system of strategic development of the Russian Federation

Источник: составлено авторами на основе собственных данных

Таким образом, вновь созданный координационный орган становится проводником идей, мнений и общественных недовольств, а также открытой площадкой для легальной борьбы за интересы различных социальных групп.

Вопросы развития бизнеса обсуждаются в отраслевом и региональном контексте, что дает возможность представителям различных областей и масштабов предпринимательства быть услышанными на федеральном, а также региональном уровне через местные представительства органа координации стратегического развития. Некоммерческие, в том числе экологические организации имеют возможность в правовом поле представить свою экспертизу по вопросам экологической безопасности, социальных прав местного населения, зафиксированных в Конституции Российской Федерации.

Экспертное сообщество получит больше возможностей опосредованного влияния на развитие федеральной и региональных стратегий на всех этапах их функционирования через личные контакты с представителями органов государственной власти всех уровней и высшими должностными лицами субъектов Российской Федерации. В свою очередь, внешние институты, представленные организациями стран — членов ЕАЭС, смогут в режиме реального времени импортировать успешный российский опыт и реализовывать его в рамках механизмов «трансинституционального сотрудничества».

Заключение

Анализируя перспективу стратегического развития в пределах евразийской интеграции в недалеком будущем, представляется важным сконцентрироваться на следующем:

- без закрепления на законодательно-правовом уровне временных горизонтов планирования для основных документов долгосрочного развития в рамках одного реализуемого стратегического

- цикла представляется невозможным обеспечение их координации при разработке в разрезе различных уровней планирования (отраслевого, наднационального, федерального и т. д.);
- разработка эффективной и результативной системы стратегического развития невозможна в отрыве от долгосрочной бюджетной политики, основанной на программном подходе в бюджетном планировании;
- для обеспечения индустриализации стран — членов Евразийского экономического союза в период наступившей четвертой промышленной революции приоритетное значение в системе документов стратегического развития должна приобрести стратегия научно-технологического развития, предусматривающая механизмы опережающего развития производственно-технологического комплекса стран Евразийского экономического союза;
- базой стратегического развития стран ЕАЭС и потенциальных членов евразийской экономической интеграции может стать предложенная авторами концепция «трансинституционального сотрудничества», призванная развивать интеграционные межнациональные связи средствами совместного совершенствования одного или нескольких инструментов наднационального социально-экономического прогресса;
- предложенный «макрорегиональный подход» в евразийской интеграции позволит более точно таргетировать процессы сотрудничества в рамках различного инструментария, фокусируя внимание на наиболее институционально адаптированных регионах стран импортеров «трансинституциональных взаимосвязей», значительно экономить финансовые, человеческие, а также временные ресурсы стран ЕАЭС+.

Литература

1. Абзалбек Г. А. Проблемы финансирования инвестиционных программ в условиях неравномерности развития регионов Казахстана // Вестник ЮУрГУ. Серия: Экономика и менеджмент. 2021. Т. 15. № 1. С. 7–14.
2. Бобылев С. Н. Индикаторы устойчивого развития для России // Социально-экологические технологии: вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. 2012. № 1. С. 8–18.
3. Васильченко Е. Е. Формирование евразийской инновационной системы как условие для создания новой инновационной модели экономического развития в рамках интеграционных процессов ЕАЭС // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2021. С. 162–167.
4. Воронина Н. А. Интеллектуальная миграция: зарубежный и российский опыт регулирования // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2018. Т. 13. № 6. С. 158–183.
5. Глазьев С. Ю. Экономика будущего. Есть ли у России шанс? М. : Книжный мир, 2016.
6. Мага А. А. Анализ масштабов теневой экономики в Республике Узбекистан // Теневая экономика. 2019. Т. 3. № 2. С. 115–126.
7. Мирзиёева С. Ш. Анализ опыта Узбекистана по разработке стратегий развития страны и регионов // Управленческое консультирование. 2019. № 3. С. 49–61.
8. Осадчая Г. И. Евразийский экономический союз: потенциал развития, формат сотрудничества. М. : Экон-Информ, 2021.
9. Румянцев В. А., Гончарик Н. В. К вопросу о стратегическом планировании в рамках Евразийского экономического союза // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2020. С. 96–99.
10. Тихомиров Б. И., Френкель А. А. О единой социально-экономической политике и стратегическом планировании // Экономическая политика. 2017. Т. 12. № 4. С. 82–117.
11. Турдикулова Г. О., Сатторкулов О. Т., Рахматов К. У. Актуальность перехода экономики Узбекистана на принципы и методы стратегического планирования // Молодой ученый. 2019. № 7. С. 57–59.
12. Чепель С. В. Проблемы мониторинга стратегического планирования: опыт России и Узбекистана // Россия: тенденции и перспективы развития. 2021. С. 141–143.

13. Чернышов М. М. Стратегическое управление пространственным развитием макрорегионов в рамках развития и расширения ЕАЭС // Региональные проблемы преобразования экономики. 2019. № 11. С. 163–171.
14. Яковлева С. И. Стратегическое планирование и мониторинг устойчивого развития: опыт России и Белоруссии // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2019. С. 183–191.
15. Golam M., Monowar M. Eurasian Economic Union: Evolution, challenges and possible future directions // Journal of Eurasian Studies. 2018. Volume 9. Issue 2.
16. Yilmaz S. Eurasian Economic Union: A Regional Economic Hegemony Initiative // Journal of Eastern European and Central Asian Research. 2017. Volume 4. No. 2. DOI: <https://doi.org/10.15549/jeecar.v4i2.166>

Об авторах:

Мисько Олег Николаевич, заведующий кафедрой экономики факультета экономики и финансов в Северо-Западном институте управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук; доцент;
misko-on@ranepa.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7351-7455>

Рубцов Геннадий Геннадьевич, соискатель ученой степени кандидата наук в Северо-Западном институте управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
genadij.rubtzov@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0296-878X>

References

1. Abzalbek G. A. Problems of financing investment programs in the conditions of uneven development of the regions of Kazakhstan. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Economics and Management* [Vestnik YuUrGU. Seriya: Ekonomika i menedzhment]. 2021. Vol. 15. No. 1. P. 7–14. (In Rus.)
2. Bobylev S. N. Indicators of sustainable development for Russia. *Socio-ecological technologies: Bulletin of the Sholokhov Moscow State University for the Humanities* [Sotsial'no-ekologicheskie tekhnologii: vestnik MGGU im. M. A. Sholokhova]. 2012. No. 1. P. 8–18. (In Rus.)
3. Vasilchenko E. E. Formation of the Eurasian innovation system as a condition for creating a new innovative model of economic development within the framework of the integration processes of the EAEU. *Bulletin of the St. Petersburg State University of Economics* [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2021. P. 162–167. (In Rus.)
4. Voronina N. A. Intellectual migration: foreign and Russian experience of regulation. *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences* [Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk]. 2018. Vol. 13. No. 6. P. 158–183. (In Rus.)
5. Glazyev S. Yu. *Economy of the future. Does Russia have a chance?* Moscow : Knizhny Mir, 2016. (In Rus.)
6. Maga A. A. Analysis of the scale of the shadow economy in the Republic of Uzbekistan. *Shadow economy* [Tenevaya ekonomika]. 2019. Vol. 3. No. 2. P. 115–126. (In Rus.)
7. Mirziyoeva S. Sh. Analysis of the experience of Uzbekistan in developing strategies for the development of the country and regions. *Management Consulting* [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2019. No. 3. P. 49–61. (In Rus.)
8. Osadchaya G. I. *Eurasian Economic Union: development potential, cooperation format*. Moscow : Econ-Inform, 2021. (In Rus.)
9. Rumyantsev V. A., Goncharik N. V. On the issue of strategic planning within the framework of the Eurasian Economic Union. *Greater Eurasia: development, security, cooperation* [Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo]. 2020. P. 96–99. (In Rus.)
10. Tikhomirov B. I., Frenkel A. A. On a single socio-economic policy and strategic planning. *Economic policy* [Ekonomicheskaya politika]. 2017. Vol. 12. No. 4. P. 82–117. (In Rus.)

11. Turdikulova G. O., Sattorkulov O. T., Rakhmatov K. U. The relevance of the transition of the economy of Uzbekistan to the principles and methods of strategic planning. *Young scientist* [Molodoi uchenyi]. 2019. No. 7. P. 57–59. (In Rus.)
12. Chepel S. V. Problems of monitoring strategic planning: the experience of Russia and Uzbekistan. *Russia: trends and development prospects* [Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya]. 2021. P. 141–143. (In Rus.)
13. Chernyshov M. M. Strategic management of the spatial development of macroregions in the framework of the development and expansion of the EAEU. *Regional problems of transformation of the economy* [Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki]. 2019. No. 11. P. 163–171. (In Rus.)
14. Yakovleva S. I. Strategic planning and monitoring of sustainable development: the experience of Russia and Belarus. *Big Eurasia: development, security, cooperation* [Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo]. 2019. P. 183–191. (In Rus.)
15. Golam M., Monowar M. Eurasian Economic Union: Evolution, challenges and possible future directions. *Journal of Eurasian Studies*. 2018. Vol. 9. Iss. 2.
16. Yilmaz S. Eurasian Economic Union: A Regional Economic Hegemony Initiative. *Journal of Eastern European and Central Asian Research*. 2017. Vol. 4. No. 2. DOI: <https://doi.org/10.15549/jeecar.v4i2.166>

About the authors:

Oleg N. Misko, Head of the Department of Economics of the Faculty of Economics and Finance at the North-Western Institute of Management, RANEPa (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economy); Associate Professor;
misko-on@ranepa.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7351-7455>

Gennady G. Rubtsov, Applicant for a Degree of Candidate of Science of the North-Western Institute of Management, RANEPa (Saint Petersburg, Russian Federation);
genadij.rubtzov@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0296-878X>

Государственный капитализм в России: состояние исследований (часть 2)¹

Журавлев О. М.¹, Матвеев И. А.^{2,*}

¹ Лаборатория публичной социологии, Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Российская Федерация

*e-mail: matveev-ia@ranepa.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4355-3257>

РЕФЕРАТ

В настоящей статье рассматриваются основные подходы к изучению государственного капитализма в современной научной литературе, а также исследования государственного капитализма в России.

Цель. Проанализировать текущее состояние исследований, посвященных государственному участию в российской экономике, и выделить основные тенденции в этой предметной области.

Задачи. Во второй части статьи рассматриваются исследования государственного капитализма в России.

Методология. В статье сопоставляются позиции авторов и выделяются группы источников.

Результаты. Во второй части статьи демонстрируется, что с начала 2000-х гг. Россия рассматривается как один из парадигматических случаев возвращения государства в экономику. Первая волна исследований российского государственного капитализма в 2000-х гг., за редкими исключениями, рассматривала его как проявление рентоориентированного поведения политических элит. Однако последующие исследования поставили под сомнение эту интерпретацию. Государственный капитализм в России стал рассматриваться как инструмент экономического развития, хотя и приносящий смешанные результаты, инструмент решения социальных проблем, особенно в моногородах, геополитический инструмент и средство защиты национального суверенитета, проводник финансиализации.

Выводы. Многочисленные эмпирические исследования государственного участия в российской экономике, появившиеся в 2010-е гг., демонстрируют, что российский государственный капитализм — сложное и многогранное явление. В то же время мы констатируем, что в данном исследовательском поле пока не произошла систематизация результатов и российская политическая экономия все еще ожидает макроанализа, учитывающего все ее структурные и институциональные особенности.

Ключевые слова: политическая экономика, капитализм, государство, промышленная политика, рентоориентированное поведение, патронаж

Для цитирования: Журавлев О. М., Матвеев И. А. Государственный капитализм в России: состояние исследований (часть 2) // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 3. С. 47–57.

State Capitalism in Russia: A Review Article (Part 2)

Oleg M. Zhuravlev^a, Ilya A. Matveev^{b,*}

^a Public Sociology Laboratory, Saint Petersburg, Russian Federation

^b North-West Institute of Management of RANEPA, Saint Petersburg, Russian Federation

* e-mail: matveev-ia@ranepa.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4355-3257>

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда развития научных исследований и прикладных разработок СЗИУ РАНХиГС. Первую часть см.: Журавлев О. М., Матвеев И. А. Государственный капитализм в России: состояние исследований (часть 1) // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 2. С. 169–176.

ABSTRACT

The article reviews current scholarship and debates on state capitalism as well as studies of this phenomenon in Russia.

Aim. This article aims to review current scholarly debates on state intervention in the Russian economy and identify key positions in this field.

Tasks. In the second part of the article, we review the existing research on state capitalism in Russia.

Methods. This article compares scholars' positions and identifies divisions in the field.

Results. In the second part of the article, we show that, since the early 2000s, Russia was widely seen as a paradigmatic case of the state's return to interventionist policies. We demonstrate that the first wave of studies in the 2000s, with a few exceptions, considered state capitalism in Russia to be an instrument of patronage and rent-seeking. However, subsequent research questioned this claim. State capitalism in Russia was now seen as an instrument of solving social problems, particularly in monotowns, a geopolitical tool and a way of defending national sovereignty, as well as a vehicle for financialization.

Conclusion. Multiple empirical studies of state capitalism in Russia published in the 2010s demonstrate its complexity and versatility. However, the results of empirical research are yet to be systematized and the Russian political economy still lacks a macro analysis that would consider all of its structural and institutional dimensions.

Keywords: political economy, capitalism, state, industrial policy, rent-seeking, patronage

For citing: Zhuravlev O. M., Matveev I. A. State Capitalism in Russia: A Review Article (Part 2) // Eurasian Integration: economics, law, politics. 2022. Vol. 16. No. 3. P. 47–57.

Введение

В первой части статьи мы рассмотрели понятие государственного капитализма. Мы проследили эволюцию этого понятия в научной литературе от появления термина «государственный капитализм» в марксизме до современной литературы, посвященной «новому государственному капитализму».

Одним из примеров «нового государственного капитализма», наряду с Бразилией, Китаем и другими странами, является Россия. Академическая дискуссия о российском государственном капитализме затрагивает те же проблемы, о которых мы писали в первой части статьи, обращаясь к мировому опыту. Является ли государственный капитализм в России стратегической политикой государства или, наоборот, своеобразной формой коррупции, присущей патрон-клиентским отношениям? Как соотносятся госкапиталистическая политика и неолиберализм, который утвердился в России в 1990-х гг.? Какие функции выполняет госкапитализм в России: экономические, социальные, политические? На эти вопросы мы ответим ниже, проанализировав новейшие исследования российского государственного капитализма.

Государственный капитализм в России: больше чем коррупция?

В 1990-е гг. Россия, казалось, сделала решительный шаг к тотальному разгосударствлению экономики. Однако с начала 2000-х гг. и особенно в период второго срока Владимира Путина (2004–2008) эта тенденция сменилась на противоположную. Наиболее ярким символом возвращения государства в экономику стал переход активов крупнейшей нефтяной компании «ЮКОС» под контроль принадлежащей государству «Роснефти». В результате доля государства в нефтяном секторе увеличилась с 19% в 2004 г. до 40% в 2008 г. [16]. Государство также вернуло себе контроль над «Газпромом», а сам «Газпром» еще сильнее укрепил свой монопольный статус на газовом рынке. Целые отрасли, такие как судостроение и авиастроение, консолидировались в рамках государственных компаний. Для некоторых секторов, таких как оборонная промышленность, атомная энергетика и нанотехнологии, была создана специальная юридическая форма «государственной корпорации» [2]. Стремительно росла доля государства в банковском секторе. В период президентства Дмитрия Медведева обсуждался новый виток приватизации, однако на деле она не состоялась [16]. Напротив, государство продолжало расширять

присутствие в экономике — в 2013 г. «Роснефть» купила ТНК-ВР, в результате чего доля государства в нефтяной отрасли превысила 50%. Государство играет огромную роль в координации экономической деятельности: по расчетам журнала «Эксперт», 75% крупных инвестиционных проектов, инициированных в 2011 г., получили ту или иную форму государственной поддержки [15, с. 409]. Российское государство энергично обращается ко всем трем формам экономического участия, выделенным Райтом и др. [25]: оно владеет огромным количеством активов в самых разных отраслях экономики, в некоторых из них выступая в качестве монополиста; практикует разнообразные формы интервенций в работу рынка и создает сложную, многоплановую регуляторную среду для рыночных агентов.

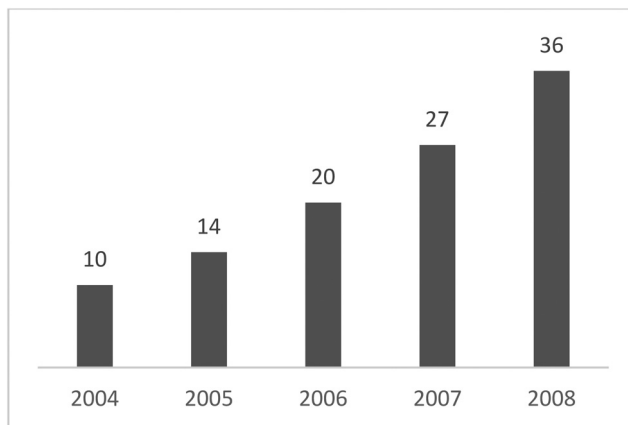

Рис. 1. Количество ренационализаций по годам. Источник: [18].

Fig. 1. Number of renationalizations by year

В анализе российского государственного капитализма с самого начала доминировала интерпретация, которую Мусакии и Лаццарини обозначили как «политическую», — интерпретация с точки зрения патронажа и рентоориентированного поведения элит. Эту версию также можно обозначить как клептократическую. Так, Филип Хэнсон в 2007 г. отметил, что расширение госсектора с 2003–2004 гг. объяснялось «эффектом лакомого куска»: растущие доходы от сырьевого экспорта привлекали политическую элиту, которая стремилась получить свою долю [10, с. 37]. В статье 2009 г. Хэнсон писал, что «контролируемые государством компании легко могут быть использованы для извлечения ренты. Это относится как к сырьевому сектору, так и к другим отраслям экономики» [11, с. 24]. Аналогичным образом Томас Ремингтон в 2008 г. указывал: «По настоянию президента Дума создала ряд новых государственных корпораций и инвестиционных фондов, а также инициировала новые социальные программы. Эти инициативы создают рабочие места и источники дохода для чиновников, депутатов Госдумы и партийных функционеров. Таким образом, парламент заключил масштабную сделку с президентом, делегировав Путину широкие авторитарные полномочия в обмен на патронажные возможности для элиты» [17, с. 975]. Схожая логика представлена в книге Владимира Гельмана: «Лояльность по отношению к режиму и лично к Путину открывала различным сегментам российских элит доступ к тем или иным “кормушкам” — источникам ренты — в обмен на поддержку ими статус-кво» [3]. В своей недавней книге Андерс Ослунд (2019) суммирует подобные аргументы [4]. Он начинает главу о росте государственного участия с нормативных тезисов об экономической неэффективности государственного капитализма и хищнической природе российской экономической политики, нацеленной, по его мнению, на обогащение конкретных чиновников. Ослунд настаивает, что экономика в России — инструмент в руках представителей государства, однако цель последних не забота о национальных интересах, но также и не забота об экономических показателях, а личное обогащение. Он утверждает, что решающим фактором, влияющим на ренационализацию тех или иных российских предприятий, является воля Путина и его окружения, а вовсе не соображения стратегического или рыночного характера: «Когда

президент того хочет, деньги — не проблема. Российское государство в своей экономической политике не заботится о прибыльности и эффективности госпредприятий. Если надо, всегда найдутся дешевые кредиты и частные активы можно будет купить по низкой цене» [4, с. 100]. Автор пересказывает истории из СМИ, повествующие о «рейдерских захватах» с подачи российских властей, и приводит цифры, призванные показать неэффективность государственных предприятий. Этот анализ как будто подчинен заранее установленной цели: свести государственный капитализм к воровству элит. Центральный аргумент Ослунда выглядит так: «Государственный капитализм в России преследует две цели: во-первых, концентрация власти и могущества в руках Путина и его друзей, во-вторых, личное обогащение этих людей. При этом об экономических показателях, прибыльности и эффективности предприятий государство не заботится» [Там же].

Не все авторы разделяют подобную интерпретацию роста госсектора. Так, Дэвид Лейн указывает, что расширение государственного участия было ответом на катастрофу «хаотичного» капитализма 1990-х гг. [14]. С его точки зрения, формирование капитализма с ведущей ролью государства (*state-led capitalism*) способно повысить конкурентоспособность российских компаний на мировых рынках, обеспечить более продуктивное использование сырьевых доходов, сгладить конфликты между политическими и экономическими элитами, а также повысить легитимность действующей власти. Лейн заключает: «Корпоратистская экономика с ведущей ролью государства, создаваемая Путиным, отнюдь не идеальна, но она лучше всего, что было испробовано ранее» [Там же, с. 182]. Нельзя не заметить, что в сравнении с экономикой 1990-х гг., охваченной шоком перехода к рынку в условиях слабого государства, любая стабильная экономическая система представляется более эффективной, поэтому аргумент Лейна не выглядит убедительно.

Тем не менее сразу несколько исследований, появившихся в 2010-е гг., явным образом критикуют тезис о клептократическом характере роста госсектора. Так, Люси Черных (2011) провела количественный анализ расширения государственного присутствия в экономике в 2004–2008 гг. (выборка из 153 крупных частных компаний, включающая 26 случаев ренационализации) [6]. Она обнаружила, что целью ренационализации становились не самые прибыльные компании или отрасли (что соответствовало бы «эффекту лакомого куска», о котором писал Хэнсон). Более того, вероятность ренационализации повышалась в *менее* прибыльных отраслях. Также шанс ренационализации увеличивался в отраслях, формально признанных государством «стратегическими». Черных делает следующий вывод: «Целью государства, по-видимому, становятся компании в стратегически важных секторах, приватизированные в 1990-е гг. Эти сектора официально признаны стратегическими и воспринимаются как важные с точки зрения глобальной конкурентоспособности и стабильности страны. Действия властей можно интерпретировать как попытку “скорректировать” ошибки стихийной приватизации в стратегически важных отраслях» [Там же, с. 1250].

Аналогичный вывод сделан в диссертации Эндрю Йорка (2014), к сожалению, до сих пор не опубликованной [26]. В настоящий момент она представляет собой наиболее полное исследование ренационализаций в середине — второй половине 2000-х гг. Йорк приходит к выводу, что ренационализации лучше объясняются в логике «суверенного развития», нежели в логике клептократии. «Суверенное развитие» включает два компонента: политический суверенитет и экономическое развитие. Некоторые ренационализации можно объяснить защитой политического суверенитета: в частности, атаке на «ЮКОС» предшествовали попытки Михаила Ходорковского продать долю в компании иностранным нефтяным производителям без согласования с Кремлем, что воспринималось руководством страны именно как угроза суверенитету. В других случаях, в частности в нефтехимической и атомной промышленности, ренационализации явным образом преследовали цели экономического развития и поддержки соответствующих отраслей [Там же, с. 271]. По мнению Йорка, это позволяет зафиксировать существование в России деvelopeментализма, пусть и во многом проблематичного. Тем не менее Йорк указывает, что цели защиты политического суверенитета и экономического развития вполне могут противоречить друг другу, что и продемонстрировала история некоторых ренационализаций в 2004–2008 гг. Кроме того, даже в случае преобладания деvelopeменталистских мотивов результаты государственной политики были в лучшем случае смешанными

из-за проблем с координацией в условиях отсутствия единого «пилотного агентства», подобного тому, что координировало государственное вмешательство в азиатских странах в 1960-е — 1980-е гг. (см. классическое исследование Чалмерса Джонсона [12]).

Анализируя реформу энергетической отрасли в 2000-е гг., Сюзэнн Венгл также обнаруживает логику, характерную для девелопментализма [22]. Несмотря на то, что изначально реформа имела неолиберальный характер и была нацелена на повсеместную приватизацию и создание единого конкурентного энергетического рынка, результаты в разных регионах России оказались различными. В частности, в Сибири власти продолжили поставлять дешевую электроэнергию крупным промышленным предприятиям, особенно алюминиевым заводам Олега Дерипаски, в обмен на промышленное развитие региона. Это напоминает локальные частно-государственные коалиции в странах БРИКС, о которых писали Нольке и др. [30], что еще раз ставит вопрос о правомерности исключения России из их анализа. В недавнем тексте Венгл указывает на эффективные формы государственной поддержки в российском сельском хозяйстве [23]. Стивен Вегрен и др. (2019) также считают сельское хозяйство сферой, в которой государство играет определяющую роль и притом осуществляет достаточно успешную политику, благодаря массированным субсидиям в 2010-е гг. [21]. Россия стала крупным экспортером зерна, а общий объем сельскохозяйственного экспорта за последние десять лет вырос более чем в два раза [Там же, с. 425–426].

Таким образом, большинство исследований, критикующих клептократическую интерпретацию роста госсектора, указывают на существование той или иной формы девелопментализма, а также на логику защиты государственного суверенитета. В то же время некоторые работы находятся в русле «социального» объяснения государственного капитализма, по классификации Мусакио и Лаццарини, — объяснения с точки зрения социальных функций государственных компаний и мер государственной поддержки экономики. Так, Стивен Кроули отмечает, что убыточные предприятия во многих российских моногородах продолжают работать исключительно благодаря государственным субсидиям, нацеленным на то, чтобы не допустить массовой безработицы и социальной напряженности [7; 8]. Поддержка убыточных производств, по мнению Кроули, ограничивает потенциал экономического роста в России.

Еще одна группа исследований рассматривает роль государственного капитализма во внешней политике. Майкл Чарокопос и Атанасиос Дагумас (2018) утверждают, что в отсутствие прежней советской военной мощи углеводороды оказались важнейшим инструментом восстановления российского политического влияния в постсоветском регионе [5]. Именно здесь, по мнению авторов, нужно искать объяснение роста государственного участия в области газового экспорта. Государственное регулирование этой сферы было логичным политическим выбором, позволившим продолжить советскую политику международного влияния экономическими средствами. А «Газпром», не утративший в 1990-х гг. своей мощи и масштабов, стал центром этой политики. В результате, как указывают Чарокопос и Дагумас, в России произошел возврат к советской экономической политике в области экспорта природного газа. Эта политика преследует три цели: 1) политическая зависимость от России стран ближнего зарубежья, покупающих российский газ; 2) превентивная нейтрализация потенциальных конкурентов по эксплуатации природных ресурсов в регионе; 3) усиление роли России как главного экспортера газа в Западную Европу [Там же, с. 455].

Отдельно следует отметить исследования, посвященные государственному участию в российском финансовом секторе. Андрей Верников указывает на то, что с начала 2000-х гг. правительство проводит политику по созданию «национальных чемпионов» в банковской отрасли [1]. Несмотря на то, что эта политика не была зафиксирована в официальных документах, она реализуется крайне последовательно. Ее результатом является сверхвысокая концентрация собственности на рынке банковских услуг. В целом российский банковский сектор, по мнению Верника, развивается по китайской модели. Надежда Вантеева и Чарльз Хиксон обнаружили, что наличие государственного банка в составе акционеров компании (указывающее на стабильный приток кредитных средств) ведет к улучшению ее рыночных показателей, причем даже в большей степени, чем наличие частного банка [19]. По мнению Вантеевой и Хиксона, это означает, что «после того, как банковская система была реформирована и взята государством под свой контроль... она оказалась способной более эффективно финансировать инвестиционные

проекты» [19, с. 1001]. Таким образом, работа Вантеевой и Хиксона демонстрирует, что государственные банки являются действенным инструментом промышленной политики.

В своем исследовании рынка краткосрочных сделок РЕПО Илья Викторов и Александр Абрамов (2021) приходят к противоположным выводам [20]. Они указывают, что в 2010-е гг. в банковском секторе и на счетах государственных компаний образовался «денежный навес». По мнению Викторова и Абрамова, «финансовые институты оказались не вполне способны использовать эту ликвидность для кредитования компаний и населения. Вместо этого она циркулирует между участниками финансового рынка (в основном принадлежащими государству), которые пользуются различными краткосрочными финансовыми инструментами для быстрого извлечения прибыли за счет этого обмена» [Там же, с. 23]. Именно в этом контексте, по мнению авторов статьи, следует рассматривать рост рынка РЕПО с начала 2010-х гг. Таким образом, Викторов и Абрамов открывают еще одно измерение российского государственного капитализма: он оказывается проводником финансиализации, т. е. смещения центра прибыли в экономике в финансовый сектор (см. классическую работу Греты Криппнер [13]).

Особняком стоят исследования, анализирующие идейные истоки роста государственного участия в 2000-е — 2010-е гг. Так, Ева Дабровска и Йоахим Цвайнерт (2014) рассматривают интеллектуальную и экономическую историю российского Стабилизационного фонда (СФ), который задумывался в первой половине 2000-х гг. как инструмент неолиберальной макроэкономической политики, нацеленный на борьбу с инфляцией, а превратился в итоге в инструмент государственного капитализма — в фонд, откуда государство берет деньги для стратегических инвестиций с целью стимулирования экономического развития [9]. Дабровска и Цвайнерт анализируют идейную борьбу высокопоставленных политических акторов (являвшихся одновременно экономическими экспертами), которые по-разному видели задачи Стабилизационного фонда. Эта борьба началась в первой половине 2000-х гг., когда сама идея создания СФ была озвучена руководством страны. Неолибералы во главе с Алексеем Кудриным, на тот момент министром финансов, рассматривали СФ как средство макроэкономической стабилизации, борьбы с инфляцией и улучшения инвестиционного климата за счет изъятия («стерилизации») излишков денежных средств, образовавшихся от экспорта углеводородов. В то же время девелопменталисты во главе с советником Путина Андреем Белоусовым считали, что задачей фонда должна стать не столько стерилизация денежных средств, сколько накопление резервов, с помощью которых можно было бы обеспечить экономический рост, причем не косвенно — за счет создания привлекательного инвестиционного климата, а напрямую — посредством внутренних инвестиций (неолибералы же настаивали, что деньги, накопленные на счетах фонда, должны были расходоваться исключительно на выплату внешнего долга).

Дабровска и Цвайнерт анализируют разные обстоятельства и события, которые в итоге привели к победе девелопменталистов. Например, образовавшийся в 2002 г. профицит бюджета привел к тому, что коллеги Кудрина по правительству предложили увеличить бюджетные расходы. Герман Греф, в тот момент министр экономического развития и торговли, призывал снизить налоги, в то время как Кудрин настаивал на бюджетной дисциплине. Стабилизационный фонд стал продуктом компромисса между Кудриным, Грефом и другими акторами: правительство снизило налоги при условии создания фонда, где будут аккумулироваться средства, которые, впрочем, как сначала предполагалось, нельзя будет тратить внутри страны. Дабровска и Цвайнерт отмечают: «Поначалу был поддержан либеральный лагерь, а именно идея, что излишек доходов, скапливающийся в Стабилизационном фонде, может тратиться только на выплату государственного долга. В то же время Путин заявил, что деньги Стабилизационного фонда могли бы использоваться, чтобы покрыть дефицит Пенсионного фонда, вызванный снижением Единого социального налога, — это решение было принято в августе 2004 года» [Там же, с. 13]. Бюджет 2006 г. был назван «бюджетом развития», президент и правительство объявили о запуске дорогостоящих национальных проектов, а «рост бюджетных трат коррелировал с ростом объема Стабилизационного фонда, что означало, что об исходной задаче отделения бюджетных расходов от нефтяных цен можно было забыть» [Там же, с. 16]. В итоге средства Стабилизационного фонда было решено потратить на крупные инвестиционные проекты. Таким образом, девелопменталистское (и, как считают Дабровска и Цвайнерт, неосоветское) понимание роли СФ вытеснило неолиберальное.

В таблице, суммирующей результаты данного обзора, исследования государственного капитализма в России классифицируются с точки зрения различных интерпретаций этого феномена, представленных в книге Мусакио и Лаццарини, с учетом дополнений, предложенных Алами и Диксоном.

Таблица

Классификация исследований государственного капитализма в России

Table. Classification of Studies of State Capitalism in Russia

Интерпретации государственного капитализма в России	Причины роста государственного участия в экономике	Последствия роста государственного участия в экономике	Ключевые исследования
Политическая / клептократическая	Рентоориентированное поведение элит и патронаж со стороны руководства страны	- Замедление экономического роста из-за непродуктивного расходования сырьевых доходов - Укрепление авторитарного режима	[3; 4; 10; 11; 17]
Девелопменталистская	Стремление стимулировать экономический рост и технологическое усложнение экономики	- Успехи в отдельных отраслях - Смешанные результаты из-за проблем реализации девелопменталистского курса	[6; 19; 21; 22; 23; 26]
Социальная	Стремление ограничить рост безработицы и социальной напряженности	Замедление экономического роста из-за субсидирования неэффективных предприятий	[7; 8]
Геополитическая / защита национального суверенитета	- Восприятие неконтролируемой частной собственности, особенно в сырьевом секторе, как угрозы национальному суверенитету - Стремление укрепить влияние России на постсоветском пространстве	- Дополнительный рычаг для давления на страны ближнего зарубежья - Конфликт между геополитическими целями и развитием экономики	[5; 26]
Стимулирование финансовой стабилизации	Накопление избыточной ликвидности	- Спекулятивные доходы государственных банков и компаний в финансовом секторе - Ограниченное кредитование реального сектора экономики	[20]

Заключение

Во второй части статьи мы обратились к анализу государственного капитализма в России. Для этого мы проанализировали современные исследования, изучающие как политику государства в области регулирования экономики, так и отдельные предприятия. Российский случай представляет особый интерес, так как государственный капитализм сегодня стал своеобразным вызовом неолиберальному капитализму, который доминировал в России после распада СССР. Если в 1990-е гг. Россия стала известна в мире как один из самых ярких примеров реализации и катастрофических последствий неолиберальных реформ, то в 2000-е — 2010-е гг. политика российских властей рассматривалась как парадигматический случай возвращения государства в экономику. При этом в отличие от Китая, который с 1970-х гг. и по настоящее время проводит постепенную либерализацию (сохраняя значимую роль госсектора), для России оказалось характерно маятниковое движение: от советской плановой экономики к дезорганизованному капитализму 1990-х гг. и новой версии государственного капитализма в XXI в.

Результаты российского дирижизма можно назвать в лучшем случае смешанными. Несмотря на успехи в отдельных отраслях (сельское хозяйство), регионах (Москва, Калужская область, Татарстан) и крупных проектах («Ямал СПГ»), российская экономика не вышла на траекторию устойчивого роста (см. рисунок 2). В то же время с точки зрения динамики ВВП Россия не выглядит аутсайдером среди других стран БРИКС — скорее, вместе с Бразилией и ЮАР она принадлежит к группе стран с низким и нестабильным ростом, отличаясь при этом от Китая и Индии, которые демонстрируют высокий инвестиционный рост за счет освоения внутреннего рынка. По многим оценкам российская экономика достаточно устойчива перед лицом кризисов различной природы. Надо сказать, что для нее характерен ряд структурных искажений: высокое неравенство, географическая неравномерность развития, низкий уровень оплаты труда, способствующий появлению большой группы работающих бедных. Наконец, технологическое усложнение экономики (наряду

с устойчивым ростом выступавшее целью дирижистской политики) за последние двадцать лет фактически не достигнуто.

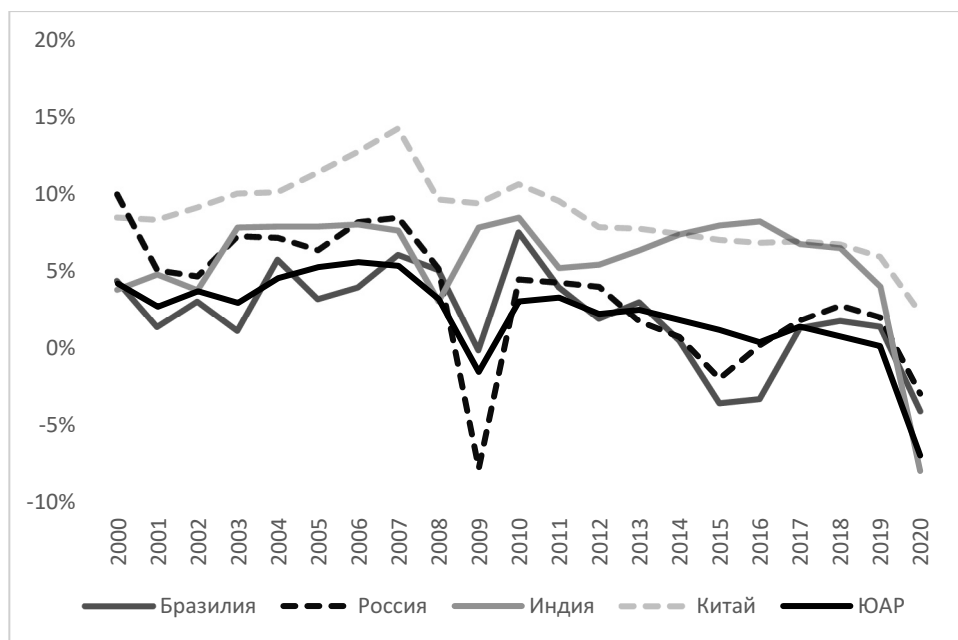

Рис. 2. Рост ВВП в странах БРИКС. Источник: [24]

Fig. 2. GDP growth in the BRICS countries

В исследованиях российского государственного капитализма долгое время доминировала его интерпретация, которую мы в настоящей работе обозначили как клептократическую, — интерпретация с точки зрения рентоориентированного поведения элит и формирования патронажной пирамиды во главе с лидером страны. Многочисленные расследования и интервью в СМИ добавляют этой интерпретации убедительности. Тем не менее последующие исследования на широком эмпирическом материале продемонстрировали узость и недостаточность такого взгляда на государственное участие в России. Проанализированные нами работы содержат не менее четырех альтернативных объяснений российского государственного капитализма: девелопменталистское, социальное, геополитическое, объяснение с точки зрения финансиализации. Впрочем, пока эти объяснения, в основном затрагивающие процессы и проекты на микроуровне, не складываются в единую картину российской политической экономики на макроуровне. Клептократическая интерпретация российского государственного капитализма отличалась тем, что соединяла два этих уровня: она позволяла вынести суждение как о ситуации в отдельных отраслях, регионах и проектах, так и о ситуации в российской экономике в целом. Альтернативные исследования эмпирически опровергают часть выводов клептократического подхода, но не предлагают соперничающего макрообъяснения. Тем не менее именно такое объяснение в духе «разновидностей капитализма» (*varieties of capitalism*), учитывающее всю совокупность структурных и институциональных факторов российской экономики, позволило бы как полноценно проанализировать ее в сравнительной перспективе, так и сделать практические выводы об узких местах (*bottlenecks*), препятствующих устойчивому росту, сокращению неравенства и решению социальных проблем. Наряду с открытием новых особенностей российского государственного капитализма в эмпирических исследованиях создание такой макрокартины выступает перспективным направлением для дальнейшей работы.

Литература

1. Верников А. В. «Национальные чемпионы» в структуре российского рынка банковских услуг // Вопросы экономики. 2013. № 3. С. 94–108.
2. Волков В. В. Госкорпорации: институциональный эксперимент // Pro et Contra. 2008. № 5–6 (12). С. 75–88.
3. Гельман В. Я. Из огня да в полымя: российская политика после СССР. СПб. : БХВ-Петербург, 2013.
4. Aslund A. Russia's Crony Capitalism. New Haven : Yale University Press, 2019.
5. Charokopos M., Dagoumas A. State capitalism in time: Russian natural gas at the service of foreign policy // Europe-Asia Studies. 2018. No. 3 (70). P. 441–461.
6. Chernykh L. Profit or politics? Understanding renationalizations in Russia // Journal of corporate Finance. 2011. No. 5 (17). P. 1237–1253.
7. Crowley S. Monotowns and the political economy of industrial restructuring in Russia // Post-Soviet Affairs. 2016. No. 5 (32). P. 397–422.
8. Crowley S. Putin's Labor Dilemma: Russian Politics Between Stability and Stagnation. Ithaca : Cornell University Press, 2021.
9. Dabrowska E., Zweynert J. Economic ideas and institutional change: The case of the Russian stabilisation fund // New political economy. 2015. No. 4 (20). P. 518–544.
10. Hanson P. The turn to statism in Russian economic policy // The International Spectator. 2007. No. 1 (42). P. 29–42.
11. Hanson P. The resistible rise of state control in the Russian oil industry // Eurasian Geography and Economics. 2009. No. 1 (50). P. 14–27.
12. Johnson C. MITI and the Japanese miracle: the growth of industrial policy, 1925–1975. Palo Alto : Stanford University Press, 1982.
13. Krippner G. R. The financialization of the American economy // Socio-economic review. 2005. No. 2 (3). P. 173–208.
14. Lane D. From chaotic to state-led capitalism // New Political Economy. 2008. No. 2 (13). P. 177–184.
15. Matveev I. Big Business in Putin's Russia: Structural and Instrumental Power // Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization. 2019. No. 4 (27). P. 401–422.
16. Matveev I. State, Capital, and the Transformation of the Neoliberal Policy Paradigm in Putin's Russia // The Global Rise of Authoritarianism in the 21st Century. London: Routledge, 2020. P. 33–50.
17. Remington T. Patronage and the party of power: President — Parliament relations under Vladimir Putin // Europe-Asia Studies. 2008. No. 6 (60). P. 959–987.
18. Sprenger C. Does Nationalization Work? Evidence from Russian State Takeovers 2012. P. 27–30.
19. Vanteeva N., Hickson C. Gerschenkron revisited: The new corporate Russia // Journal of Economic Issues. 2015. No. 4 (49). P. 978–1007.
20. Viktorov I., Abramov A. The rise of collateral-based finance under state capitalism in Russia // Post-Communist Economies. 2021. P. 1–37.
21. Wegren S. K., Nikulin A. M., Trotsuk I. Russian agriculture during Putin's fourth term: a SWOT analysis // Post-Communist Economies. 2019. No. 4 (31). P. 419–450.
22. Wengle S. A. Post-Soviet developmentalism and the political economy of Russia's electricity sector liberalization // Studies in Comparative International Development. 2012. No. 1 (47). P. 75–114.
23. Wengle S. A. The new plenty; why are some post-Soviet farms thriving? // Governance. 2020. No. 4 (33). P. 915–933.
24. World Bank GDP growth (annual %) [Электронный ресурс] // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG> (дата обращения: 12.11.2021).
25. Wright M. [и др.]. State capitalism in international context: Varieties and variations // Journal of World Business. 2021. No. 2 (56). P. 1–16.
26. Yorke A. State-led coercive takeovers in Putin's Russia: explaining the underlying motives and ownership outcomes. London : School of Economics and Political Science (University of London). 2014.

Об авторах:

Журавлев Олег Михайлович, сотрудник лаборатории публичной социологии (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат социологических наук;
olegzhur@yandex.ru

Матвеев Илья Александрович, доцент, заместитель декана факультета международных отношений и политических исследований Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук;
matveev-ia@ranepa.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4355-3257>

References

1. Vernikov A. V. "National Champions" in Russia's Banking Services Market. *Journal of Economic Issues* [Voprosy ekonomiki]. 2013. No. 3. P. 94–108. (In Rus.)
2. Volkov V. V. State Corporations: Another Institutional Experiment. *Pro et Contra* [Pro et Kontra]. 2008. No. 5–6 (12). P. 75–88. (In Rus.)
3. Gel'man V. Ya. *Out of the Frying Pan into the Fire: Russian politics after the collapse of the USSR*. Saint Petersburg : BHV-Petersburg, 2013. (In Rus.)
4. Aslund A. *Russia's Crony Capitalism*. New Haven : Yale University Press, 2019.
5. Charokopos M., Dagoumas A. State capitalism in time: Russian natural gas at the service of foreign policy. *Europe-Asia Studies*. 2018. No. 3 (70). P. 441–461.
6. Chernykh L. Profit or politics? Understanding renationalizations in Russia. *Journal of corporate Finance*. 2011. No. 5 (17). P. 1237–1253.
7. Crowley S. Monotowns and the political economy of industrial restructuring in Russia. *Post-Soviet Affairs*. 2016. No. 5 (32). P. 397–422.
8. Crowley S. *Putin's Labor Dilemma: Russian Politics Between Stability and Stagnation*. Ithaca : Cornell University Press, 2021.
9. Dabrowska E., Zweynert J. Economic ideas and institutional change: The case of the Russian stabilisation fund. *New political economy*. 2015. No. 4 (20). P. 518–544.
10. Hanson P. The turn to statism in Russian economic policy. *The International Spectator*. 2007. No. 1 (42). P. 29–42.
11. Hanson P. The resistible rise of state control in the Russian oil industry. *Eurasian Geography and Economics*. 2009. No. 1 (50). P. 14–27.
12. Johnson C. *MITI and the Japanese miracle: the growth of industrial policy, 1925–1975*. Palo Alto : Stanford University Press, 1982.
13. Krippner G. R. The financialization of the American economy. *Socio-economic review*. 2005. No. 2 (3). P. 173–208.
14. Lane D. From chaotic to state-led capitalism. *New Political Economy*. 2008. No. 2 (13). P. 177–184.
15. Matveev I. Big Business in Putin's Russia: Structural and Instrumental Power. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. 2019. No. 4 (27). P. 401–422.
16. Matveev I. State, Capital, and the Transformation of the Neoliberal Policy Paradigm in Putin's Russia. *The Global Rise of Authoritarianism in the 21st Century*. London: Routledge, 2020. P. 33–50.
17. Remington T. Patronage and the party of power: President — Parliament relations under Vladimir Putin. *Europe-Asia Studies*. 2008. No. 6 (60). P. 959–987.
18. Sprenger C. *Does Nationalization Work? Evidence from Russian State Takeovers 2012*. P. 27–30.
19. Vanteeva N., Hickson C. Gerschenkron revisited: The new corporate Russia. *Journal of Economic Issues*. 2015. No. 4 (49). P. 978–1007.
20. Viktorov I., Abramov A. The rise of collateral-based finance under state capitalism in Russia. *Post-Communist Economies*. 2021. P. 1–37.

21. Wegren S. K., Nikulin A. M., Trotsuk I. Russian agriculture during Putin's fourth term: a SWOT analysis. *Post-Communist Economies*. 2019. No. 4 (31). P. 419–450.
22. Wengle S. A. Post-Soviet developmentalism and the political economy of Russia's electricity sector liberalization. *Studies in Comparative International Development*. 2012. No. 1 (47). P. 75–114.
23. Wengle S. A. The new plenty; why are some post-Soviet farms thriving? *Governance*. 2020. No. 4 (33). P. 915–933.
24. *World Bank GDP growth (annual %)* [Electronic resource] // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG> (accessed: 12.11.2021).
25. Wright M. [et al.]. State capitalism in international context: Varieties and variations. *Journal of World Business*. 2021. No. 2 (56). P. 1–16.
26. Yorke A. *State-led coercive takeovers in Putin's Russia: explaining the underlying motives and ownership outcomes*. London : School of Economics and Political Science (University of London). 2014.

About the authors:

Oleg M. Zhuravlev, Fellow of Public Sociology Laboratory (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Sociology; olegzhur@yandex.ru

Ilya A. Matveev, Associate Professor, Deputy Dean of Faculty of International Relations and Politics of the Northwestern Institute of Management of RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Sciences; matveev-ia@ranepa.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4355-3257>

Проблемы и трудности в процессе энергетического сотрудничества КНР и РФ

Ли Ин

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация, Китайская Народная Республика
15139208357@163.com

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются проблемы сотрудничества КНР и РФ в сфере энергетики.

Цель и задачи. Выявить основные причины проблем и трудностей в процессе сотрудничества КНР и РФ в контексте современных международных отношений на основе анализа экспертных оценок китайских и российских ученых по вопросу перспектив энергетического взаимодействия КНР и РФ.

Методология. В качестве методов исследования был использован сравнительный метод, метод обобщения и экспертного анализа.

Результаты. При рассмотрении проблем энергетического сотрудничества КНР и РФ было отмечено, что, несмотря на объективно благоприятные условия взаимодействия, существуют сложности в реализации конкретных проектов энергетического сотрудничества: отсутствие долгосрочного энергетического стратегического планирования, недостаточный уровень взаимного доверия между двумя странами, определенная несогласованность в позиции правительства и конкретных предприятий, а также влияние жесткой конкурентной борьбы на международном энергетическом рынке.

Выводы. Для быстрого и стабильного развития китайско-российского энергетического сотрудничества Китаю и России необходимо укрепить взаимное доверие путем расширения всесторонних встреч и консультаций, сближения законодательной базы, что даст возможность укрепить позиции энергетического сотрудничества в условиях нарастающего санкционного давления США и их союзников.

Ключевые слова: Китай и Россия, энергетическое сотрудничество, международные санкции, экспертные оценки китайских и российских ученых

Для цитирования: Ли Ин. Проблемы и трудности в процессе энергетического сотрудничества КНР и РФ // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 3. С. 58–65.

Problems of Sino-Russian Energy Cooperation

Li Ying

St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, People's Republic of China
15139208357@163.com

ABSTRACT

The article deals with the problems of cooperation between the PRC and the Russian Federation in the energy sector.

Aim and tasks. To identify the main causes of problems and difficulties in the process of cooperation between the PRC and the Russian Federation in the context of modern international relations based on the analysis of expert assessments of Chinese and Russian scientists on the prospects for energy cooperation between the PRC and the Russian Federation.

Methods. The comparative method, the method of generalization and expert analysis were used as research methods.

Results. When considering the problems of energy cooperation between the PRC and the Russian Federation, it was noted that, despite the objectively favorable conditions for interaction, there are difficulties in the implementation of specific energy cooperation projects: the lack of long-term energy strategic planning, the insufficient level of mutual trust between the two countries, a certain inconsistency in the position of the government and specific enterprises, as well as the impact of fierce competition in the international energy market.

Conclusions. For the rapid and stable development of Sino-Russian energy cooperation, China and Russia need to strengthen mutual trust through the expansion of comprehensive meetings and consultations, convergence of the legislative framework, which will make it possible to strengthen the position of energy cooperation in the face of growing sanctions pressure from the United States and its allies.

Keywords: China and Russia, energy cooperation, international sanctions, expert assessments of Chinese and Russian scientists

For citing: Li Ying. Problems of Sino-Russian Energy Cooperation // Eurasian Integration: economics, law, politics. 2022. Vol. 16. No. 3. P. 58–65.

Введение

Энергетическая политика становится одним из важнейших направлений международных отношений, поскольку глобальная экономика во все возрастающих объемах нуждается в производстве и потреблении энергетических ресурсов. В связи с этим возрастает конкурентная борьба как среди стран, богатых энергетическими ресурсами, так и среди стран, остро нуждающихся в энергоресурсах, но не обладающих ими.

1. Энергетическое сотрудничество КНР и РФ в условиях санкционной политики западных стран

Почти все страны, большие и малые, сталкиваются с энергетическими проблемами, что связано во многом с нестабильностью рыночной ситуации на мировом энергетическом рынке, а потому многие из них активно ищут возможность диверсификации импорта энергоносителей. Россия и страны Ближнего Востока, богатые нефтегазовыми ресурсами, являются важнейшими участниками энергетического рынка, поэтому за возможность получать энергетические ресурсы этих поставщиков идет ожесточенная борьба, в которой Китай принимает активное участие.

1.1. Конкуренция между Китаем и Японией в импорте энергии

В последние годы между Японией и Россией постепенно развиваются экономические и торговые отношения, среди которых более заметное место занимает сотрудничество в области энергетики. Географическая близость Японии и России способствует развитию связей в области энергетики. Традиционно Япония импортирует большое количество энергоресурсов из дальневосточных регионов России, что позволяет сократить транспортные расходы, обеспечить безопасность транспортировки и повысить энергоэффективность [2]. Укрепление энергетического сотрудничества Японии и России помогает Японии, с одной стороны, усилить свое региональное влияние в Северо-Восточной Азии, а с другой стороны, стать более независимой в отношениях с США.

Что касается России, то энергетическое сотрудничество с Японией дает возможность увеличить ее геополитическое стратегическое влияние в регионе и снизить уровень опасений стать «материальным вассалом» экономического развития Китая и усилить свои переговорные позиции с этой страной по энергетическим вопросам. В итоге возрастает экономическое влияние России в Азиатско-Тихоокеанском регионе [1].

В последние годы в связи с ростом цен на ископаемые энергетические ресурсы происходит корректировка энергетической стратегии Китая и Японии, это означает диверсификацию топливных ресурсов и их поставщиков, что приводит к прямой конкуренции Китая и Японии по вопросу энергетического сотрудничества с Россией. Являясь важными покупателями российской ископаемой энергии, обе стороны надеются получить больше энергии по более выгодной цене. Сотрудничество Японии и России в области энергетики в определенной степени улучшает двусторонние отношения и оказывает положительное влияние на стабилизацию ситуации в области безопасности в Северо-Восточной Азии [5]. Последнее обстоятельство особенно важно для Китая, поскольку геополитическая стабильность в регионе Северо-Восточной Азии является залогом успешного развития КНР.

1.2. Влияние китайско-российского энергетического сотрудничества на энергетические позиции США

США — одна из крупнейших стран мира по производству, потреблению и импорту энергии. С увеличением добычи нефти в России и Центральной Азии США стали активно реализовывать диверсифицированную стратегию импорта энергоресурсов, чтобы снизить энергетическую зависимость от стран ОПЕК [3].

США рассматривают китайско-российское энергетическое сотрудничество как препятствие на пути реализации своих глобальных национальных интересов, которые определяются желанием продолжать быть ведущей державой мира. Поэтому США осуществляет стратегию диверсификации импорта энергии, энергетическое сотрудничество с Россией является одной из важных частей этой стратегии. США уже давно участвовала в разработке месторождений нефти и природного газа на Сахалине. Американский энергетический гигант ConocoPhillips держит примерно 19% акций российской компании «Лукойл», которая является крупнейшим производителем сырой нефти в России. Когда Китай захотел купить акции российской компании «Славнефть», российские парламентарии не разрешили китайским компаниям участвовать в торгах [4].

США рассматривают Китай как партнера и как потенциального противника, поэтому проводят политику ограниченного сотрудничества и всеобъемлющего сдерживания в отношении Китая. Если энергетическое сотрудничество между Китаем и Россией будет успешным, то и политическое взаимное доверие между двумя странами будет укрепляться, а экономические связи станут более тесными [6]. Это затруднит сохранение гегемонии США на мировой арене и усложнит политику сдерживания Китая.

Поэтому стратегия США состоит в том, чтобы ограничить китайско-российское энергетическое сотрудничество, чтобы постоянно провоцировать конфликтные ситуации в отношениях Китая и России. Многие китайские эксперты считают, что США стремятся использовать различные средства, такие как американские и российские академические институты и средства массовой информации, чтобы разрушать отношения между Китаем и Россией. По имеющимся данным, многие статьи по «теории китайской угрозы», опубликованные в российских СМИ, спонсировались соответствующими подразделениями и организациями в США. Из-за исторических причин некоторые россияне относятся к Китаю с предубеждением, мало знают о сегодняшнем Китае, поэтому сомневаются в быстром развитии КНР [8].

1.3. Место европейского фактора в российско-китайском энергетическом сотрудничестве

ЕС является одним из крупнейших в мире регионов потребителей нефти, и около половины объема энергии необходимо импортировать. Россия — крупнейший источник нефти и природного газа для ЕС. Россия и Европа не только устанавливают стратегическое партнерство в области энергетики, но и создают хороший механизм энергетического диалога.

С точки зрения цены, благодаря развитой и плотной сети трубопроводов между Европой и Россией, стоимость транспортировки энергии из России в Европу была снижена. Более того, средняя цена на природный газ в России в 2018 г. составляла на 10% и 17% ниже, чем в Норвегии и США соответственно. И что касается инфраструктуры, то преимущества России также очевидны: годовой объем нефти по трубопроводу «Дружба» достигает 70 млн т, а общая годовая производственная мощность российско-европейского газопровода составляет 257 млрд м³, что достаточно для удовлетворения экспорта в Европу

[7], при этом стоимость транспортировки невысока и риск морской перевозки отсутствует. Более того, с географической точки зрения экспорт нефти и газа из стран Центральной Азии и Кавказа в ЕС почти обязательно идет через Россию, которая подписала долгосрочные контракты с Туркменистаном и другими странами посредством энергетической дипломатии, и, таким образом, она фактически является посредником между Средней Азией и Европой. В. В. Путин не раз отмечал, что европейские страны никогда не отрицали надежность сотрудничества с Россией в энергетической сфере. Партнерские экономические отношения с Европейским союзом всегда были гарантией для развития российской экономики, поэтому китайско-российское сотрудничество в области энергетики было не столь активным. В настоящее время Россия идет на активизацию энергетического сотрудничества с Китаем, несмотря на то что существует устойчивое представление в общественном сознании россиян, что есть опасность экономической экспансии Китая на Дальнем Востоке, поэтому необходимо проводить политику по сближению народов, развитию приграничных связей и других форм сотрудничества.

1.4. Энергетический конфликт между Китаем и Индией

Индия признана растущей мировой державой, ее экономика быстро развивается, поэтому растет ее спрос на энергетические ресурсы, которых в самой Индии крайне мало. Поэтому Индия разработала план по всестороннему расширению импорта энергоресурсов для обеспечения энергетической безопасности. Индийская сторона активно инвестирует капиталы в разведку энергоресурсов на Ближнем Востоке, в Центральной Азии и на Каспийском море, но также придает большое значение расширению энергетического сотрудничества с Россией [9].

Традиционно Россия считает Индию своим стратегическим союзником в Южной Азии. Между Индией и Россией установились тесные торговые связи, страны поддерживают друг друга политически, тесно сотрудничают в военной сфере. Для Китая Индия является естественным конкурентом на энергетическом рынке России. В конце 2005 г. был завершен проект «Сахалин-2», совместно разработанный американскими, японскими и индийскими компаниями. Кроме того, Россия пообещала помочь Индии в освоении нефтегазовых ресурсов и строительстве атомных электростанций. Россия придает большое значение энергетическому сотрудничеству с Индией [10].

Резюмируя вышесказанное, можно сказать, что в борьбе за нефтегазовые ресурсы России конкуренция и конфликты между Китаем и Индией возможны. В этой конкуренции каждая страна сдерживает и уравновешивает друг друга, чтобы реализовать свои экономические интересы [11].

2. Китайские и российские эксперты о проблемах энергетического сотрудничества РФ и КНР

2.1. Российский экспертный взгляд на основные проблемы энергетического сотрудничества двух стран

Российские эксперты делают акцент на проблеме потенциальной угрозы превращения России в энергетический придаток экономики Китая, особенно в области нефти и газа, что не подходит для социально-экономического развития России, но выгодно для Китая. Российские эксперты подчеркивают, что создание основной добавленной стоимости в процессе использования нефтегазовых ресурсов, увеличение числа новых рабочих мест и развитие технологических областей — все это будет происходить в Китае и принесет ему пользу. Такой тип сотрудничества только приведет к тому, что Россия будет терять все больше и больше капитала, а следовательно, это будет способствовать развитию только экономики Китая. Кроме того, масштабный экспорт российской нефти, природного газа и других ресурсов в другие страны мира привел к постепенному ослаблению отрасли глубокой переработки энергоресурсов в России. Ведь нефтегазовые ресурсы используются не только как топливо для различных отраслей промышленности, но и как промышленное сырье для производства различной продукции. И вся современная промышленность без него не может нормально функционировать.

Такой тип развития энергоотрасли может разрушить технологический инновационный потенциал России, что приведет к ее отставанию во многих аспектах. Например, Россия будет отставать от Китая в производстве продукции в области энергетического машиностроения, а также в органическом синтезе, нефтехимии, производстве синтетических материалов и угольных энергетических технологиях.

Поэтому фундаментальная цель внешней энергетической политики, заявленная в «Энергетической стратегии России до 2020 года», заключается в следующем: «Превратить Россию из простого поставщика сырья в важного участника, который может проводить независимую политику на международном энергетическом рынке» [7]. Поэтому Россия выразила озабоченность по поводу нынешнего пути энергетического сотрудничества с Китаем и не желает быть только энергетической ресурсной базой для его экономического развития.

2.1.1. Развитие энергетических источников России

В обозримом будущем спрос на нефть, газ и другие источники энергии на внутреннем и внешнем рынках России будет увеличиваться. Согласно энергетической стратегии России, к 2030 г. производство топливной энергии в России вырастет на 25–35%, а внутренний спрос вырастет на 38–57% [12]. В перспективе европейские страны и страны Азиатско-Тихоокеанского региона, включая Китай, которые традиционно сотрудничают с Россией в области энергетики, будут продолжать увеличивать свой спрос на энергоресурсы. Поэтому России необходимо активно развивать новые месторождения нефти и газа. Чтобы удовлетворить внутренний и международный спрос на энергию, развитие новых энергетических баз может быть перенесено только в Восточную Сибирь. Однако в настоящее время этот регион имеет отсталую инфраструктуру и суровые природные погодные условия, что препятствует развитию энергетических проектов на Дальнем Востоке [Там же].

Кроме того, в российских экспертных кругах существует точка зрения, что Китай хочет крупномасштабно импортировать нефтяные ресурсы, потому что стремится не только удовлетворить потребности собственного экономического развития, но и экспортировать энергию в другие страны Азиатско-Тихоокеанского региона для получения определенных коммерческих выгод.

2.2. Основные проблемы российско-китайского энергетического сотрудничества, по мнению китайских ученых

К крупнейшим энергетическим компаниям Китая относятся «Синопек», КННК и СНООС. Хотя эти три энергетические компании относительно сильны и очень быстро развиваются, они все еще слабы по сравнению с передовыми энергетическими компаниями мира. Капитал всемирно известной компании «Эксон Мобил» более чем в три раза превышает суммарный капитал этих трех энергетических компаний. Разведка и добыча нефти — это отрасль с огромными инвестициями и чрезвычайно высоким риском. Международные нефтяные транснациональные гиганты обладают преимуществами глобальных ресурсов, технологий, рынка и инвестиций, а уровень разведки и использования энергии большинства китайских нефтяных компаний низкий по сравнению с крупными международными компаниями; их капитал и техническая мощь ограничены, и им не хватает опыта участия в международном энергетическом сотрудничестве. Это привело к слабой международной конкурентоспособности Китая и недостаточной способности выйти на международный рынок. Кроме того, из-за непонимания характерных национальных особенностей России многие китайские компании не проводят опрос и оценку российского рынка, прежде чем принять решение об инвестировании в Россию, что влияет на комплексные долгосрочные планы инвестиций в области энергетики России.

2.2.1. Влияние «теории китайской угрозы» на политическое взаимодействие между Китаем и Россией

Сотрудничество в области энергетики является важной частью международного сотрудничества КНР и РФ, потому что формулирование стратегической политики страны зависит от энергетической сферы.

Хотя политическое взаимодоверие между Китаем и Россией в настоящее время стабильно укрепляется, но нельзя отрицать наличие нежелательных факторов. Россия часто рассматривает нефть как разменную монету в международной политике. Например, в процессе сотрудничества с Китаем Россия требует от Китая идти на компромисс в пограничном вопросе при условии укладки нефтепроводов и экспорта нефти, что подрывает политическое взаимодоверие между Китаем и Россией [12].

Кроме того, изменение маршрута пролегания нефтепровода между Китаем и Россией с Ангарск — Дацин на Ангарск — Находка свидетельствует о том, что Россия больше обращает внимания на собственные экономические интересы, но вместе с этим наносит ущерб взаимному доверию. Первоначально Китай и Россия достигли предварительной договоренности о прокладке этого маршрута, однако в России возникло опасение, что этот трубопровод идет только в Китай и в будущем он неизбежно будет ограничен Китаем по вопросу экспорта энергетики. Япония также предложила новый план, согласно которому Россия должна построить трубопровод от Ангарска до российского дальневосточного порта Находка и оказать соответствующую финансовую поддержку. Россия начала колебаться в выборе направления трубопровода. В таких условиях политическое взаимное доверие между Китаем и Россией было серьезно подорвано [13].

В связи с быстрым развитием экономики Китая и повышением совокупной мощи государства теория об «экономической угрозе Китая» продолжает распространяться в России. Особенно в регионах Дальнего Востока сохраняются устойчивые стереотипы в общественном мнении о «китайской экспансии» и «китайской бизнес-иммиграции». Некоторые россияне опасаются, что быстрое развитие Китая приведет к «экспансии китайского капитала» и «увеличению китайской части населения». Эти представления связаны с ошибочной интерпретацией форм сотрудничества в области энергетики между двумя странами («разграбление российских энергетических ресурсов»), что оказывает отрицательное влияние на китайско-российские отношения.

Заключение

Китай и Россия должны рассматривать вопросы сотрудничества в нефтегазовых и угольных областях в комплексе со всеми другими направлениями экономического сотрудничества. Так, необходимо ускорить реализацию ряда «замороженных» проектов в энергетике, что требует решительных шагов в переговорах о ценах на нефть и газ. Кроме того, общемировой тенденцией является развитие альтернативной энергетики, в частности, разработка и использование сланцевого газа. Китай обладает богатыми запасами сланцевого газа, поэтому энергетическое сотрудничество в этой сфере между Китаем и Россией является перспективным направлением.

Для развития экономических связей двух стран важно сблизить законодательную базу, чтобы создать условия для успешного функционирования трансграничного инвестиционного механизма, который полезен для обеих сторон. Например, Россия обладает огромными запасами нефти и газа, но их очень трудно разрабатывать. В частности, освоение новых российских нефтегазодобывающих районов в отдаленных регионах будет сопряжено с огромными рисками и потребует огромных финансовых средств. Самой России сложно завершить столь масштабную разработку быстро. Для достижения лучших результатов правительства обеих стран должны осознать, что коммерческие сделки в области энергетики способствуют взаимной выгоде и обоюдному выигрышу [10]. Обе стороны должны укреплять диалог, взаимное доверие и обмены, устранять препятствия и сформировать эффективный механизм трансграничных инвестиций, чтобы расширить масштабы сотрудничества, защищая интересы обеих сторон в условиях санкционного давления США и их союзников.

Литература

1. *Ву Эньюань*. Текущее состояние и перспективы энергетического сотрудничества между Китаем, Россией, США, Европой и странами Центральной Азии // *Международное сотрудничество*, 2009. № 11. С. 31–33. (На китайском яз.)

2. Ву Сючунь. Китайско-индийское энергетическое сотрудничество: дис. к. полит. н. 2017, Сямынь. С. 25–30. (На китайском яз.)
3. Ван Люин, Сунь Хаюань. Влияние противоречий между глобальными державами на энергетическое сотрудничество государств Евразии // Современные гуманитарные исследования. 2018. № 2. С. 114–119. (На китайском яз.)
4. Инь Юйган. Китайско-индийско-российская конкуренция и сотрудничество в Центральной Азии // Мировой и экономический форум. 2006. № 3. С. 70–74. (На китайском яз.)
5. Кашулин Д. А. Энергетическая безопасность государства в современном политическом процессе: отечественный и зарубежный опыт: автореф. дис. к. полит. н. М., 2016. 29 с.
6. Левинзон С. В. Экология и энергетическая безопасность (законодательная и нормативная база) // Энергия: экономика, техника, экология. 2017. № 3. С. 65–73.
7. Ли Цинцин. О японо-российском энергетическом сотрудничестве: дис. к. полит. н. Шань Дун, 2018. С. 35–37. (На китайском яз.)
8. Пан Чанвей. Гегемония США и движущая сила американо-китайского энергетического сотрудничества // Народный форум. 2019. № 34 С. 112–115. (На китайском яз.)
9. Фэнь Найкан, Ли Ян. Анализ китайско-индийского энергетического сотрудничества в рамках инициативы «Пояс и путь» // Современный мир. 2015. № 11. С. 50–53. (На китайском яз.)
10. Чжен Юй. Китай, Россия и США в Центральной Азии: сотрудничество и конкуренция. Пекинское издательство социальной литературы, 2007. С. 326. (На китайском яз.)
11. Чжан Синьхуа. Энергетическая стратегия Китая в Центральной Азии: дис. к. полит. н. Урумчи, 2009. 109 с. (На китайском яз.)
12. Чжоу Дань. Влияние новой энергетической политики Трампа // Китайская и зарубежная энергетика. 2019. № 24. С. 39. (На китайском яз.)
13. Ши Цзини. Энергетическое сотрудничество ЕС и России в 21 веке: анализ проблем и перспектив: дис. к. полит. н. 2019, Пекин. 130 с. (На китайском яз.)

Об авторе:

Ли Ин, аспирант кафедры международных отношений и мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация; Китайская Народная Республика);
15139208357@163.com

References

1. Wu Enyuan. Current Situation and Prospects of Energy Cooperation between China, Russia, USA, Europe and the Countries of Central Asia. *International Cooperation*, 2009. No. 11. P. 31 –33. (In Chin.)
2. Wu Xiaochun. *Sino-Indian Energy Cooperation* : diss. PhD in Political Sciences. Xiamen, 2017. P. 25–30. (In Chin.)
3. Wang Luying, Sun Haoyuan. Influence of contradictions between global powers on the energy cooperation of the Eurasian countries. *Modern humanitarian research*, 2018. No. 2. P. 114–119. (In Chin.)
4. Yin Yugang. The Competition and Cooperation between China, India and Russia in Central Asia. *World and Economic Forum*, 2006. No. 2. P. 70–74. (In Chin.)
5. Kashulin D. A. *Energy security of the state in the modern political process : domestic and foreign experience* : author. diss. PhD in Political Sciences. Moscow, 2016. P. 29. (In Rus.)
6. Levinzon S. V. Ecology and energy security (legislative and regulatory framework). *Energy: economics, technology, ecology* [Энергия: экономика, техника, экология]. 2017. No. 3. P. 65–73. (In Rus.)
7. Li Qingqing. *On Japan-Russian Energy Cooperation* : diss. PhD in Political Sciences. Shan Dong, 2018. P. 35–37. (In Chin.)

8. Pang Changwei. U. S. Hegemony and the Power of China's Energy Cooperation. *People's Forum*, 2019. No. 34. P. 112–115. (In Chin.)
9. Feng Naikang, Li Yang. A Brief Analysis of Sino-Indian Energy Cooperation under the "One Belt, One Road" Initiative. *Modern World*. 2015, No. 11. P. 50–53. (In Chin.)
10. Zheng Yu. *China, Russia and the US in Central Asia: Cooperation and Competition*. Beijing Social Literature Publishing House, 2007. P. 326. (In Chin.)
11. Zhang Xinhua. *China's Central Asian Energy Strategy* : diss. PhD in Political Sciences. Urumqi : Xinjiang University School of Economics and Management, 2009. P. 109. (In Chin.)
12. Zhou Dan. Impact of Trump's new energy policy. *Chinese and foreign energy*. 2019. No. 24. P. 39. (In Chin.)
13. Shi Jingyi. *Energy Cooperation between EU and Russia in the 21st Century: Analysis of Problems and Prospects* : diss. PhD in Political Sciences. 2019, Beijing. P. 113. (In Chin.)

About the author:

Li Ying, Postgraduate student at the Department of International Relations and World Politics of St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation; People's Republic of China);
15139208357@163.com

Победа Китая над бедностью: миф или реальность?

Орлова И. С., Цинченко Г. М.*

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

* e-mail: galina_ts55@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2444-6798>

РЕФЕРАТ

Проблема бедности ООН выдвигается в разряд наиболее актуальных и остро стоящих мировых проблем, присущих большинству стран. Снижение масштабов бедности выступает важной первоочередной целью социальной политики многих стран, в том числе и России. Ведется поиск путей снижения бедности, разрабатываются национальные стратегии по преодолению данной проблемы. Китай в последние годы демонстрирует успехи в борьбе с бедностью, признается мировым лидером по достигнутым результатам в этом направлении.

Цель. Изучить опыт Китая по сокращению массовой бедности, значимый для социальной практики других стран.

Задачи. Проанализировать государственную политику Китая по снижению масштабов бедности, стратегию в решении проблемы, социальные программы, меры социальной поддержки малоимущих категорий граждан в системе социального обеспечения. Рассмотреть достигнутые результаты, а также задачи, поставленные страной в данном направлении на перспективу.

Методология. В исследовании использован комплекс общенаучных методов, таких как анализ, синтез, обобщение, сравнение, системно-функциональный и комплексный подход.

Результаты. Представлены результаты исследования государственной политики Китая по снижению уровня бедности населения как одной из наиболее острых мировых проблем. Проведенный анализ дал возможность выявить состояние проблемы бедности в Китае в динамике за последние сорок лет, выделить ее особенности, масштабы и зоны концентрации. Проанализирована специфика современного стратегического подхода государственной политики Китая как в сфере преодоления бедности, так и в сфере оказания государственной социальной помощи малоимущим категориям граждан. Полученные материалы анализа уровня бедности в стране позволяют выделить позитивные результаты, достигнутые страной к настоящему времени.

Выводы. Сформулированы выводы о возможных дальнейших трудностях решения проблемы преодоления бедности в Китае ввиду старения населения и росте демографических диспропорций в его составе.

Ключевые слова: бедность, прожиточный минимум, уровень бедности, малоимущие граждане, минимальные социальные нормативы, программы борьбы с бедностью

Для цитирования: Орлова И. С., Цинченко Г. М. Победа Китая над бедностью: миф или реальность? // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 3. С. 66–74.

China's Victory over Poverty: Myth or Reality?

Inna S. Orlova, Galina M. Tsinchenko*

North-West Institute of management of RANEP, Saint Petersburg, Russian Federation

*e-mail: galina_ts55@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2444-6798>

ABSTRACT

The problem of poverty of the UN is put forward in the category of the most urgent and acute world problems inherent in most countries. Poverty reduction is an important priority goal of the social policy of many countries, including Russia. Ways to reduce poverty are being sought, and national strategies are being developed to overcome this problem. In recent years, China has demonstrated success in the fight against poverty, is recognized as a world leader in terms of the results achieved in this direction.

Aim. To study China's experience in reducing mass poverty, which is significant for the social practices of other countries.

Tasks. Analyze China's public policies to reduce poverty, strategies in solving the problem, social programs, measures of social support for low-income categories of citizens in the social security system. Review the results achieved, as well as the tasks set by the country in this direction for the future.

Methods. The study uses a set of general scientific methods, such as analysis, synthesis, generalization, comparison, system-functional and integrated approach.

Results. The results of the study of the state policy of China to reduce poverty as one of the most acute world problems are presented. The analysis made it possible to identify the state of the poverty problem in China in the dynamics over the past forty years, to highlight its features, scales and zones of concentration. The specifics of the modern strategic approach of the state policy of China both in the field of overcoming poverty and in the field of providing state social assistance to low-income categories of citizens are analyzed. The results of the analysis of the level of poverty in the country allow us to highlight the positive results achieved by the country to date.

Conclusion. Conclusions are formulated about possible further difficulties in solving the problem of overcoming poverty in China due to the aging of the population and the growth of demographic disproportion in its composition.

Keywords: poverty, the subsistence minimum, the level of poverty, poor citizens, minimum social standards, programs to combat poverty

For citing: Orlova I. S., Tsinchenko G. M. China's Victory over Poverty: Myth or Reality? // Eurasian Integration: economics, law, politics. 2022. Vol. 16. No. 3. P. 66–74.

Введение

Бедность всегда была одной из основных социальных проблем во всех периодах жизни общества с древних времен до настоящего времени. 736 млн чел., это 10% современного населения планеты, — бедные люди. Их траты составляют менее одного доллара в день, что ниже официальной минимальной черты бедности, установленной Всемирным банком на уровне \$1,9¹.

Сокращение масштабов бедности в мире и в каждой отдельной стране как первоочередная социальная цель ставилась ООН в рамках ряда программ последних лет. Программа «Цели развития тысячелетия» реализовывалась несколько десятилетий. Сейчас действует программа «17 целей устойчивого развития», принятая ООН 25 сентября 2015 года. Каждая из этих программ проблему бедности населения рассматривала как первоочередную и наиболее значимую на каждом этапе развития общества. Ее значимость подчеркнута и на современном этапе. В числе основных целей устойчивого развития, предусмотренных ООН для всех стран мира и рассчитанных на перспективу до 2030 г., две стоящие на первом месте цели посвящены проблеме борьбы с бедностью, нищетой, голодом, недоеданием [10].

Проблема бедности является актуальной практически для всех стран мира, даже для стран благополучной Европы. Она по-прежнему остается в фокусе как публичного внимания, так и государственной политики разных стран; в научных сообществах не прерываются дискуссии по проблеме поиска наиболее эффективных путей снижения уровня бедности, ведется поиск форм помощи малоимущим гражданам.

¹ В Китае расширяются масштабы медицинской помощи малоимущим гражданам [Электронный ресурс] // ИА REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/society/2630708.html> (дата обращения: 26.05.2021).

Во многих странах, в том числе в России и Китае, разрабатываются национальные концепции борьбы с бедностью.

Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш считает, что в мировой практике борьбы с бедностью Китай демонстрирует самые высокие темпы ее ликвидации. По его мнению, государственная стратегия, выбранная страной для достижения этой цели, полученные результаты доказали свою несомненную эффективность и успешность¹. 25 февраля 2021 г. председатель КНР Си Цзиньпин на собрании, посвященном итогам развития страны, сообщил о полной победе Китая над абсолютной бедностью. Он также провозгласил начало реализации новой амбициозной задачи построения общества средней зажиточности². В этой связи позитивный опыт Китая в борьбе с бедностью, его успехи в этом направлении могут быть интересны для многих стран, стоящих перед выбором своей стратегии действий по сокращению масштабов бедности населения. Безусловно, как для России, так и для Китая плодотворен обмен опытом борьбы с бедностью, с учетом достижений, специфики социальной практики, социальной политики и социальной стратегии каждой страны.

Бедность как социальная проблема Китая

Для Китая бедность населения до середины прошлого века оставалась одной из наиболее остро стоящих проблем. В 1993 г. 661 млн жителей страны были бедны, что составляло 57% населения. В 2018 г., по данным Государственного статистического управления, бедных в стране оставалось еще 110 млн чел., это 8% от общей численности населения³. Особо высокий уровень бедности был присущ отдаленным регионам с преобладанием сельского населения, таким как Тибетский автономный округ, Сычуань, Ганьсу, Юньнань, Шаньси. Бедность в Китае имеет и географическое распределение. Восточные и северные провинции наименее бедны по сравнению с западными и южными. В этих регионах проживает более 250 млн чел., процент бедного населения в них достигал 18,0% [3]. На уровень бедности населения Китая влияют как природно-климатические, так и социально-экономические факторы, экономическое развитие регионов, наличие в них промышленных предприятий, проживание в городе или деревне. Можно сделать вывод о том, что для Китая основную проблему представляет бедность сельскохозяйственных регионов и сельского населения. Для определения уровня бедности в стране китайская статистика применяет нормативный (абсолютный) подход. Приверженцами абсолютного подхода являются политологи Хэ Гуанвэнь, Цзюй Жунхуа, Лю Юньли. Эмпирическое исследование развития сельских организаций взаимопомощи в Китае лежит в основе фундамента их методов [7; 8; 9].

В число бедных попадают лица, имеющие доход ниже официально установленной планки прожиточного минимума. В Китае для оценки общего уровня бедности применяется единый для всей страны стандарт прожиточного минимума. Такой подход позволяет получить полную картину состояния проблемы в стране в целом и по каждому отдельному региону, определить регионы, концентрирующие наиболее высокую бедность.

Помимо этого, каждый регион устанавливает свои базовые минимальные социальные стандарты и нормативы с учетом местных условий, наличия промышленной инфраструктуры, социально-экономического развития. К ним относится минимальная заработная плата, почасовая ставка оплаты труда, прожиточный минимум. Размеры этих стандартов в разных регионах могут существенно различаться. В промышленно развитых регионах они будут более высокими, в сельскохозяйственных регионах более низкими. Так, прожиточный минимум в Шанхае составляет 710 юаней в месяц, а в Сычуане только

¹ Китайский путь решения проблемы актуален для всего мира [Электронный ресурс] // Российская газета. 04.10.2019. URL: <https://rg.ru/2019/10/04/kitajskij-put-resheniia-problemy-bednosti-aktualen-dlia-vsego-mira.html> (дата обращения: 26.05.2021).

² Си Цзиньпин заявил, что Китай одержал полную победу над абсолютной бедностью [Электронный ресурс] // Mail.ru. 25.02.2021. URL: <https://news.mail.ru/politics/45340498/?frommail=1> (дата обращения: 26.05.2021).

³ Как устроена пенсия в Китае в 2020 году: возраст выхода, условия и размер выплат пенсионерам [Электронный ресурс] // Мигрант Инфо. 24.11.2019. URL: <https://tabin.ru/zagranpasport/kak-ustroena-pensiya-v-kitae-v-2020-godu-vozrast-vyhoda-usloviya-i-razmer-vyplat-pensioneram.html> (дата обращения: 26.05.2021).

430 юаней (1 юань = 11,46 руб. = \$0,1552)¹. В то же время для всех регионов законодательно установлено общее требование раз в два года повышать минимальные стандарты.

Расчет прожиточного минимума в регионах Китая основывается на стоимости потребительской корзины, которая также будет отличаться по своей структуре, в зависимости от того, какой это регион — сельскохозяйственный или промышленный. Жители сельских регионов выращивают все, что необходимо для питания, поэтому затраты на продукты не учитываются, как и затраты на транспорт и развлечения. В потребительскую корзину населения входит в основном одежда, топливо, товары сельскохозяйственного назначения. Потребительская корзина городского жителя более объемна и разнообразна по своей структуре. В нее включены расходы на продукты, воду, одежду, связь, транспорт, коммунальные услуги и аренду жилья, налоги, развлечения. Жизнь в городах достаточно дорогая. Стоимость услуг общественного транспорта довольно высокая, и китайцы стараются передвигаться на велосипеде или мопед. Ввиду низких зарплат большинство экономят на еде, в их рационе преобладает в основном рис с овощами².

Социальное обеспечение как фактор снижения уровня бедности

Одним из факторов, влиявших на уровень бедности в Китае, является слабое развитие системы социального обеспечения, которая могла бы повысить доходы социально-уязвимых категорий населения, позволяя им получать на систематической основе социальные выплаты из государственного или регионального бюджета. В начале 90-х гг. на получение пенсии могли рассчитывать не более 6% пожилых китайцев. Государственное пенсионное обеспечение не распространялось на всех пожилых людей, большая часть лиц преклонного возраста была его лишена. Пенсию имел лишь узкий круг работников: государственные служащие, работники промышленных предприятий, менеджеры, да и то если они не менее пятнадцати лет регулярно отчисляли взносы в пенсионный фонд в размере 11% от заработной платы. Такое положение создавало объективные предпосылки для попадания в категорию бедных прежде всего пожилых людей и формировало специфический демографический состав бедных, отличный от России и стран Европы. Большинство сельских жителей до сих пор не имеют пенсии вообще, а размеры пенсионных выплат для тех, кто ее получает, самые низкие, находятся в пределах 50–100 юаней. Остаются без пенсии и вернувшиеся на родину трудовые мигранты, работавшие в других странах и не делавшие отчисления в национальные пенсионные фонды.

Однако в начале XXI в. в рамках социальных реформ в Китае стала интенсивно развиваться система пенсионного страхования по старости, носящая многоуровневый характер и охватывающая все категории легально работающих граждан. Пенсионные фонды в Китае децентрализованы, создаются на региональной основе, что влияет на размер пенсионных отчислений в них, на объемы пенсионных бюджетов, соответственно, и на размер пенсий для жителей разных регионов. Начисление пенсий осуществляется на местном уровне. Пенсии в городе и в деревне по размеру имеют различия. Так, минимальная пенсия в городе будет составлять 20% от средней заработной платы по региону, а для жителей села этого же региона минимум будет на уровне 10%. Размер средней пенсии в сельскохозяйственном регионе может быть ниже размера средней пенсии в промышленном центре, например в Шанхае в семь раз [2]. Согласно статистическим данным, в 2019 г. средняя государственная пенсия в городах составляла 1500 юаней. Средние пенсионные показатели по разным регионам страны были на уровне 900–1300 юаней³.

С 2009 г. неуклонно стало расти и число лиц, получающих трудовую пенсию. В настоящее время уже 66% пожилых людей ее получают, что является залогом положительной перспективы в снижении

¹ Забродина Е. Поднебесная, но не заоблачная [Электронный ресурс] // Российская газета. 28.07.2018. URL: <https://rg.ru/2018/07/25/kak-ustroena-pensionnaia-sistema-v-sovremennom-kitae.html> (дата обращения: 26.05.2021).

² Баландин Р. Порог бедности: как Китаю удалось избавиться от нищеты 800 миллионов жителей [Электронный ресурс] // ТАСС.РУ. 26.02.2021. URL: <https://tass.ru/opinions/10790289> (дата обращения: 26.05.2021).

³ Тихонов В. Пенсия в Китае: кому и сколько платят [Электронный ресурс] // Первый миграционный. 26.02.2019. URL: <https://1migration.ru/kitaj/pensiya-po-starosti.html> (дата обращения: 26.05.2021).

количества бедных среди пожилых людей. Для приобретения права на трудовую пенсию работник должен перечислять в пенсионный фонд 8% от своей заработной платы, 20% на его индивидуальный счет перечисляет работодатель¹. Помимо этого, каждый житель страны может открыть в пенсионном фонде накопительный счет и сформировать себе дополнительно накопительную пенсию. Государственные служащие получают государственную пенсию.

Государственная поддержка малоимущего населения, осуществляемая через систему пособий, была и остается пока слабо представленной. Местные власти могут устанавливать дополнительные виды материальной помощи, если доход семьи низок и не обеспечивает минимальную потребительскую корзину. Пособие по бедности (дибао) существует, но как временная мера, для помощи семьям, чей доход ниже установленной действующим в 2019 г. государственным стандартом минимальной планки — 2,3 тыс. юаней в год. Пособие имеет минимальный размер, в настоящее время оно составляет в среднем по стране 600–700 юаней. Пособие предназначено для покупки жизненно необходимых товаров, продуктов питания, лекарств. Это пособие прежде всего получают крестьяне, не имеющие дохода, а также безработные городские жители. Однако оформить его трудно из-за бюрократической процедуры принятия решения. Затраты бюджета на выплату этого пособия незначительны, составляют всего 0,2% ВВП².

В то же время в целях стимулирования активной и позитивной гражданской позиции населения, направленной на законопослушное и добропорядочное общественное поведение, на саморазвитие, в 2014 г. в Китае введена система социальных кредитов (социальных рейтинговых показателей). В данной системе предоставление социального обеспечения или отказ в нем конкретному гражданину связываются с уровнем его социального рейтинга, что свидетельствует о противоречивом и неоднозначном пути развития социального обеспечения, а также о его незначительной роли, как направления государственной социальной политики по снижению общего уровня бедности населения³.

Государственные стратегии преодоления бедности в Китае

Снижение масштабов бедности для всех регионов, повышение уровня жизни населения и в перспективе построение общества всеобщей средней зажиточности — эти задачи легли в основу политики реформ, проводимых в Китае последние сорок лет. По мнению профессора Ван Цинсун из Шанхайского исследовательского центра по изучению социализма с китайской спецификой в новой эпохе, «центральный» концептом в основе идеологии китайского государства лежит «периферийный» концепт борьбы с бедностью в рамках теории социализма с китайской спецификой [1].

Политика ликвидации бедности в Китае стала рассматриваться как важная основополагающая предпосылка общего экономического роста страны, как залог повышения благосостояния населения и расширения его платежеспособности. В Госсовете КНР был создан специальный отдел по вопросам развития и помощи бедным, что свидетельствовало о непосредственной связи дальнейшего развития страны с искоренением массовой бедности населения. Была предусмотрена и личная ответственность партийных работников по искоренению бедности, каждый из них должен был взять шефство над несколькими бедными семьями⁴. Резкий скачок в движении в этом направлении произошел с принятием и началом реализации в 2010 г. специальной программы и учреждением специального фонда для борьбы с бедностью. В целях реализации программы правительство также заключило ряд договоров о сотрудничестве с большим кругом частных компаний на условиях государственно-частного партнерства.

¹ Забродина Е. Поднебесная, но не заоблачная [Электронный ресурс] // Российская газета. 28.07.2018. URL: <https://rg.ru/2018/07/25/kak-ustroena-pensionnaia-sistema-v-sovremennom-kitae.html> (дата обращения: 26.05.2021).

² Эксперт оценил перспективы избавления от бедности в Китае [Электронный ресурс] // 26.09.2019. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20190926/1559141278.html> (дата обращения: 26.05.2021).

³ Катасонов В. Китайская система социального кредита — что это такое [Электронный ресурс] // Фонд стратегической культуры. 29.12.2018. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2018/12/29/kitajskaja-sistema-socialnogo-kredita-cto-eto-takoe-47371.html> (дата обращения: 26.05.2021).

⁴ Как Всемирный банк оценивает уровень бедности [Электронный ресурс] // ТАСС.РУ. 15.01.2020. URL: <https://tass.ru/info/7525997> (дата обращения: 26.05.2021).

На программу борьбы с бедностью и в первую очередь с региональной бедностью из бюджета страны были выделены значительные средства, размер которых ежегодно увеличивается. Такие же по объему суммы инвестировали на эти цели и частные компании. Данные средства направлялись прежде всего в регионы с высоким уровнем бедности. Причем они расходовались не на выплату пособий бедным семьям, а шли на создание условий для социально-экономического развития регионов и сельских поселений, на стимулирование малого бизнеса, на обеспечение сельского населения работой. Финансировалось строительство дорог, социальной инфраструктуры, жилья, систем водо- и электроснабжения. Осуществлялась поддержка развития сельского хозяйства. Крестьян обеспечивали посадочным материалом, обучали ведению фермерского хозяйства, животноводству, растениеводству, финансовой грамоте, работе на передовом технологическом оборудовании. Они могли приобрести новую профессию в сфере туризма, логистики, экологии, озеленения, лесного хозяйства. Большое внимание было уделено развитию здравоохранения и образования в сельских поселениях [5].

Малоимущим семьям предоставляются средства на улучшение жилищных условий. С 1982 г. реализуется государственная программа по переселению крестьян, проживающих в неблагоприятной для жизни и земледелия природно-климатической среде, в экономически развитые регионы. Переселенцам предоставляются кредиты на строительство жилья, льготы на оплату электроэнергии и водоснабжения.

Семьям помогали в организации сельскохозяйственного производства, давали беспроцентные кредиты на покупку сельскохозяйственной техники, стимулировали создание сельскохозяйственных кооперативов. В стране начала действовать система микрокредитования бедных семей, которая носила масштабный характер и имела государственную поддержку. Система предусматривала предоставление кредитов на льготной основе сроком на три года с целью приобретения бедными семьями стартового капитала для начала собственного дела и развития. Микрокредитами воспользовались 14,2 млн китайских семей¹. Каждая бедная семья была взята на учет, фиксировались источники ее доходов и их размер, отслеживалась динамика изменений этих показателей.

В 2017 г. была запущена программа медицинской помощи малоимущим сельским гражданам, которая возмещает им расходы на лечение детей, на онкологические и другие серьезные заболевания². Помимо государственной социальной поддержки малоимущих в Китае стала развиваться система благотворительной помощи, в настоящее время действует ряд благотворительных программ с широким финансовым и волонтерским участием граждан [4]. В число таких программ входит программа «Надежда», направленная на помощь в получении образования детям из бедных сельских семей. На собранные благотворительные средства в сельских уездах были открыты несколько тысяч школ, среднее образование получили более 3 млн детей. Программа «Счастье» оказывает материальную помощь бедным матерям, выдавая им деньги на текущие неотложные нужды и кредиты на реализацию их бизнес-проектов. Помимо этого, данная программа финансирует диспансеризацию и лечение женщин из бедных сельских уездов. Программа «Водоем» ставит целью строительство водоемов для обеспечения сельских жителей чистой водой. Проводятся благотворительные акции помощи малоимущим семьям «Стены доброты».

В 2021 г. поставлена задача усиления национальной системы социального обеспечения, предусмотрено создание в ней специального направления по оказанию срочной финансовой помощи малоимущим категориям граждан в чрезвычайных ситуациях. Финансирование данного направления предполагается осуществлять на основе государственно-частного партнерства как силами региональных органов власти, так и силами коммерческих и благотворительных организаций³.

¹ 14,2 млн малоимущих семей в Китае воспользовались микрокредитованием в помощь бедным [Электронный ресурс] // Рамблер. 25.05.2019. URL: https://finance.rambler.ru/other/42235913/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 26.05.2021).

² В Китае расширяются масштабы медицинской помощи малоимущим гражданам [Электронный ресурс] // ИА REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/society/2630708.html> (дата обращения: 26.05.2021).

³ В Китае предоставят финансовую помощь малообеспеченным гражданам [Электронный ресурс] // ChinaModernRU — Современный Китай. URL: <http://www.chinamodern.ru/?p=20606> (дата обращения: 26.05.2021).

Заключение

Несмотря на достаточную изученность проблемы китайскими и зарубежными учеными, остается широкое поле для исследования разрешения проблемы борьбы с бедностью в Китае и в мире [1]. Ликвидация бедности, снижение ее масштабов для любой страны является чрезвычайно сложной задачей, поскольку ее решение лежит в разных плоскостях. Оно непосредственно связано с уровнем экономического развития страны и ее возможностями финансировать программы по преодолению бедности. Зависит оно и от существующих диспропорций в экономическом развитии отдельных регионов, от отсутствия или наличия в них промышленного производства, развитости или неразвитости социальной инфраструктуры, нацеленности государства и общества на борьбу с этим явлением. В. Г. Ишмуратова, обобщая исторический опыт КНР в преодолении бедности, в развитии социального неравенства, в качестве тормозящих факторов, способствовавших сохранению бедности в КНР до прихода к власти Си Цзиньпина, рассматривает распространение «серых» доходов, клановое ведение бизнеса и коррупцию [2].

Подводя итоги, можно отметить, что борьба с бедностью в Китае ведется целенаправленно и системно, с концентрацией финансовых ресурсов, государства, представителей бизнеса, благотворительных организаций, рядовых граждан. Китай за 40 лет инвестировал в решение этой задачи около \$246 млрд. Страной выработана своя национальная стратегия и технологии ее реализации. Залогом успеха Китая в этом направлении можно также считать достигнутое единство между властью и народом.

Достижения Китая на пути преодоления бедности неоспоримы. За годы проведения социальных реформ Китай достиг впечатляющих результатов по снижению уровня бедности в стране, 850 млн чел. переступили черту бедности, из числа бедных были выведены 832 уезда и 128 тыс. деревень¹. Существенно повысились доходы сельского населения, вырос общий уровень благосостояния граждан.

В результате китайского подхода к искоренению бедности страна содействует сокращению бедного населения на 70% во всем мире, или 850 млн чел. Китай ликвидирует хронический голод и становится признанным ООН государством с наибольшим количеством людей в мире, вырвавшихся из бедности [1].

Данные результаты — это несомненная и убедительная победа над абсолютной бедностью и нищетой, но считать ее полной и окончательной, на наш взгляд, еще нельзя. Порог бедности в Китае довольно низкий, примерно \$1 в день, что почти в два раза ниже установленного Всемирным Банком стандарта бедности [3].

Население Китая стремительно стареет, растут демографические диспропорции в составе населения, что в перспективе будет все больше увеличивать социальную нагрузку на экономику и снижать возможности решения проблемы бедности.

Противоречивый путь развития системы социального обеспечения также создает барьеры на пути снижения уровня бедности в стране, в первую очередь среди социально-уязвимых категорий населения и граждан, имеющих низкий социальный рейтинг.

Литература

1. Бояркина А. В. Борьба с бедностью в Китае в контексте идеи «Сообщества единой судьбы человечества» с 2013–2020 годы // *Мировая политика*. 2021. № 3. С. 63–82.
2. Ишмуратова В. Г. Борьба с бедностью в КНР: исторический опыт, проблемы, перспективы // *Проблемы современной экономики*. 2014. № 3 (51). С. 287–291.
3. Плесский Н. С. Бедность в современном Китае: основные черты и региональные различия // *Фундаментальные исследования*. 2015. № 2 (часть 20). С. 4443–4447.
4. Сморчкова А. К. Роль программ социальной помощи в сокращении бедного населения в Китае // *Вестник науки и образования*. 2015. № 1 (3). С. 52–54.

¹ Си Цзиньпин заявил, что Китай одержал полную победу над абсолютной бедностью [Электронный ресурс] // Mail.ru. 25.02.2021. URL: <https://news.mail.ru/politics/45340498/?frommail=1> (дата обращения: 26.05.2021).

5. Тарасов А. Уровень людей за чертой бедности в Китае [Электронный ресурс] // VisaSam.Ru. 29.06.2022. URL: <https://visasam.ru/emigration/asia/bednost-v-kitae.html> (дата обращения: 26.07.2022).
6. Chinese Approach to the Eradication of Poverty: Taking Targeted Measures to Lift People out of Poverty [Электронный ресурс] // A Speech at the Expert Panel on the Implementation of the Third UN Decade for the Eradication of Poverty (2018-2027). Addis Ababa, April 18, 2018. URL: <https://www.un.org/development/desa/dspd/wp-content/uploads/sites/22/2018/05/15.pdf> (дата обращения: 22.08.2022).
7. He Guangwen. Mechanism of Rural Mutual Assistance and Cooperation and Explanation of Its Effectiveness // Financial Theory and Practice. 2007. No. 4. P. 3–8. (На китайском)
8. Ju Ronghua, Liu Yunli. Status Quo and Response measures for the development of rural mutual aid organizations in China // Finance. 2014. No. 2. P. 39–46. (На китайском)
9. Sun Liming. Research on the development of a new type of cooperative organization of rural mutual investment funds. Master's thesis. Jilin University, 2006. 47 p. (На китайском)
10. Technical report by the Bureau of the United Nations Statistical Commission (UNSC) on the process of the development of an indicator framework for the goals and targets of the post-2015 development agenda [Электронный ресурс] // Sustainable Development Knowledge Platform. United Nations (19 March 2015). URL: [https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/6754Technical%20report%20of%20the%20UNSC%20Bureau%20\(final\).pdf](https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/6754Technical%20report%20of%20the%20UNSC%20Bureau%20(final).pdf) (дата обращения: 26.05.2021).

Об авторах:

Орлова Инна Степановна, доцент кафедры социальных технологий Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат педагогических наук, доцент;
oca-oca@mail.ru

Цинченко Галина Михайловна, доцент кафедры социальных технологий Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат социологических наук, доцент;
galina_ts55@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2444-6798>

References

1. Boyarkina A. V. The fight against poverty in China in the context of the idea of the “Community Destiny of Mankind” from 2013–2020. *World Politics* [Mirovaya politika]. 2021. No. 3. P. 63–82. (In Rus).
2. Ishmuratova V. G. The struggle with poverty in the PRC: historical experience, problems, prospects. *Problems of modern economy* [Problemy sovremennoi ekonomiki]. 2014. No. 3 (51). P. 287–291. (In Rus).
3. Plesskii N. S. Poverty in modern China: basic features and regional differences. *Fundamental research* [Fundamental'nye issledovaniya]. 2015. No. 2 (part 20). P. 4443–4447. (In Rus).
4. Smorchkova A. K. The role of social assistance programs in reducing the poor population in China. *Bulletin of Science and Education* [Vestnik nauki i obrazovaniy]. 2015. No. 1 (3). P. 52–54. (In Rus).
5. Tarasov A. *Level of people behind the poverty line in Kitay* [Electronic resource]. VisaSam. Ru. 29.06.2022. URL: <https://visasam.ru/emigration/asia/bednost-v-kitae.html> (accessed: 26.07.2022). (In Rus).
6. *Chinese Approach to the Eradication of Poverty: Taking Targeted Measures to Lift People out of Poverty* [Electronic resource]. A Speech at the Expert Panel on the Implementation of the Third UN Decade for the Eradication of Poverty (2018–2027). Addis Ababa, April 18, 2018. URL: <https://www.un.org/development/desa/dspd/wp-content/uploads/sites/22/2018/05/15.pdf> (accessed: 27.01.2021).

7. He Guangwen. Mechanism of Rural Mutual Assistance and Cooperation and Explanation of Its Effectiveness. *Financial Theory and Practice*. 2007. No. 4. P. 3–8. (In Chinese)
8. Ju Ronghua, Liu Yunli. Status Quo and Response measures for the development of rural mutual aid organizations in China. *Finance*. 2014. Vol. 2. P. 39–46. (In Chinese)
9. Sun Liming. *Research on the development of a new type of cooperative organization of rural mutual investment funds*. Master's thesis. Jilin University, 2006. 47 p. (In Chinese)
10. *Technical report by the Bureau of the United Nations Statistical Commission (UNSC) on the process of the development of an indicator framework for the goals and targets of the post-2015 development agenda* [Electronic resource]. Sustainable Development Knowledge Platform. United Nations (19 March 2015). URL: [https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/6754Technical%20report%20of%20the%20UNSC%20Bureau%20\(final\).pdf](https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/6754Technical%20report%20of%20the%20UNSC%20Bureau%20(final).pdf) (accessed: 26.05.2021).

About the authors:

Inna S. Orlova, Associate Professor of Department of Social Technologies of Northwestern Institute of Management of RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Science (Pedagogy), Associate Professor;
oca-oca@mail.ru

Galina M. Tsinchenko, Associate Professor of Department of Social Technologies of Northwestern Institute of Management of RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Science (Sociology), Associate Professor;
galina_ts55@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2444-6798>

Публичные, международно-правовые и экономические аспекты создания системы исследования коррупции в государствах — членах ЕАЭС

Мишальченко Ю. В.^{1,*}, Зороян С. Г.², Довбуш Т. Н.³

¹ Экономический Суд СНГ, Москва, Российская Федерация

* e-mail: myv2008@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4242-2274>

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3644-2436>

³ Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Санкт-Петербург, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8676-1107>

РЕФЕРАТ

В статье рассмотрены новые подходы к созданию системы исследования коррупции. Авторами указывается на то, что современные экономические и правовые методики по расчету индексов коррупции или не учитывают все коррупционные проявления или сильно подвержены влиянию политических факторов. Авторы обосновывают необходимость применения в рамках ЕАЭС единой методики исследования уровня коррупции.

Цель. Предложить на уровне ЕАЭС применение комплексной экономико-правовой методики исследования уровня коррупции, которая предполагает, наряду с традиционными методами, активное использование системы искусственного интеллекта — хранения, передачи и обработки больших данных для выявления коррупционных проявлений.

Задачи. Определить правовые и экономические основы исследования уровня коррупции в Российской Федерации и в странах ЕАЭС, а также выявить правовые проблемы, препятствующие созданию единых стандартов по исследованию коррупции в странах ЕАЭС.

Методология. В настоящем исследовании были использованы методы сравнительного правоведения, методы анализа и синтеза, а также методы дедукции и индукции.

Результаты. В ходе исследования авторы приходят к выводу о существовании ряда проблемных экономических и правовых аспектов как на национальном уровне, так и на международном уровне в сфере исследования коррупции. Данные проблемы выражаются в отсутствии единых национальных и международных стандартов, позволяющих беспристрастно оценить уровень коррупции в странах ЕАЭС.

Выводы. В результате анализа выявленных проблем авторами предлагаются пути их решения посредством создания единых информационных экономико-правовых систем в сфере исследования коррупции в рамках ЕАЭС.

Ключевые слова: индекс восприятия коррупции, антикоррупционная политика, международное право, публичное право, международные стандарты, противодействие коррупции, ЕАЭС

Для цитирования: Мишальченко Ю. В., Зороян С. Г., Довбуш Т. Н. Публичные, международно-правовые и экономические аспекты создания системы исследования коррупции в государствах — членах ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 3. С. 75–83.

Public, International Legal and Economic Aspects of Creating a System for Studying Corruption in the EAEU Member States

Yuri V. Mishalchenko^{a,*}, Suren G. Zoroyan^b, Timofey N. Dovbush^c

^a The CIS Economic Court, Moscow, Russian Federation

* e-mail: myv2008@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4242-2274>

^b Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Nord-West Institute of Management of RANEPa), Saint Petersburg, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3644-2436>

^c St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Saint Petersburg, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8676-1107>

ABSTRACT

The article considers new approaches to the creation of a corruption research system. The authors point out that modern economic and legal methods for calculating corruption indices either do not take into account all manifestations of corruption or are highly influenced by political factors. The authors substantiate the need to apply a unified methodology for studying the level of corruption within the framework of the EAEU.

Aim. Propose at the EAEU level the use of a comprehensive economic and legal methodology for studying the level of corruption, which, along with traditional methods, involves the active use of an artificial intelligence system — storage, transmission and processing of big data to detect corruption manifestations.

Tasks. Determine the legal and economic foundations for studying the level of corruption in the Russian Federation and in the EAEU countries, as well as identify legal problems that impede the creation of uniform standards for studying corruption in the EAEU countries.

Methods. In this study, methods of comparative law, methods of analysis and synthesis, as well as methods of deduction and induction were used.

Results. In the course of the study, the authors come to the conclusion that there are a number of problematic economic and legal aspects both at the national level and at the international level in the field of corruption research. These problems are expressed in the absence of unified national and international standards that allow an impartial assessment of the level of corruption in the EAEU countries.

Conclusion. As a result of the analysis of the identified problems, the authors propose ways to solve them through the creation of unified information economic and legal systems in the field of corruption research within the framework of the EAEU.

Keywords: corruption perception index, anti-corruption policy, international law, public law, international standards, anti-corruption, EAEU

For citing: Mishalchenko Yu. V., Zoroyan S. G., Dovbush T. N. Public, International Legal and Economic Aspects of Creating a System for Studying Corruption in the EAEU Member States // Eurasian integration: economics, law, politics. 2022. Vol. 16. No. 3. P. 75–83.

Введение

В условиях современного политического противостояния с Западом особую важность приобретает создание национальной системы измерения и оценки коррупции. Показатели популярных международных рейтингов, в том числе в юридической сфере, введенные в научный оборот в России еще в 1990-е гг. в качестве основных источников данных для сравнительных исследований, вызывают серьезные сомнения.

Одним из таких рейтингов является Индекс восприятия коррупции (Corruption Perceptions Index, CPI), который составляется международной неправительственной организацией Transparency International [7, с. 188].

По последним опубликованным данным за 2021 г., Российская Федерация находится в Индексе восприятия коррупции на 136-м месте из 180. Выше России оказались такие страны, как Замбия (117), Папуа Новая Гвинея (124), Азербайджан (128) и др. Россия занимает в указанном индексе ту же позицию, что и Ангола, Мали, Либерия¹. Для обоснования некорректности данного индекса в качестве справочной информации укажем, что разделяющая одну строчку с Российской Федерацией Либерия (136) является самой бедной страной в Западной Африке и одной из самых бедных стран в мире. Уровень безработицы в ней после 14-летней гражданской войны составляет 85% трудоспособного населения. ВВП ППС страны составляет \$7,34 млрд (163-е место в мире на 2019 г.); ВВП номинал — \$3,18 млрд (156-е место в мире на 2019 г.); государственный бюджет — \$570 млн, средняя заработная плата — \$50². Очевидно, что нахождение в индексе на одной позиции Российской Федерации и Либерии, несопоставимых между собой по экономическим показателям, политическому развитию, особенностям географии, менталитета, не может не вызывать вопросов к методике проведения соответствующих исследований. При этом на показатели указанного рейтинга обращают внимание как государственные, так и международные структуры, бизнес-сообщество, общественные организации, политики и т. д.

На сайте этой организации отмечается, что рейтинг каждой страны составлен на основе данных, предоставляемых тринадцатью различными организациями, включая Азиатский и Африканский банк развития, Всемирный банк, Всемирный экономический форум, Фонд Bertelsmann, FreedomHouse, IHS GlobalInsight и др.³

В отечественной научной литературе данные Индекса восприятия коррупции оцениваются по-разному. Так, в одних работах он не подвергается сомнению, берется за основу для корреляции с другими индексами (показателями), такими как: ВВП и уровень инвестиций [8, с. 291]; индекс человеческого развития [10, с. 368]; индекс инноваций [12, с. 58] и т. д., в том числе применительно к России. Отмечается при этом, что данный индекс является достоверным только для «высокоразвитых правовых государств» [1, с. 75; 11, с. 51]. В других работах ставится вопрос об объективности международных коррупционных рейтингов, подчеркивается их политизированность, указывается, что они выступают инструментом политического давления, манипуляции результатами исследований в экономических и информационных войнах [4, с. 326; 9, с. 23]. В связи с этим возникает вопрос об объективности методики, положенной в основу расчета Индекса восприятия коррупции.

Проблематика исследования коррупции

В последнее время вопросам исследования уровня коррупции уделяется большое внимание. Постановлением Правительства Российской Федерации от 25.05.2019 № 662 утверждена «Методика проведения социологических исследований в целях оценки уровня коррупции в субъектах Российской Федерации»⁴. Она направлена на методическое обеспечение проводимых в субъектах РФ социологических исследований в целях оценки уровня, структуры и специфики коррупции в субъекте РФ, а также на повышение эффективности принимаемых антикоррупционных мер. В п. 27 Национального плана противодействия коррупции на 2021–2024 гг., утвержденного Указом Президента РФ № 478 от 16.06.2021, руководителям высших исполнительных органов государственной власти субъектов РФ рекомендует-

¹ Corruption Perceptions Index [Электронный ресурс] // Трансперенси Интернешнл-Р. URL: <https://transparency.org.ru/research/indekse-vospriyatiya-korruptsii/rossiya-v-indekse-vospriyatiya-korruptcii-2021-29-ballo-v-i-136-e-mesto> (дата обращения: 27.05.2022).

² Экономика Либерии глазами трейдеров [Электронный ресурс] // Masterforex-V. URL: <https://www.masterforex-v.org/wiki/economy-liberia.html> (дата обращения: 20.05.2022).

³ Индекс восприятия коррупции за 2021 г.: Полное описание источников [Электронный ресурс]. URL: https://transparency.org.ru/wp-content/uploads/2022/01/cpi2021_sourcedescription_ru.pdf (дата обращения: 21.05.2022).

⁴ Постановление Правительства Российской Федерации от 25.05.2019 № 662 «Об утверждении методики проведения социологических исследований в целях оценки уровня коррупции в субъектах Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/72255554/> (дата обращения: 15.04.2022).

ся проводить ежегодные социологические исследования в целях оценки уровня коррупции в субъектах Российской Федерации¹.

При анализе этих документов необходимо, на наш взгляд, иметь в виду следующее. Во-первых, результатами проведенных исследований субъекты отчитываются перед федеральным центром, соответственно, регион (а точнее должностные лица) не заинтересован в позиционировании региона как субъекта с негативными коррупционными показателями. Во-вторых, контракты на выполнение социологических исследований заключаются по результатам соответствующих конкурсных процедур, которые сами, в свою очередь, не всегда свободны от коррупционных факторов. В-третьих, утвержденная в 2019 г. методика имеет существенные недостатки, поскольку направлена на исследование узкого круга проблем, в частности бытовой коррупции [5, с. 59].

Следует подчеркнуть, что социологические исследования оценивают не фактическое состояние коррупции, а субъективную оценку общества, власти, бизнеса по этому вопросу. Очевидно, что оценка уровня коррупции только на основе методов социологических опросов, а также анализа статистических данных о коррупционной преступности (предоставляемых правоохранительными органами) не будет объективной.

В Российской Федерации отсутствует единая национальная система измерения (количественный показатель) и оценки коррупции (качественный показатель) уровня коррупции, в связи с чем разработка и продвижение отечественной системы исследования коррупции является важной научной задачей.

Разработка новых подходов к исследованию уровня коррупции предполагает исследование коррупции на разных уровнях во всех сферах общественной жизни. Это дает возможность выявить коррупционные сферы и институты, а также определить факторы, детерминирующие коррупцию. В практической плоскости это позволяет выработать меры по противодействию коррупционным проявлениям. При этом следует отметить сложность оценки такого сложного комплексного явления, как коррупция, в силу его глубоко латентного характера.

Система исследования уровня коррупции, по нашему мнению, должна быть выстроена по вертикали на трех уровнях: на уровне стран с историко-правовым опытом, близким к Российской Федерации (например, в рамках ЕАЭС, СНГ); на общероссийском уровне и на уровне субъектов Российской Федерации, а также по горизонтали — по ветвям власти (законодательная, исполнительная, судебная). Базовыми принципами системы исследования уровня коррупции должны стать: деполитизация, научность, объективность, системность, прозрачность и доступность для общественности. Исследование уровня коррупции следует рассматривать как инструмент государственного управления в сфере противодействия коррупции, позволяющий определить реальное состояние коррупции, а также эффективность антикоррупционных мероприятий.

Отсутствие национальной системы измерения и оценки коррупции в Российской Федерации не позволяет создать единый стандарт измерения и оценки коррупции в рамках ЕАЭС. Так, в частности, тот же Казахстан в Национальном плане о противодействии коррупции за 2021 г. ориентирован именно на оценки Transparency International².

Помимо этого, в Казахстане на основе опыта Южной Кореи разработана система оценки уровня коррупции в государственных органах. Предусмотрено пять компонентов оценки: организационное управление (открытость государственного органа, прозрачность конкурсных процедур, своевременная ротация персонала, применение информационных технологий, нарушение бюджетного и иного законодательства по итогам проверок программ развития органами государственного аудита и финансового контроля); государственные служащие, привлеченные к ответственности за коррупционные правонарушения (количество госслужащих, осужденных за коррупцию, привлеченных к административной и дисциплинарной

¹ Указ Президента РФ от 16 августа 2021 г. № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы» [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/402619978/> (дата обращения: 25.04.2022).

² Национальный доклад по противодействию коррупции за 2021 год [Электронный ресурс] // Агентство Республики Казахстан по противодействию коррупции. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/anticorruption/documents/details/283483?lang=ru> (дата обращения: 14.04.2022).

ответственности); коррупционные преступления; повторность рассмотрения обращений граждан; социологическое исследование. Соответственно, на основе указанной системы определена шкала министерств и акиматов от эффективных до неэффективных.

Изучение правовой ситуации по вопросу исследования коррупции в других странах ЕАЭС показывает, что либо данному аспекту вообще не уделяется необходимого внимания (например, Киргизия), либо исследования коррупции основаны на данных государственной статистики и социологических опросах (например, Беларусь).

Использование современных цифровых технологий в исследовании коррупции

На методах исследования уровня коррупции следует остановиться подробнее, так как коррупционные преступления, по оценкам криминологов, обладают наивысшей латентностью среди прочих преступлений (соотношение количества зарегистрированных преступлений к числу реально совершенных). Общие оценки соотношения учтенных и латентных деяний коррупционной направленности доходят до 1:2000 [6, с. 53]. При таком соотношении официальные статистические данные могут только частично отражать видимую часть работы правоохранительных органов и совершенно не отражают оценку уровня коррупции.

Оценить даже приблизительно уровень латентности коррупционной преступности имеющимися методами невозможно, а социологические исследования и экспертные мнения не дают целостной картины. Соответственно, актуальной является задача выявления и оценки неучтенной коррупции, без которой результаты любых индексов / рейтингов будут носить умозрительный характер.

Система исследования уровня коррупции как сложного многофакторного социального явления предполагает использование комплекса научных методов: социологических (социологическое наблюдение, социальный эксперимент, социологические опросы и т. д.); метода статистического анализа, метода экспертных оценок (экспертный опрос), контент-анализа, документального метода (анализ уголовных, административных дел, практики привлечения государственных / муниципальных служащих к дисциплинарной и гражданско-правовой ответственности за коррупционные правонарушения).

Цифровая среда создает новую реальность, в которой многие процессы становятся прозрачнее. Это дает возможность активнее использовать современные информационные технологии (хранения, передачи и обработки больших данных) в целях накопления и анализа информации о возможных криминальных коррупционных явлениях. В дополнение к традиционным методам исследования коррупции приходят современные информационные технологии.

Широкое применение новых информационных технологий хранения, передачи и обработки данных приведет к качественным изменениям в подходах к исследованию коррупции, позволит выявлять признаки коррупционных отношений из большого массива данных, сделав прозрачной всю систему государственного и муниципального управления.

Особый интерес представляют технологии обработки больших объемов данных (BigData) и технологии интеллектуального анализа данных (DataMining). Зарубежный опыт свидетельствует о том, что указанные технологии уже активно используются при исследовании коррупции [2, с. 567].

Например, в Китае — одной из стран-лидеров в сфере искусственного интеллекта внедрен антикоррупционный пилотный вариант ИИ-системы Zelo Trust, совместной разработки китайской Академии наук и специалистов контрольно-ревизионного управления Компартии Китая. Применение этой системы дает доступ к большому количеству баз данных и позволяет проводить мониторинг социальной жизни чиновников, выявлять подозрительные транзакции, сопоставлять их с информацией о доходах и расходах чиновников. Несмотря на то, что использование системы в настоящее время ограничено, очевидно, что при необходимости и решении ряда юридических вопросов, связанных с использованием и защитой персональных данных, внедрение подобных систем интеллектуального анализа данных имеет большие перспективы в исследовании коррупции и особенно в выявлении ее латентных проявлений.

В других странах также идут активные разработки в этой сфере. Так, в Великобритании применяется автоматизированная система Ravn ACE для отслеживания транзакций по счетам, анализа деклараций

должностных лиц и проверки иных документов. В США активно развивается компания Palantir Technologies, специализирующаяся на анализе больших данных и предоставляющая соответствующие данные спецслужбам, полиции, военным. Имеются схожие проекты в Испании, Франции, Южной Кореи, Индонезии и других странах. Как считают китайские специалисты, в будущем 90% антикоррупционной работы будет составлять интеллектуальный анализ больших данных [3, с. 818].

Назрела необходимость создания единой общероссийской информационной базы данных, куда вносились бы сведения обо всех решениях и действиях, признанных незаконными и отмененными в судебном либо административном порядке, с обязательным внесением информации о конкретных персоналиях (чиновниках), ответственных / принявших соответствующие решения. Информационная база данных должна включать сведения обо всех крупных банковских транзакциях чиновников и членов их семей, приобретении чиновниками либо членами их семей дорогостоящего имущества, об оплате проживания в отелях, посещении ресторанов, поездках за границу, оплате пользования имуществом третьих лиц (недвижимостью, автотранспортом, водным транспортом и т. д.), приобретении т. н. «золотых виз» в зарубежных странах, а также результаты журналистских расследований, мониторинга социальных сетей и т. д. Наложение соответствующей информации на конкретные персоналии чиновников будет являться индикатором возможных латентных коррупционных проявлений. Из фрагментарных данных, содержащихся в огромном множестве источников, новый инструмент посредством интеллектуального анализа огромного массива информации в автоматизированном режиме позволит получить общую картину коррупционной деятельности. Это даст возможность объективной оценки уровня коррупции, лишенной недостатков используемых в настоящее время методов исследования. Разумеется, создание подобной информационной базы данных, хранение, передача и обработка соответствующей информации потребует внесения изменений в действующее законодательство.

Использованию информационных технологий для противодействия коррупционным проявлениям уделяется повышенное внимание в последнее время также в России. Так, в частности, 25.04.2022 был подписан Указ Президента Российской Федерации № 232 «О государственной информационной системе в области противодействия коррупции “Посейдон”»¹. Указом предусмотрено, что координатором системы ГИС «Посейдон» будет Администрация Президента Российской Федерации, оператором системы названа Федеральная служба охраны Российской Федерации. Предусмотрено информационное взаимодействие ГИС «Посейдон» с другими информационными системами, сведения из которых могут быть использованы в целях противодействия коррупции. Предполагается, что данная система, используя технологии искусственного интеллекта, будет анализировать большие объемы информации из официальных источников, социальных сетей, внутренних ведомственных документов, банковскую информацию и выявлять несоответствия между заявленными доходами государственного служащего и его расходами.

Несомненным плюсом данной системы будет то, что она позволит охватить не только сферы, связанные с государственным управлением, но и многие процессы, проходящие в частных секторах экономики.

Опыт работы России в ГРЕКО

Заметим, что с 1 февраля 2007 г. Россия присоединилась к образованной Советом Европы в 1999 г. Группе государств по борьбе с коррупцией (далее — ГРЕКО). К концу 2019 г. Россия прошла четыре раунда оценки выполнения рекомендаций ГРЕКО, выполнив целый ряд требований со стороны данной организации.

В частности, по итогам четвертого раунда оценки ГРЕКО рекомендовала России повысить уровень прозрачности законодательного процесса, разработать и принять парламентский кодекс этики и практическое руководство по противодействию коррупции. При этом, по мнению данной организации,

¹ Указ Президента РФ от 25 апреля 2022 г. № 232 «О государственной информационной системе в области противодействия коррупции “Посейдон” и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/404536076/> (дата обращения: 25.04.2022).

Российской Федерацией за последние годы создана эффективная система по противодействию коррупции, и основные нарекания со стороны данной международной организации вызывали вопросы, связанные с недостаточной открытостью публичной информации.

Вместе с тем в соответствии с Резолюцией CM/Res (2022)3 о правовых и финансовых последствиях прекращения членства Российской Федерации в Совете Европы (Принята Комитетом министров 23 марта 2022 г. на совещании заместителей министров 1429-бис) Российская Федерация перестает быть членом расширенного соглашения о Группе государств по борьбе с коррупцией (ГРЕКО), за исключением случаев, когда ГРЕКО осуществляет свои функции в соответствии с Конвенцией об уголовной ответственности за коррупцию (ETS № 173) в отношении Российской Федерации. При этом Российская Федерация может принимать ограниченное участие в пленарных заседаниях ГРЕКО при рассмотрении отчетов о соблюдении Россией рекомендаций и предоставления информации, что делает данный формат сотрудничества недопустимым для Российской Федерации и в очередной раз показывает политизированность принимаемых рядом международных организаций решений.

Тем не менее, несмотря на сокращение присутствия Российской Федерации на важных международных мероприятиях, считаем, опыт работы России в ГРЕКО полезным, а рекомендации, особенно в части публичности и открытости информации в отношении чиновников, нуждающимися в дальнейшей реализации.

ГИС «Посейдон», интегрированная с другими информационными системами, в перспективе призвана создать прозрачную антикоррупционную информационную среду, что позволит значительно продвинуться в вопросе исследования уровня коррупции. При этом отечественные информационные разработки по противодействию коррупции следует активно продвигать в странах ЕАЭС и СНГ, которые пока аналогичных систем не имеют, — Республике Армении, Республике Беларусь, Республике Киргизии, Республике Таджикистан.

Заключение

В заключение следует отметить, что исследование уровня коррупции — важнейшая составляющая антикоррупционной политики. Представляется, что системное использование возможностей искусственного интеллекта для исследования уровня коррупции посредством беспристрастного интеллектуального анализа большого объема данных позволит выявить признаки коррупционных проявлений. Современные технологические возможности позволяют на постоянной основе эффективно и прозрачно осуществлять мониторинг финансового поведения государственных и муниципальных служащих, в том числе бывших. Новая цифровая реальность на принципиально ином технологическом уровне позволит решить вопрос измерения и оценки коррупции.

В целях углубления интеграционных процессов в рамках ЕАЭС представляется необходимым создание единой унифицированной системы исследования коррупции. Данная информационная система должна обеспечить единое антикоррупционное пространство в государствах — членах ЕАЭС и эффективное противодействие коррупционным проявлениям в данном интеграционном объединении, что обеспечит стабильное развитие экономического потенциала стран-участниц и повышение уровня жизни населения в указанных государствах. В этой связи считаем целесообразным принятие Евразийской экономической комиссией акта рекомендательного характера, предлагающего внедрение на национальном уровне каждого государства единой системы исследования коррупции. Указанный правовой акт будет способствовать развитию национальной законодательной базы в странах ЕАЭС и со временем приведет к переходу на единый стандарт оценки уровня коррупции в указанных государствах.

Литература

1. Биттуева Э. А. Измерение уровней коррупции. Индекс восприятия коррупции // Инновации. Наука. Образование. 2020. № 14. С. 73–88.
2. Габдрахманова Н. Т., Курылев К. П., Химич Д. А. Вопросы нейросетевой модели международных индексов коррупции и хрупкости государств // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 3 (60). С. 563–573.

3. Жун Ху. Обеспечение основных прав в борьбе с коррупцией с применением больших данных в КНР: основные законы, риски и пути // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14. № 14. С. 814–826.
4. Костенко А. Ю. Индекс восприятия коррупции как средство влияния на социально-экономическую ситуацию в России // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2019. Т. 1. № 8. С. 324–328.
5. Красникова Е. В. К вопросу об оценках масштабов коррупции в современной России // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. М., 2020. № 4 (30). С. 56–60.
6. Максимов С. В. Коррупция и новая антикоррупционная политика России. М. : ЮрИнфоР, 2014. 222 с.
7. Никодимов И. Ю. Методы оценки коррупции и эффективность функционирования государства // Правовое поле современной экономики. 2016. № 1. С. 186–198.
8. Прасолов В. И., Минкина Д. А. Анализ зависимости индекса восприятия коррупции от ВВП и уровня инвестиций в России // Современный ученый. 2019. № 5. С. 289–292.
9. Руденкин В. Н. Проблема измерения коррупции: возможны ли объективные международные коррупционные рейтинги? // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2017. № 2 (39). С. 22–31.
10. Салмин А. Г. Индексы коррупции и их взаимосвязь с индексом человеческого развития // Инновации. Наука. Образование. 2020. № 17. С. 364–372.
11. Серебренникова А. В., Лебедев М. В. Индекс восприятия коррупции: понятие и оценка его влияния // Colloquium-journal, 2020. № 12–8 (64). С. 52–57.
12. Филиппов Д. А. Влияние коррупции на развитие инновационной деятельности: сопоставление индекса восприятия коррупции и индекса инноваций // Плехановский барометр. 2020. № 2. С. 56–59.

Об авторах:

Мишальченко Юрий Владимирович, генеральный советник Экономического Суда СНГ, профессор кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор; myv2008@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4242-2274>

Зороян Сурен Георгиевич, начальник отдела исследовательских проектов Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат юридических наук; zoroyan-sg@ranepa.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3644-2436>

Довбуш Тимофей Николаевич, доцент кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат юридических наук; superadvocat812@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8676-1107>

References

1. Bittueva E. A. Measuring levels of corruption. Corruption perception index. *Innovations. The science. Education* [Innovatsii. Nauka. Obrazovanie]. 2020. No. 14. P. 73–88. (In Rus.)
2. Gabdrakhmanova N. T., Kurylev K. P., Khimich D. A. Questions of the neural network model of international indices of corruption and fragility of states. *Questions of national and federal relations* [Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnoshenii]. 2020. Vol. 10. No. 3 (60). P. 563–573. (In Rus.)
3. Rong Hu. Ensuring fundamental rights in the fight against corruption using big data in the PRC: Basic laws, risks and ways. *Actual problems of economics and law* [Aktual'nye problemy ekonomiki i prava]. 2020. Vol. 14. No. 14. P. 814–826. (In Rus.)

4. Kostenko A. Yu. Corruption perception index as a means of influencing the socio-economic situation in Russia. *Social integration and development of ethnic cultures in the Eurasian space*. [Sotsial'naya integratsiya i razvitie etnokul'tur v evraziiskom prostranstve]. 2019. Vol. 1. No. 8. P. 324–328. (In Rus.)
5. Krasnikova E. V. On the issue of assessing the scale of corruption in modern Russia. *Investigation of crimes: problems and ways to solve them* [Rassledovanie prestuplenii: problemy i puti ikh resheniya]. Moscow, 2020. No. 4 (30). P. 56–60. (In Rus.)
6. Maksimov S. V. *Corruption and the new anti-corruption policy of Russia*. Moscow : YurInfoR, 2014. 222 p. (In Rus.)
7. Nikodimov I. Yu. Methods for assessing corruption and the effectiveness of the functioning of the state. *Legal field of the modern economy* [Pravovoe pole sovremennoi ekonomiki]. 2016. No. 1. P. 186–198. (In Rus.)
8. Prasolov V. I., Minkina D. A. Analysis of Corruption Perception Index Dependence on GDP and Level of Investments in Russia. *Modern Scientist* [Sovremennyi uchenyi]. 2019. No. 5. P. 289–292. (In Rus.)
9. Rudenkin V. N. The Problem of Measuring Corruption: Are Objective International Corruption Ratings Possible? *Bulletin of the Ural Institute of Economics, Management and Law* [Vestnik Ural'skogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava]. 2017. No. 2 (39). P. 22–31. (In Rus.)
10. Salmin A. G. Indices of corruption and their relationship with the human development index. *Innovations. The science. Education* [Innovatsii. Nauka. Obrazovanie]. 2020. No. 17. P. 364–372. (In Rus.)
11. Serebrennikova A. V., Lebedev M. V. Corruption perception index: concept and assessment of its impact. *Colloquium-journal*. 2020. No. 12–8 (64). P. 52–57. (In Rus.)
12. Filippov D. A. Influence of corruption on the development of innovation activity: comparison of the corruption perception index and the innovation index. *Plekhanov barometer* [Plekhanovskii barometr]. 2020. No. 2. P. 56–59. (In Rus.)

About the authors:

Yuri V. Mishalchenko, General Adviser of the Economic Court of the CIS, Professor of the Department of Constitutional and International Law of the St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia) (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Jurisprudence), Doctor of Science (Economy), Professor;
myv2008@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4242-2274>

Suren G. Zoroyan, Head of Research Projects Department of the North-Western Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Jurisprudence;
zoroyan-sg@ranepa.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3644-2436>

Timofey N. Dovbush, Associate Professor of the Department of Constitutional and International Law of the St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia) (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Jurisprudence;
superadvocat812@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8676-1107>

Особенности международно-правового регулирования внешнеторговых контрактов

Кириленко В. П.¹, Мишальченко Ю. В.^{2,*}, Васильева Е. В.³

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления), Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4445-1682>

² Экономический Суд СНГ, Москва, Российская Федерация

* e-mail: myv2008@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4242-2274>

³ ООО «ТРЕЙДКОН», Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

В статье проводится исследование по определению механизма эффективного правового регулирования содержания внешнеторговых контрактов при установлении взаимовыгодных связей между участниками во внешнеэкономической сделке, являющихся субъектами права разных государств по видам экономической деятельности в соответствии и в порядке согласования сторонами условий на основании действующих норм национального и международного права и законодательства стран, регулирующих данные правоотношения во внешнеэкономической деятельности.

Цель. Предложить наиболее оптимальные направления совершенствования правового регулирования содержания внешнеторговых контрактов в системе международной интеграции.

Задачи. Определить правовые основы регулирования внешнеторговых контрактов в современных интеграционных процессах; исследовать правовые аспекты, специфику и порядок заключения внешнеторговых контрактов, а также определить правовые проблемы, препятствующие развитию данных правоотношений.

Методология. В настоящем исследовании были использованы методы сравнительного правоведения, методы анализа и синтеза, а также методы дедукции и индукции.

Результаты. В ходе исследования авторы приходят к выводу о существовании некоторых проблемных аспектов как национального, так и международного регулирования в сфере внешнеторговых контрактов. Данные проблемы выражаются в отсутствии единой правовой регламентации заключения и исполнения внешнеторговых контрактов, наличии специфических требований к содержанию контракта в разных странах, а как следствие, появлению коллизий на стадии согласования текста контракта партнерами из разных стран, а также в отсутствии единого правового механизма, обеспечивающего справедливое разрешение споров между сторонами контракта.

Выводы. В результате анализа актуальных проблем, связанных с отсутствием необходимого комплексного правового регулирования содержания внешнеторговых контрактов, авторами предлагаются оптимальные пути их решения путем гармонизации законодательства на международном уровне с целью гуманного и справедливого сближения законодательств государств и установления сопоставимого нормативного правового регулирования в отношении правового регулирования содержания, заключения и исполнения внешнеторгового контракта.

Ключевые слова: международное право, мировая экономика, ЕАЭС, внешнеторговый контракт, международная интеграция, международная коммерческая сделка, внешнеэкономическая деятельность, унификация права

Для цитирования: Кириленко В. П., Мишальченко Ю. В., Васильева Е. В. Особенности международно-правового регулирования внешнеторговых контрактов // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. № 3. С. 84–94.

Features of International Legal Regulation of Foreign Trade Contracts

Viktor P. Kirilenko^a, Yuri V. Mishalchenko^{b,*}, Ekaterina V. Vasileva^c

^a Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Nord-West Institute of Management of RANEPA), Saint Petersburg, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4445-1682>

^b The Court of the CIS, Moscow, Russian Federation

* e-mail: myv2008@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4242-2274>

^c LLC "TRADECON", Saint Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

The article conducts a study to determine the mechanism of effective legal regulation of the content of foreign trade contracts when establishing mutually beneficial relations between participants in a foreign economic transaction who are subjects of law of different states by type of economic activity in accordance with and in accordance with the terms agreed by the parties on the basis of the applicable norms of national and international law and the legislation of the countries regulating these legal relations in foreign economic activity.

Aim. To propose the most optimal directions for improving the legal regulation of the content of foreign trade contracts in the system of international integration.

Tasks. To determine the legal basis for regulating foreign trade contracts in modern integration processes; to investigate the legal aspects, specifics and procedure for concluding foreign trade contracts, as well as to identify legal problems that hinder the development of these legal relations.

Methods. In this research we used methods of comparative law, methods of analysis and synthesis, as well as methods of deduction and induction.

Results. In the course of the study, the authors come to the conclusion that there are some problematic aspects of both national and international regulation in the field of foreign trade contracts. These problems are expressed in the absence of a single legal regulation for the conclusion and execution of foreign trade contracts, the presence of specific requirements for the content of the contract in different countries, and as a result, the appearance of conflicts at the stage of agreement of the text of the contract by partners from different countries, as well as in the absence of a single legal mechanism ensuring fair resolution of disputes between the parties to the contract.

Conclusion. As a result of the analysis of the actual problems associated with the lack of the necessary comprehensive legal regulation of the content of foreign trade contracts, the authors propose optimal ways to solve them by harmonizing legislation at the international level in order to humanely and fairly bring together the legislations of states and establish comparable regulatory legal regulation in relation to the legal regulation of the content, conclusion and execution of a foreign trade contract.

Keywords: International law, world economy, EAEU, foreign trade contract, international integration, international commercial transaction, foreign economic activity, unification of law

For citing: Kirilenko V. P., Mishalchenko Yu. V., Vasileva E. V. Features of International Legal Regulation of Foreign Trade Contracts // Eurasian integration: economics, law, politics. 2022. No. 3. P. 84–94.

Введение

На современном этапе правовое регулирование внешнеторговых контрактов в процессе экономического взаимодействия разных стран и государств в форме межгосударственных соглашений стремится к достижению целей взаимовыгодного сотрудничества и партнерства на мировых товарных рынках в особой международной правовой системе, регламентирующей взаимоотношения международными организациями и странами, активно участвующими в системе интеграционных процессов, глобализации всемирной экономики. Приоритетной составляющей международных контрактов является установление взаимовыгодных связей между участниками внешнеторговой сделки, осуществляемой лицами с различным правовым статусом, в рамках которой оказываются услуги, приобретаются товары, осуществляется купля-продажа или поставка товара на согласованных участниками сделки условиях на основании реализации норм международного публичного права, национального законодательства стран и иных положений, регулирующих данные правоотношения при осуществлении внешнеэкономической деятельности субъектами мировой экономики.

Влияние международной интеграции на внешнеэкономическую деятельность субъектов мирового хозяйства многоаспектно, так как именно успешная интеграция отражает одинаковую динамику состояния развития и роста показателей экономики интегрирующих стран-государств, способствует принятию различных форм в едином экономическом организме для реализации совместных направлений за счет налаживания контактов, сотрудничества (заключение международных коммерческих контрактов) и взаимодействия стран в условиях открытости национальных экономик.

Без сомнений, сегодня в условиях посткоронавирусного кризиса и по прошествии пандемии-2020 это является стратегическим и моделирующим инструментом, способным улучшить состояние правового и экономического пространства при заключении и исполнении внешнеэкономических сделок на международном уровне.

Влияние процессов глобализации на регулирование внешнеторговых контрактов

В настоящее время все развитые государства мира интегрированы в сферу мировой экономики и международных интеграционных процессов, где сотрудничество и внешнеэкономическая деятельность субъектов предпринимательства на международном уровне определены заключением внешнеэкономических контрактов, имеющих юридическую силу. В условиях глобализации увеличение с каждым годом внешнеэкономических сделок на основании заключенных внешнеторговых контрактов тенденциозно сопровождается возникновением споров, которые в большей или меньшей степени не урегулированы в структуре и самом содержании внешнеторгового контракта при взаимной договоренности его сторон либо несут иную составляющую, вызванную недопониманием, разногласием, разночтением и иными обстоятельствами, приводящими к спору по контракту.

И здесь механизм по обеспечению надлежащего правового регулирования указанных сделок и внешнеторговых контрактов играет одну из ключевых ролей. И, как следствие, проведение комплексного анализа по выявлению проблем в содержании и структуре внешнеторгового контракта, правоприменения и практикоприменения носит актуальное значение в условиях международных интеграционных процессов всех государств мира и приобретает важное значение в рамках и специфике действия международного публичного права, особенно в условиях санкций.

Фактически сейчас международное право обеспечивает применение единых стандартизированных правовых норм в рамках заключенных конвенций и международных соглашений. При этом большое влияние на регулирование внешнеторговых контрактов оказывают правовые акты и санкции региональных объединений (например, Европейского союза), а также рекомендательные международно-правовые акты. Большое влияние на правоотношения, вытекающие из международных коммерческих контрактов, оказывают стандартизированные в рамках международных конвенций принципы проведения отдельных сделок, решения международных арбитражных судов, международно-правовые акты рекомендательного

характера и типовые условия отдельных контрактов, принимаемых Международной торговой палатой. И, как следствие, названные правовые источники на международном уровне прямо влияют на участников внешнеторговой сделки, фактически определяя применимое к их сделке право [6, с. 1–2]. При этом основу международного частноправового регулирования составляют стандартизированные материально-правовые нормы или коллизионные нормы, имеющиеся в различных международных соглашениях. Сказанное отражено в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» [7].

Нормы международного и национального права, влияющие на регулирование международных контрактов

Важно отметить, что фактически все суверенные государства на уровне своего национального законодательства устанавливают порядок заключения и исполнения договоров с иностранным элементом. В ряде государств уже достаточно давно приняты специальные нормативно-правовые акты в сфере международного частноправового регулирования. В частности, указанные правовые акты приняты в Австрии (1978 г.), Великобритании (1995 г.), Венгрии (1979 г.), Польше (1965 г.), Румынии (1992 г.). Нередко нормы международного частного права содержатся в специальных главах гражданских или торговых кодексов или в законах, регулирующих вступление в силу названных кодификационных актов. В качестве примера укажем на Бразилию, где указанные правовые акты действуют с 1942 г., или Португалию, где данные правоотношения урегулированы с 1966 г., и ряд иных стран. В Российской Федерации VI раздел Гражданского кодекса регламентирует внешнеторговую деятельность, в том числе требования к форме договора и подлежащему применению праву. Мы видим, что, как правило, во всех данных правовых источниках урегулированы правила о коллизиях правовых норм и конфликте юрисдикций¹. При этом стоит отметить, что возможно применение иных норм национального законодательства при условии, что отсутствует соответствующее международное регулирование. Полагаем необходимым перечислить важнейшие международные соглашения, которые оказывают решающее воздействие на регулирование частных торговых отношений: Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г.²; Нью-Йоркская конвенция об исковой давности в международной купле-продаже товаров 1974 г.³; Женевская конвенция о представительстве при международной купле-продаже товаров 1983 г.⁴; Гагская конвенция о праве, применимом к международной купле-продаже товаров 1986 г.⁵; Римская конвенция о праве, применимом к договорным обязательствам 1980 г. (в рамках ЕС)⁶.

Важнейшим документом в исследуемой области являются международные торговые термины (Инкотермс)⁷, разрабатываемые Международной торговой палатой. Инкотермс по своей правовой природе и назначению является документом, который содержит базисные условия поставок товаров, применяемые в международной торговле, и, соответственно, является одним из главных источников правового регулирования внешнеэкономических контрактов в условиях международных интеграционных процессов на уровне всех государств мира. Обычно ссылка на Инкотермс в определенной редакции

¹ Смирнов А. Е. Учебно-методическое пособие по курсу «Международное торговое право». Вильнюс : ЕГУ, 2007. 47 с.

² О договорах международной купли-продажи товаров : конвенция Организации Объединенных Наций от 11.04.1980 [Электронный ресурс] // КонтурНорматив. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=1035> (дата обращения: 15.07.2022).

³ Конвенция ООН об исковой давности в международной купле-продаже товаров (Нью-Йорк, 14.07.1974) (с поправками от 11.04.1980) [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902904> (дата обращения: 15.07.2022).

⁴ Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров (Вена, 11.07.1980) [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант.Ру». URL: <https://base.garant.ru/10104469/> (дата обращения: 15.07.2022).

⁵ Конвенция о праве, применимом к договорам международной купли-продажи (Гаага, 22.12.1986) [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант.Ру». URL: <https://base.garant.ru/135386/> (дата обращения: 15.07.2022).

⁶ Конвенция о праве, применимом к контрактным обязательствам (Рим, 19.07.1980) [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901889343> (дата обращения: 15.07.2022).

⁷ Международные правила толкования торговых терминов. Инкотермс. Новая редакция / предисловие и перевод с англ. Н. Г. Вилковой. М. : Внешнеэкономический центр «Совинтертур», 1992.

включается в текст контракта. На сегодня юридический текст, изъяснения, пояснения и новые дополнения в Инкотермс-2020 остаются единственным всемирным унификационным документом в отношении базисных условий поставки товаров, который широко применяется в международной практике и в части реализации внешнеэкономических контрактов в условиях мировой и международной интеграции, направлен на облегчение согласования сторонами условий международных договоров купли-продажи товаров, использования ими соответствующих, отвечающих их потребностям базисов поставки, способствует более четкому пониманию участниками торговых сделок распределения взаимных обязанностей при поставке товаров.

Правовое регулирование международных контрактов в ЕС

Говоря о методологии регулирования внешнеэкономических договоров, нам необходимо отметить значительную роль конвенции, разработанной в рамках Гаагской конференции по международному частному праву и способствующей ускорению процесса согласования единых принципов по регулированию внешнеэкономических отношений, в том числе в рамках различных экономических интеграционных государственных объединений.

Указанные единые подходы базируются на следующих правовых источниках: Конвенция о праве, применимом к договорным обязательствам, принята в Риме в июне 1980 г.; Гаагская конвенция об автономии воли сторон, о возможности договориться о применимом к договору в целом или только к его части праве, в том числе предусматривающая возможность изменения права договора по договоренности сторон; Регламент (ЕС) N 593/2008 Европейского парламента и Совета от 17 июня 2008 г. о праве, подлежащем применению к договорным обязательствам (Регламент «Рим I»), характеризуется как эволюционный нормативно-правовой акт, вышедший из европейского международного частного права, устанавливающий ряд новых по сравнению с Конвенцией положений, отражающих современные требования международного экономического сотрудничества; в ходе конференции по международному частному праву, проведенной в Гааге в 2015 г., был принят новый документ, в котором нашли отражение современные тенденции в области регулирования внешнеэкономического сотрудничества для сторон договора из различных государств, — Гаагские принципы, обеспечивающие возможность выбора применяемого права для коммерческих международных договоров; Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности (1992 г.), и другие.

Стоит констатировать, что приоритетным способом создания равных правовых условий взаимодействия внешнеэкономических партнеров продолжает оставаться принятие унифицированных международных актов, непосредственно регулирующих частноправовые отношения. Мы видим, что в выше рассмотренных международных соглашениях изначально учитывались в основном правовые традиции и фактические экономические отношения, характерные для континентальных стран Западной Европы. Так, универсальным актом, регулирующим отношения в сфере международной купли-продажи товаров, охватывающим широкий круг участников из государств разных регионов и континентов, стала Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров — Венская конвенция, для СССР вступила в действие с 1991 г., тем самым определяя дальнейшие пути развития внешнеторговых отношений в России и влияя на практику заключения внешнеторговых контрактов, которая автоматически создавала проблемное правовое поле в части применения.

Правовая регламентация международных контрактов в СНГ

В рамках Содружества Независимых Государств (далее — СНГ) впервые попытались выработать единые стандарты по регулированию торговых отношений путем подписания в марте 1992 г. Соглашения «Об общих условиях поставок товаров между государствами — участниками Содружества Независимых Государств» (ОУП СНГ). Указанное международное соглашение должно было обеспечить в рамках СНГ сохранение единых стандартов в регулировании хозяйственно-экономической деятельности между

различными организациями. В то же время следует отметить, что данный правовой акт имел ряд недостатков, которые не позволили обеспечить эффективное единообразное регулирование торговых отношений [8, с. 80]. Данный правовой акт изначально противоречил отдельным положениям гражданского законодательства стран-участниц и не мог обеспечить эффективное взаимодействие субъектов права в условиях рыночных отношений. Экономическая действительность требовала принятия международного акта, регламентирующего основные условия торгового взаимодействия между организациями, расположенными в различных странах СНГ. Данное обстоятельство было отмечено в 1994 г. экспертами данных государств при разработке Концепции взаимного правового урегулирования хозяйственных отношений. Но проект данной конвенции так и не был принят по ряду обстоятельств странами — участниками СНГ. Соответственно, при разработке актуального международного правового акта необходимо использовать накопленный передовой опыт регулирования торговых отношений на международной арене, в том числе положения Венской конвенции, и учесть обширный правовой массив, сформированный негосударственными источниками правового регулирования, к которым стоит отнести Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА) и Принципы Европейского договорного права (Европейские принципы) [5, с. 59]. Несмотря на то, что данные правовые акты носят рекомендательный характер, они обеспечивают детальную регламентацию внешнеторговых сделок и признаются многими участниками внешнеэкономических сделок из разных стран [11, с. 9].

Унификация норм, регулирующих действие международных контрактов в ЕАЭС

Иным ярчайшим примером создания интеграционного объединения с целью укрепления экономик государств за счет обеспечения деловой активности и создания сбалансированной торговли выступает Евразийский экономический союз (далее — ЕАЭС). На современном этапе интеграционные процессы в рамках ЕАЭС существенно ускорились, что позволяет существенно расширить границы унифицированного регулирования договорных отношений между юридическими лицами в рамках данного объединения.

Расширение внешнеторгового сотрудничества в рамках ЕАЭС выступает основным триггером, обеспечивающим ускоренные интеграционные процессы в рамках данных государств. Договором об учреждении ЕАЭС¹ обеспечивается создание единого рыночного пространства, позволяющего свободно перемещать различные товары в границах территории данного регионального объединения. Свободное перемещение товаров способствует созданию единого внутреннего рынка товаров в рамках ЕАЭС. Естественно, что наличие указанного свободного внутреннего рынка стимулирует экономические процессы в данных странах и позволяет обеспечивать рост экономик стран-участниц и увеличение объемов товаров и услуг в рассматриваемом объединении [2]. В то же время невозможно обеспечить ускоренную интеграцию без должного правового регулирования торговых отношений. Еще в Декларации о евразийской экономической интеграции, принятой в ноябре 2011 г., говорилось о необходимости создания единой правовой базы для надлежащего правового регулирования единого союзного экономического пространства.

Необходимо создание единого непротиворечивого «союзного права», обеспечивающего надлежащее международно-правовое регулирование торгово-экономической деятельности в рамках ЕАЭС [3, с. 21–24]. С нашей точки зрения, наиболее эффективным будет принятие специализированного международно-правового акта прямого действия, непосредственно регламентирующего внешнеторговую деятельность в рамках ЕАЭС. Полагаем, что наличие указанного нормативного акта позитивно отразится на торговом взаимодействии в странах ЕАЭС.

В целом сейчас для многих компаний вопрос расширения границ и ведения бизнеса за рубежом является достаточно актуальным. Очень важно выбрать хорошего поставщика, организовать импортную закупку, правильно составить внешнеторговый контракт, отвечающий требованиям современного ведения бизнеса, организовать логистические потоки, оформить документы, которые подтвердят факт зарубежной поставки. Компании, которые работают на российском и зарубежном рынке, сталкиваются

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе подписан главами стран в Астане 29 мая 2014 г. Вступил в силу с 1 января 2015 г.

с целым рядом проблем, таким как валютное регулирование, правильное таможенное оформление, заключение договоров таким образом, чтобы избежать рисков и потерь, тем самым правильно позиционировать себя в рыночных условиях [9, с. 2–3]. Исследование проблем и практик в аспекте правового регулирования внешнеэкономического контракта является актуальным направлением правовой мысли последних десятилетий. Такая тенденциозность особенно характерна после наступления последствий пандемии и в условиях посткоронавирусного кризиса, когда сменилась парадигма правовой глобализации и экономики, произошел выход на новую ступень развития практически во всех областях жизнедеятельности государства и общества. Именно внешнеторговый контракт позволяет закрепить достигнутые договоренности между сторонами (участниками), позволяет сделать выбор базисных условий поставки, избежать налоговых и иных рисков, обеспечить соблюдение валютного и иного законодательства с учетом согласования существенных условий между сторонами контракта и иных обязательств (базисных условий Инкотермс-2020), Принципов международных коммерческих договоров и иных положений, конвенций, соглашений и т. д. в основных разделах контракта, его структуре и содержании.

Особенности делового оборота и действие международных контрактов

В рамках настоящего исследования представляется важным рассмотреть вопросы заключения и исполнения внешнеторговых контрактов, в том числе в аспекте их содержания. По своей правовой природе и принадлежности любые компании имеют право самостоятельно разрабатывать разделы контракта и согласовывать его с участниками. Структура каждого международного коммерческого контракта особенна и отвечает запросам хозяйствующего субъекта, однако любой юридически выверенный контракт содержит разделы, в которых сформулированы существенные условия договора, в том числе цена и предмет контракта, сроки оплаты и условия поставки, а также порядок приемки товара и выставления рекламаций. Естественно, что, помимо обязательных разделов, в договоре прописываются иные дополнительные условия, к которым можно отнести порядок рассмотрения споров, санкции за нарушение обязательства, условия досрочного расторжения договора [1]. Содержание и структура договора, несомненно, зависит от вида международного контракта. Так, часто стороны учитывают как национальные особенности, так и нормы международного права. Если стороны хотят руководствоваться международными нормами, то необходимо это установить в договоре. Представим, какие особенности должны быть закреплены в различных договорах: согласованная сторонами структура договора, обязательные условия, требования к заключению договора. Когда мы говорим о международных договорах, то предполагаем, что сказанное фиксируется как на русском, так и на ином языке договора. Независимо от того, на каком языке составлен текст договора, существенные условия договора должны быть четко зафиксированы, поскольку несоблюдение данного правила может привести к признанию договора незаключенным в судебном порядке. В российском гражданском законодательстве, в том числе ст. 432 ГК РФ, предусмотрено, что договор считается заключенным, если между сторонами достигнуто соглашение по всем его существенным условиям.

Сегодня проведение предконтрактных переговоров и подготовка базы для заключения международного контракта считается одним из самых ответственных этапов в работе с поставщиком, так как необходимо полное взаимопонимание между всеми сторонами, участвующими в заключении внешнеэкономического контракта. После решения основных вопросов стороны согласовывают текст договора как в рамках личных переговоров, так и с использованием электронных средств связи. Также необходимым условием для компании, сторон учесть международную специфику [7, с. 4]. Как показывает практика, российские юристы проверяют договор только на наличие существенных условий, без них договор будет считаться незаключенным. На международном уровне принято выделять существенные условия договора, без которых данный договор может быть признан незаключенным, обычные условия, характерные для данных типов договоров, и случайные условия, нужные только для данного договора. Например, существенным условием договора купли-продажи является предмет договора и иные условия, которые необходимо прописать в договоре в соответствии с законодательством или торговыми обычаями.

Обычные условия, как правило, вытекают из законодательства, регулирующего данный вид договора (например, нормы Гражданского кодекса о прокате). Случайные условия — это то, что включено в договор по требованию сторон (требования к нестандартной упаковке товара, условиям хранения товара и т. д.) [4, с. 120–121]. При этом в англо-саксонской правовой системе, как правило, не предусмотрено каких-либо императивных условий к внешнеторговым сделкам, но могут быть выставлены определенные требования к конкретной сделке с определенными участниками.

Согласие на заключение договора в России обычно выражается путем подписания договора. А вот в международном праве существует больше вариантов выражения согласия. В ст. 11 Венской конвенции предусмотрено несколько способов выражения согласия на обязательность договора: подписание договора; обмен документами, образующими договор; ратификация договора; его принятие, утверждение, присоединение к нему. Но все-таки подписание договора является наиболее распространенным способом выражения согласия на обязательность договора.

Анализ специальных источников в аспекте правового регулирования содержания внешнеторговых контрактов указывает на следующие позиции, носящие рекомендательный характер, но имеющие в перспективе преимущество при разрешении споров. Прежде всего необходимо обеспечить единообразное изложение текста на иностранном и русском языке и предусмотреть, что при возникновении разногласий приоритет имеет текст на русском языке. Естественно, необходимо тщательно проверить полномочия у лиц, подписывающих данное соглашение, и подписать каждую страницу договора с проставлением инициалов подписанта во избежание подмены листов контракта.

Также во внешнеторговом контракте необходимо учитывать особенности делового оборота разных стран в определении культурных, правовых и социально-культурных особенностей ведения бизнеса, что позволит на этапах заключения контракта избежать коллизий и проблем практикоприменения в международных арбитражах, которые являются особым механизмом мирного разрешения споров в качестве одного из принципов международного права, о чем гласит Устав ООН. К примеру, особенностью законодательства США является возможность репатриации прибыли в США и защита антимонопольных интересов в рамках индивидуальных или коллективных исков [10, с. 617].

При использовании типового договора в качестве основы для установления правоотношений между предприятиями разных государств могут возникнуть серьезные проблемы, которые в дальнейшем станут основой судебных разбирательств. Так, русский текст контракта может не совпасть по содержанию и правовому толкованию с его аналогом на иностранном языке. В Российской Федерации отечественные предприниматели нередко достаточно формально изучают правовой статус контрагента, в том числе его деловую репутацию, финансовое состояние на момент заключения контракта. Нередко при отсутствии выяснения вышеизложенных обстоятельств, имеющих большое правовое значение, это приводит к невозможности в дальнейшем получить оплату согласно условиям договора, предъявить претензии по качеству товара или оказанных услуг / выполненным работ.

В то же время в связи со сложной геополитической обстановкой именно сегодня нужно уделять первостепенное значение предконтрактной подготовке и изучению правового статуса контрагента от исследования вопроса, не находится контрагент или страна регистрации юридического лица под санкциями, до вопроса о возможности совместного доступа банковских счетов контрагента третьим лицам. Тщательная оценка, в том числе санкционных рисков позволит избежать финансовых потерь.

Очевидно, что компании не в силах предусмотреть все ситуации, которые могут сложиться при исполнении контракта. Именно поэтому необходимо указывать в контракте положение о праве, регулирующем отношения сторон. При определении права, применяемого к внешнеторговому договору, действует принцип автономии воли сторон. Он заключается в том, что участники соглашения свободны в выборе не только его содержания, но и вида правовых норм. Соглашение сторон о выборе применяемого права должно быть четко обозначено в договоре или вытекать из совокупности обстоятельств внешнеторговой сделки.

Следовательно, можно сформировать следующие действия, которые необходимо предпринять стороне при составлении данного типа контрактов: провести комплексную правовую экспертизу на предмет

соответствия договора требованиям законодательства места заключения и места исполнения договора; определить применимое к договору право; тщательно проверить правовой статус контрагента, обратив особое внимание на место его регистрации в зарубежной юрисдикции.

Таким образом, при ведении внешнеторговой деятельности организации сталкиваются со специфическими рисками, которые несвойственны для российского рынка. Следовательно, при заключении международного коммерческого договора необходимо прибегать к инструментам управления рисками, применять превентивные меры, чтобы нивелировать негативные последствия для своей деловой репутации и финансового положения. Полагаем, именно применение способов минимизации рисков при заключении международных коммерческих контрактов способно предотвратить споры, которые актуальны в судебной практике. Выработка таких положений рекомендательного характера на международном уровне представляется необходимой для существующей международной договорной практики.

Для совершенствования правового регулирования содержания внешнеторговых контрактов в системе международной интеграции авторами в заключение представляется правотворческая инициатива в контексте проблемы исследования, которая заключается в необходимости развития и повышения степени эффективности института правового регулирования внешнеторговых контрактов.

Предложения по оптимизации регулирования международных коммерческих контрактов в Российской Федерации

Для оптимизации целостного правового механизма в правовом регулировании содержания международных коммерческих контрактов в Российской Федерации считаем актуальным в перспективе работать в нескольких направлениях.

1. Совершенствовать концептуальные подходы к развитию и становлению нового юридического знания для устранения пробелов разработки текста внешнеторговых контрактов, их условий, порядка, которые негативно влияют на состояние и показатели судебной практики. Ориентация на разработку и внедрение нового типа правовой модели, учитывающей направления позитивной юриспруденции, комплексных подходов и инновационных практик юридической науки для формирования высоких профессиональных компетентностей юристов в сфере международного частного права.
2. Создание нового алгоритма действий по диагностике и правовой оценке качества содержания внешнеторгового контракта, предпринимаемых и реализуемых мер компетентными лицами, реализуемых при регулировании внешнеэкономической деятельности, экспорта и импорта. Для достижения целей эффективного нормативно-правового обеспечения договорных отношений в разных отраслях субъектов хозяйствования на мировом уровне с учетом влияния внешних и внутренних факторов окружающей среды, влияния нового феномена «посткоронавирусный кризис» посредством задействования факторного анализа и структурирования установленных (действующих) норм права, регулирующих внешнеторговые отношения и специфику самого международного контракта, необходимо обеспечить соблюдение взаимных интересов и договоренностей сторон внешнеторгового контракта с учетом норм российского и международного права. Соблюдение взаимных интересов и договоренностей сторон внешнеторгового контракта в основе законных регуляторов норм российского и международного права.
3. Разработка структуры и положений проекта (модели), направленного на создание единого правового механизма, включающего унифицированные принципы и методы правового регулирования внешнеторгового контракта в системе международной интеграции и практикоприменении судами за пределами РФ, которая будет учитывать потребности правовой глобализации, национальные обычаи в условиях международных интеграционных процессов.
4. Выпустить рекомендованные превентивные меры, способствующие минимизации рисков при установлении правоотношений с иностранным контрагентом, а также перечень рисков и способы их нивелирования.

Заключение

Таким образом, сравнительно-правовой анализ и предложения создают концептуальные правовые возможности для научного обоснования и дальнейшей работы по унификации норм российского и международного права в сфере регулирования внешнеэкономической деятельности. Создание и производство новых регулятивных принципов заключения и действия внешнеторговых контрактов в международных интеграционных процессах повлияет на эффективность разрешения споров в судах России, государств — членов ЕАЭС, СНГ и международных судах.

Литература

1. Вилкова Н. Г., Грешникова И. П., Грешников К. В. [и др.] Международный коммерческий арбитраж и вопросы частного права : сборник статей / сост. и отв. ред. И. П. Грешников. М. : Статут, 2015.
2. Капустин А. Я. Право Евразийского экономического союза: международно-правовой статус // Журнал российского права. 2015. № 11.
3. Крохина Ю. А. Правовые основы и перспективы развития Евразийского экономического союза как валютного союза // Юридическая наука. 2018. С. 21–24.
4. Кубанцев С. П. Публично-правовые средства противодействия недобросовестной конкуренции: аспекты России и США // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 4. С. 120–124.
5. Маковский А. Л., Хлестова И. О. Проблемы унификации международного частного права : монография. М., 2012. С. 59 (автор главы — М. А. Цирина).
6. Отдельные виды обязательств в международном частном праве: монография. 2-е изд., перераб. и доп. / В. Н. Борисов, Н. В. Власова, Н. Г. Доронина и др.; отв. ред. Н. Г. Доронина, И. О. Хлестова. М. : ИЗиСП, ИНФРА-М, 2014. 352 с.
7. Скрипильев Г. Как сохранить добросовестность // ЭЖ-Юрист. 2016. № 42 (944). С. 4.
8. Шапкина Г. С. Правовое регулирование поставок в рамках СНГ // Закон. 1995. № 6. С. 80.
9. Шестакова Е. В. Правовые аспекты внешнеэкономического контракта. М. : Право доступа. 2018 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «Гарант». URL: <http://study.garant.ru/#/document/77554320> (дата обращения: 15.07.2022).
10. Bonell M. J. Unification of law by non-legislative means: the UNIDROIT Draft Principles for International Commercial Contracts // American journal of comparative law. 1992. Vol. 40. P. 617.
11. Vogenauer S., Kleinheisterkamp J., eds., Commentary on the UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts, (PICC). Oxford University Press, 2009. P. 9.

Об авторах:

Кириленко Виктор Петрович, заведующий кафедрой международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации; kirilenko-vp@ranepa.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4445-1682>

Мишальченко Юрий Владимирович, Генеральный советник Экономического Суда СНГ, профессор кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор; myv2008@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4242-2274>

Васильева Екатерина Владиславовна, ведущий юрисконсульт ООО «ТРЕЙДКОН» (Санкт-Петербург, Российская Федерация); Katerina.v.259@yandex.ru

References

1. Vilkova N. G., Greshnikova I. P., Greshnikov K. V. [et al.] *International commercial arbitration and issues of private law* : collection of articles; comp. and ed. by I. P. Greshnikov. Moscow : Statute, 2015. (In Rus.)
2. Kapustin A. Ya. The Law of the Eurasian Economic Union: International Legal status. *Journal of Russian Law* [Zhurnal rossiiskogo prava]. 2015. No. 11. (In Rus.)
3. Krokhina Yu. A. Legal foundations and prospects for the development of the Eurasian Economic Union as a monetary Union. *Legal Science* [Yuridicheskaya nauka]. 2018. P. 21–24. (In Rus.)
4. Kubantsev S. P. Public legal means of countering unfair competition: aspects of Russia and the USA. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence* [Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya]. 2017. No. 4. P. 120–124. (In Rus.)
5. Makovsky A. L., Khlestova I. O. *Problems of unification of private international law*: monographs. Moscow, 2012. P. 59 (author of the chapter — M. A. Tsirina). (In Rus.)
6. *Separate types of obligations in private international law* : monograph. 2nd ed., revised. and additional / V. N. Borisov, N. V. Vlasova, N. G. Doronina [et al.]; resp. ed. N. G. Doronina, I. O. Khlestov. Moscow : IZiSP, INFRA-M, 2014. 352 p. (In Rus.)
7. Skripilev G. How to maintain good faith. *Ezh-Lawyer* [EZh-Yurist]. 2016. No. 42 (944). P. 4. (In Rus.)
8. Shapkina G. S. Legal regulation of deliveries within the framework of the CIS. *Law* [Zakon]. 1995. No. 6. P. 80. (In Rus.)
9. Shestakova E. V. *Legal aspects of the foreign economic contract*. Moscow : Access Right. 2018 [Electronic resource]. Access from the “Garant”. URL: <http://study.garant.ru/#/document/77554320> (accessed: 15.07.2022). (In Rus.)
10. Bonell M. J. Unification of law by non-legislative means: the UNIDROIT Draft Principles for International Commercial Contracts. *American journal of comparative law*. 1992. Vol. 40. P. 617.
11. Vogenauer S., Kleinheisterkamp J., eds. *Commentary on the UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts*, (PICC). Oxford University Press, 2009. P. 9.

About the authors:

Viktor P. Kirilenko, Head of the Department of International and Humanitarian Law of the North-Western Institute of Management of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Jurisprudence), Professor Honored Lawyer of the Russian Federation; kirilenko-vp@ranepa.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4445-1682>

Yury V. Mishalchenko, General Adviser of the Economic Court of the CIS, Professor of the Department of Constitutional and International Law of the St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia) (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Jurisprudence), Doctor of Science (Economy), Professor; myv2008@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4242-2274>

Ekaterina V. Vasileva, Leading lawyer of LLC “TRADECON” (Saint Petersburg, Russian Federation); Katerina.v.259@yandex.ru

О применении многомерных статистических процедур в анализе перспектив сотрудничества ЕАЭС и АСЕАН

Титович А. М., Торопыгин А. В.*

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Северо-Западный институт управления), Санкт-Петербург, Российская Федерация

*e-mail: toropygin-av@ranepa.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0678-3347>

РЕФЕРАТ

В настоящем исследовании обсуждаются результаты использования многомерных статистических процедур в анализе перспектив развития и состояния региональной интеграции стран Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в горизонте 2030 г.

Цель. Определить перспективы развития и эффективность региональных организаций, АСЕАН и ЕАЭС, по состоянию на 2030 г.

Задачи. Выявить текущую тенденцию развития процессов регионального сотрудничества и интеграции стран АСЕАН и стран ЕАЭС, определить и спрогнозировать состояние процессов регионального сотрудничества и интеграции обсуждаемых региональных объединений в контексте предлагаемых Евразийским банком развития типов и сценариев развития региональных организаций.

Методология. В исследовании были использованы работы Евразийского банка развития, База данных региональной интеграции (БДРИ), открытые данные Всемирного банка, данные статистического портала АСЕАН. Методология исследования основывалась на том предположении, что на основе многомерных статистических процедур можно установить отличающееся во времени положение региональной организации в ее сравнительно однородной группе. Группа (кластер) бралась (брался) в соответствии с типологией, представленной Центром интеграционных исследований Евразийского Банка Развития. Построение моделей временных рядов осуществлялось в соответствии с ARIMA-методологией.

Результаты. С помощью кластерного анализа были определены сходства и различия в отношении расстояния исследуемого объекта до центра однородной ему эталонной группы. Таким образом, удалось установить отличающееся во времени положение региональных международных организаций, АСЕАН и ЕАЭС, в их сравнительно однородной группе. Кроме того, процессы регионального сотрудничества и интеграции являются нелинейным и неоднонаправленным процессом, сопровождаемым как конвергенцией, так и дивергенцией.

Выводы. В отношении АСЕАН установлена возможность снижения ее эффективности в качестве региональной организации в перспективе 2030 г., такое положение объясняется реализацией политики хеджирования ключевыми акторами региона в контексте разрастающейся конкуренции США и КНР.

В отношении ЕАЭС установлено, что организация в горизонте 2030 г. обладает значительными возможностями по своему развитию в качестве активной организации на постсоветском пространстве. Однако такая перспектива будет зависеть от своевременных и соответствующих вызовов и угрозам санкционного давления действий Российской Федерации.

Ключевые слова: региональное сотрудничество, интеграция, База данных региональной интеграции, кластерный анализ, АСЕАН, ЕАЭС

Для цитирования: Титович А. М., Торопыгин А. В. О применении многомерных статистических процедур в анализе перспектив сотрудничества ЕАЭС и АСЕАН // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 3. С. 95–105.

On the Application of Multidimensional Statistical Procedures in the Analysis of the Prospects for Cooperation between the EAEU and ASEAN

Adam M. Titovich, Andrey V. Toropygin*

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint Petersburg, Russian Federation

*e-mail: toropyginav@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0678-3347>

ABSTRACT

This study discusses the results of using multidimensional statistical procedures in the analysis of development prospects and the state of regional integration of the countries of the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) and the countries of the Eurasian Economic Union (EAEU) in the horizon of 2030.

Aim. Determine the development prospects and effectiveness of regional organizations, ASEAN and EAEU, as of 2030.

Tasks. To identify the current trend in the development of the processes of regional cooperation and integration of the ASEAN countries and the EAEU countries, to determine and predict the state of the processes of regional cooperation and integration of the discussed regional associations in the context of the types and scenarios for the development of regional organizations proposed by the Eurasian Development Bank.

Methods. The study used the work of the Eurasian Development Bank, the Regional Integration Database (RIDB), the open data of the World Bank, and the data of the ASEAN statistical portal. The research methodology was based on the assumption that, based on multivariate statistical procedures, it is possible to establish a different in time, the position of a regional organization in its relatively homogeneous group. The group (cluster) was taken (taken) in accordance with a typology provided by the Center for Integration Studies of the Eurasian Development Bank. The construction of time series models was carried out in accordance with the ARIMA methodology.

Results. With the help of cluster analysis, similarities and differences were determined in relation to the distance of the object under study to the center of a homogeneous reference group. Thus, it was possible to establish the position of regional international organizations, ASEAN and EAEU, differing in time in their relatively homogeneous group. In addition, the processes of regional cooperation and integration are non-linear and non-unidirectional, accompanied by both convergence and divergence.

Conclusion. With regard to ASEAN, the possibility of reducing its effectiveness as a regional organization in the perspective of 2030 has been established, this situation is explained by the implementation of the hedging policy by the key actors in the region in the context of the growing competition between the United States and China.

With regard to the EAEU, it has been established that the organization in the horizon of 2030 has significant opportunities for its development as an active organization in the post-Soviet space. However, such a prospect will depend on timely actions of the Russian Federation that meet the challenges and threats of sanctions pressure.

Keywords: regional cooperation, integration, Regional Integration Database, cluster analysis, ASEAN, EAEU

For citing: Titovich A. M. , Toropygin A. V. On the Application of Multidimensional Statistical Procedures in the Analysis of the Prospects for Cooperation between the EAEU and ASEAN // Eurasian Integration: economics, law, politics. 2022. Vol. 16. No. 3. P. 95–105.

Введение

Настоящее исследование направлено на выявление перспектив развития АСЕАН и ЕАЭС в горизонте 2030 г. В рамках работы рассматривается практический кейс применения базы опыта Евразийского Банка Развития к изучению процессов регионального сотрудничества и интеграции в Юго-Восточной Азии и на постсоветском пространстве.

Понимая, что Юго-Восточная Азия находится в центре Азиатско-Тихоокеанского региона и региона Индийского океана, которые являются одними из самых динамичных центров экономического роста на протяжении последних десятилетий, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии в 2019 г. принимает ASEAN Outlook on Indo-Pacific¹. АСЕАН в условиях нарастающего геополитического и геоэкономического противостояния США и КНР реализует политику хеджирования рисков вовлечения внерегиональных акторов в процессы регионального сотрудничества в Юго-Восточной Азии.

В докладе Центра интеграционных исследований Евразийского банка развития [4], в котором была представлена типология региональных организаций на основе базового критерия, степени достижения целей организации, аналитики, установлено, что Ассоциация государств Юго-Восточной Азии может находиться в двойственном положении — как активная региональная организация и как организация иного пути в терминологии доклада, преследуя собой инструментальные цели развития. Как отмечают авторы доклада, АСЕАН, созданная как организация по безопасности, постепенно превратилась в экономическую региональную организацию [4, с. 21]. Обсуждаемая в рамках настоящего исследования проблема заключается в том, что двойственность такого положения АСЕАН лишь усугубляется принятием нового видения Индо-Тихоокеанского региона.

Процессы регионального сотрудничества и интеграции на постсоветском пространстве также сопровождаются как конвергенцией, так и дивергенцией.

Вопрос об эффективности интеграционных структур, а также интерпретации самого понятия находится постоянно в центре внимания экспертного сообщества. Можно отметить работы С. Ю. Глазьева², М. Л. Вартановой [1], Т. И. Кузьминой [2], М. В. Ларионовой [3] и др.

Материалы и методы

В мире существуют различные системы индикаторов для анализа процессов регионального сотрудничества и интеграции [9]. Одним из результатов работы Евразийского Банка Развития стала База данных региональной интеграции (RID)³, включающая в себя сведения более чем по 130 показателям региональных организаций и соглашений. В указанном ранее докладе приведен четкий результат классификации более чем 40 региональных организаций и соглашений по их типам, предлагаемым Евразийским Банком Развития, далее по тексту он будет называться кластером. Евразийский Банк Развития использует пятнадцать групп показателей⁴: состав и стартовые показатели (8 индикаторов),

¹ ASEAN Outlook on the Indo-Pacific, Association of Southeast Asian Nations, 23.06.2019 [Электронный ресурс]. URL: https://asean.org/asean2020/wp-content/uploads/2021/01/ASEAN-Outlook-on-the-Indo-Pacific_FINAL_22062019.pdf (дата обращения: 23.03.2022).

² Глазьев С. Ключевой вызов — способность ответить на вопрос об эффективности ЕАЭС [Электронный ресурс] // Сайт Евразийской экономической комиссии. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/speech/25-02-2020-3/> (дата обращения: 16.03.2022).

³ База данных региональной интеграции (RID) [Электронный ресурс] // Евразийский Банк Развития. URL: <https://eabr.org/analytics/integration-research/cii-reports/baza-dannykh-regionalnoy-integratsii/> (дата обращения: 16.03.2022).

⁴ Евразийский Банк Развития. База данных региональной интеграции: состав и показатели. Методический отчет. [Электронный ресурс] // ЦИИ ЕАБР. 2014. С. 35. URL: <https://eabr.org/analytics/integration-research/cii-reports/baza-dannykh-regionalnoy-integratsii/> (дата обращения: 16.03.2022).

макро (9 индикаторов), торговля (24 индикатора), движение факторов (10 индикаторов), торговая политика (7 индикаторов), торговая политика — Таможенный союз (7 индикаторов), покрытие Регионального интеграционного соглашения (9 индикаторов), стадия (6 индикаторов), структура и асимметрия (11 индикаторов), органы Регионального интеграционного соглашения (22 индикатора), разрешение споров (8 индикаторов), география и политика (7 индикаторов), власть и демократия (5 индикаторов), ООН (3 индикатора), известность (4 индикатора).

Необходимо отметить глубокую проработанность методологии формирования Базы данных региональной интеграции (RID) Евразийского Банка Развития. Используемые методы расчета интегрированных показателей в большей степени позволяют корректировать модель оценки с учетом статистических выбросов. Вместе с тем представляется возможным продолжить работу в части расширения групп показателей, учитывающих проблематику инфраструктуры, цифровой экономики, экологического сотрудничества и эффекта сходимости (конвергенции). Включение во фреймворк региональной цифровой повестки представляется еще более важным, учитывая значимое положительное влияние научно-исследовательской работы и цифровизации процессов на прирост производительности труда и преобразование сферы услуг, эффекты, которые отметили в своем совместном исследовании¹ Всемирный Банк и Евразийская экономическая комиссия.

Существующая система показателей и индикаторов Евразийского Банка Развития позволяет учитывать как структурированные и взаимосвязанные наборы соответствующих факторов, так и слабо-структурированные, учитывающие специфику институционализации региональной политики сотрудничества.

Источниками дополнительных эмпирических данных являются открытые данные Всемирного Банка², открытые данные статистического портала АСЕАН³, База данных региональной интеграции Евразийского Банка Развития⁴.

В целях построения прогнозов развития процессов регионального сотрудничества и интеграции для стран АСЕАН и ЕАЭС была применена модель Бокса-Дженкинса (ARIMA) для временного ряда показателя ВВП на душу населения стран АСЕАН и ЕАЭС. Модели и анализ временных рядов используются для выявления закономерностей и тенденций данных, а также объяснения моделирования данных и их прогнозирования. Теоретические рамки и подходы к формированию моделей анализа временных рядов и прогнозирования представлены в работах таких исследователей, как Г. Е. Бокс [6], Р. А. Дэвис и П. Д. Блоквелл [8], Г. М. Дженкинс, Г. К. Рейнсел, Г. М. Лjung [7].

Для проверки модели на соответствие может быть использован анализ значения R^2 , коэффициента детерминации, принимающего значения от 0 до 1. Когда значение коэффициента стремится к целочисленному значению (к 1), связь предсказанного значения Y_{t+n} с наблюдаемыми значениями временного ряда высока, значение R^2 объясняет долю дисперсии для Y_{t+n} .

В рамках настоящего исследования задачи анализа временных рядов решались посредством программного обеспечения IBM SPSS Statistics для предсказания будущих значений в горизонте 2030 г. Источником статистики для построения моделей временных рядов являются данные World Bank Open Data⁵ с 1991 г.

Методом проверки гипотезы, обозначенной далее, был выбран кластерный анализ, потому что он позволяет решить задачу разбиения заданной выборки объектов на подмножества (кластеры), в данном случае региональные организации по их возможным типам. Кроме того, данный метод позволяет определить расстояние исследуемого объекта до центра однородной ему группы. Задачи кластеризации решались в студии Машинного обучения Azure, среде обработки и анализа данных,

¹ Цифровая повестка ЕАЭС 2025: перспективы и рекомендации [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/pages/digital_agenda.aspx (дата обращения: 02.04.2022).

² World Bank Open Data [Электронный ресурс] // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org> (дата обращения: 16.03.2022).

³ ASEAN Stats Data Portal [Электронный ресурс] // ASEAN. URL: <https://data.aseanstats.org/> (дата обращения: 16.03.2022).

⁴ База данных региональной интеграции (RID) [Электронный ресурс] // Евразийский Банк Развития. URL: <https://eabr.org/analytics/integration-research/cii-reports/baza-dannykh-regionalnoy-integratsii/> (дата обращения: 16.03.2022).

⁵ World Bank Open Data [Электронный ресурс] // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/> (дата обращения: 13.04.2022).

разработанной Microsoft¹. Предварительно была проведена очистка данных для модели и линейное нормирование данных.

Постановка задачи

Как отмечалось в докладе Евразийского Банка Развития [4, с. 9] средний ВВП на душу населения активной региональной организации составляет 17,8 тыс. долл. США, в случае АСЕАН мы фиксируем значительно более низкое значение. Показатель среднего ВВП на душу населения для стран ЕАЭС тоже не достигает указанного уровня. В обсуждаемом докладе Евразийского банка развития [Там же] сделан вывод о том, что этот показатель несопоставимо важнее остальных характеристик и оказывает существенное влияние на создание активной региональной организации. При этом необходимо отметить, что в рамках анализа реальной региональной экономической конвергенции также используется показатель ВВП на душу населения. И все же главным фактором, содействующим формированию организаций, является уровень экономического развития государств-участников [Там же], в связи с чем были выбраны следующие группы показателей из Базы данных региональной интеграции Евразийского Банка Развития: состав и стартовые показатели, макроэкономические показатели, показатели торговли, иные показатели движения факторов. Таким образом, на входе модель принимает 50 параметров по 32 региональным организациям и соглашениям и по 32 соответствующим приписываемым кластерам. Под приписываемым кластером нужно понимать тип конкретной региональной организации или соглашения, предлагаемые Евразийским Банком Развития.

В рамках настоящего исследования ожидается, что на основе многомерных статистических процедур можно установить отличающееся во времени положение региональной международной организации, Ассоциации государств Юго-Восточной Азии и Евразийского экономического союза, в их сравнительно однородной группе. Ожидается, что результаты решения задачи разбиения заданной выборки объектов на подмножества (кластеры) на основе их сходства и различия (кластерный анализ) [10], а именно полученные расстояния объектов, ЕАЭС и АСЕАН, до центроидов их однородных групп (кластеров) будут отличаться по состоянию на 2012, 2016, 2020, 2025 и 2030 гг. Ожидается также, что значения этих показателей не будут свидетельствовать об однозначном и однонаправленном развитии процессов регионального сотрудничества и интеграции, что позволит сделать вывод, что процессы регионального сотрудничества и интеграции в ЮВА и на постсоветском пространстве сопровождаются как конвергенцией, так и дивергенцией.

Результаты и обсуждение

База данных была дополнена статистическими данными по АСЕАН за 2016 г., как год, следующий за годом создания сообщества АСЕАН, и за 2020 г., как год, в котором проявился экономический спад, вызванный пандемией COVID-19.

Задача кластеризации была реализована тремя алгоритмами: методом k-средних++ (рисунок 1), k-средних со случайной инициализацией (рисунок 2) и k-средних с инициализацией по заданным кластерам, которые приняты моделью на входе (рисунок 3). Мера расстояний — евклидово расстояние. Учитывая, что любой алгоритм метода k-средних разбивает множество объектов пространства на заранее известное число кластеров, было принято решение таким k задать для модели число 10 (в случае первого и второго алгоритма) и число 6 (в случае третьего алгоритма). При k=10 модель будет предполагать, что существует не более 10 различных типов региональных организаций и соглашений, при k=6 модель руководствуется количеством типов таких исследуемых объектов, предложенных Евразийским банком развития. Визуализация полученных результатов кластерного анализа представлена далее.

¹ Machine Learning Studio (classic) [Электронный ресурс] // Microsoft Machine Learning Studio. URL: <https://studio.azureml.net/> (дата обращения: 18.03.2022).

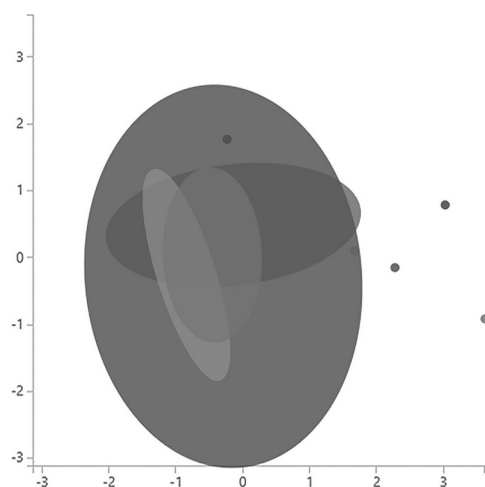

Рис. 1. Результат кластерного анализа региональных организаций и соглашений методом k-средних++²

Fig. 1. The result of cluster analysis of regional organizations and agreements using the k-means++ method

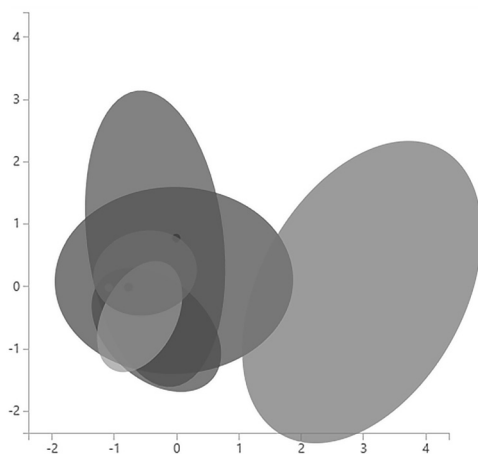

Рис. 2. Результат кластерного анализа региональных организаций и соглашений методом k-средних со случайной инициализацией¹

Fig. 2. The result of cluster analysis of regional organizations and agreements by the k-means method with random initialization

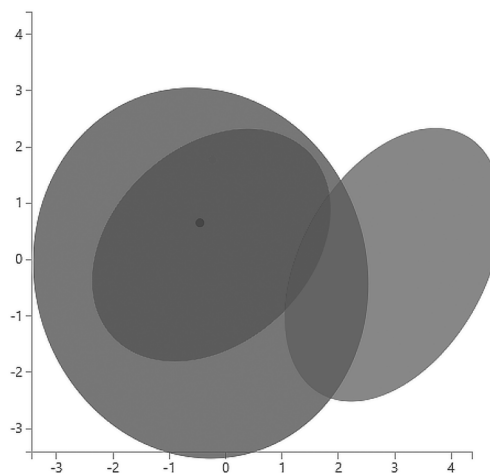

Рис. 3. Результат кластерного анализа региональных организаций и соглашений методом k-средних с инициализацией по заданным кластерам³

Fig. 3. The result of cluster analysis of regional organizations and agreements by the k-means method with initialization by given responses

Полученные результаты методом k-средних++ (см. рисунок 1), k-средних со случайной инициализацией (см. рисунок 2), k-средних с инициализацией по заданным кластерам (см. рисунок 3) говорят о существовании 4, 6, 3 соответственно значимых групп региональных организаций. Таким образом, в результате анализа построенных кластеров можно установить, что в действительности возможно существование не более шести значимых типов региональных организаций и соглашений, что подтверждает типологию ЕАБР.

¹ Составлен автором на основании полученных данных в студии Машинного обучения Azure.

² То же.

³ То же.

В любом случае, несмотря на то, что любая классификация может быть несовершенна, подход, предложенный Евразийском Банком Развития, работает и предлагаемые исследователями показатели могут использоваться для классификации региональных организаций. Как отмечено в докладе [4, с. 17], региональные организации и соглашения нельзя однозначно относить к одному из типов таких объектов. Это, безусловно, так, на представленных ранее рисунках видно, что значительная часть кластеров (однородных групп) смешивается с другими. Это смешивание вызвано смещением объектов относительно центров однородных групп. В случае если возможно объект назвать наиболее типичным представителем его кластера, то смещения происходить не будет и скорее он сам будет являться центром данного кластера. Такой вариант можно установить в случае Европейского союза и кластера активных региональных организаций, когда расстояние объекта до центра кластера стремится к нулю или равно нулю.

В случае АСЕАН мы ожидаем, что со временем расстояние от объекта до центра его однородной группы будет меняться. Далее модель принимала на входе показатели АСЕАН за 2012, 2016, 2020 гг., и, несмотря на последовательную однозначную классификацию АСЕАН к одной и той же однородной группе (кластеру), расстояние объекта к центру кластера типа региональной организации действительно последовательно принимало разные значения. Указанные значения представлены далее (см. таблицу 1).

Таблица 1

Значения расстояний объекта АСЕАН к центроиду однородной группы (кластера)¹

Table 1. Distance values of the ASEAN object to the centroid of a homogeneous group (cluster)

Год	Алгоритм			Asia-Pacific Regional Cooperation and Integration Index ² для АСЕАН: 2012 — 0,517; 2015 — 0,541; 2016 — 0,535; 2019 — 0,536; для 2020 г. соответствующий расчет не проводился
	к-средних++	к-средних со случайной инициализацией	к-средних с инициализацией по заданным кластерам	
2012	1,643314	1,460951	1,78207	
2016	1,411861 (сокращение)	1,253571 (сокращение)	1,580201 (сокращение)	
2020	1,455192 (увеличение)	1,301149 (увеличение)	1,624388 (увеличение)	

Сокращение расстояния от объекта до центра кластера в настоящем случае означает, что данный объект схож по большому числу параметров со своим кластером (типом региональной организации), увеличение расстояния означает, что данный объект стал расходиться по большому числу параметров со своим кластером (типом региональной организации).

Такое положение дел одновременно находит свое отражение и в динамике значений показателя Asia-Pacific Regional Cooperation and Integration Index³ для АСЕАН, расчет которого осуществляется Азиатским Банком Развития. В данном случае также невозможно зафиксировать однозначный рост во времени значения показателя, характеризующего процесс региональной интеграции в АСЕАН.

В действительности, такое поведение приведенных значений показателей АСЕАН подлежит адекватной интерпретации. В 2016 г. значительный объем мероприятий регионального сотрудничества в Юго-Восточной Азии был направлен на достижение инструментальных целей столпов Сообщества АСЕАН, созданного годом ранее. В 2020 г. привычный темп процессов регионального сотрудничества испытал на себе негативное влияние последствий вызовов пандемии COVID-19.

В части прогнозирования перспектив развития ЕАЭС и АСЕАН к 2030 г. отметим, что среднее значение R^2 для модели временного ряда ВВП на душу населения для стран АСЕАН и ЕАЭС составило 0,82

¹ Составлена автором.

² Asian Economic Integration Report 2022. Advancing Digital Services Trade in Asia and the Pacific. February 2022. P. 277 [Электронный ресурс] // Asian Development Bank (ADB). URL: https://aric.adb.org/pdf/aeir/AEIR2022_complete.pdf (дата обращения: 18.03.2022).

³ Там же. P. 265.

(см. рисунок 4 и таблицу 2), таким образом, предсказанные значения ВВП на душу населения для стран АСЕАН и ЕАЭС (см. таблицу 3) могут быть использованы в рамках последующего анализа.

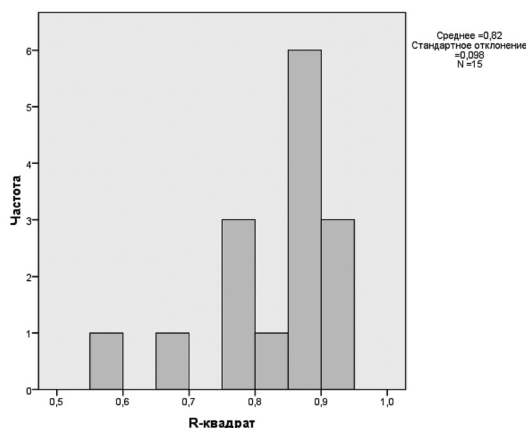

Рис. 4. Диаграмма отчета по модели ВВП на душу населения для стран ЕАЭС и АСЕАН в горизонте 2030 г.¹

Fig. 4. Diagram of the report on the model of GDP per capita for the EAEU and ASEAN countries in the horizon of 2030

Таблица 2

Статистики модели ВВП на душу населения для стран ЕАЭС и АСЕАН в горизонте 2030 г.²

Table 2. GDP per capita model statistics for the EAEU and ASEAN countries in the 2030 horizon

Статистики модели							
Модель	Число предикторов	Статистики согласия модели		Льюнга-Бокса (Q18)			Число выбросов
		Стационарный R-квадрат	R-квадрат	Статистики	Ст. св.	Знач.	
BRN-Модель_1	1	,568	,568	76,187	18	,000	0
KHM-Модель_2	1	,906	,906	120,283	18	,000	0
MYS-Модель_3	1	,880	,880	109,064	18	,000	0
IDN-Модель_4	1	,860	,860	126,059	18	,000	0
LAO-Модель_5	1	,843	,843	206,684	18	,000	0
THA-Модель_6	1	,860	,860	110,002	18	,000	0
VNM-Модель_7	1	,917	,917	189,555	18	,000	0
MMR-Модель_8	1	,855	,855	137,920	18	,000	0
PHL-Модель_9	1	,869	,869	173,615	18	,000	0
SGP-Модель_10	1	,908	,908	112,768	18	,000	0
ARM-Модель_11	1	,889	,889	91,290	18	,000	0
BLR-Модель_12	1	,772	,772	110,105	18	,000	0
KAZ-Модель_13	1	,757	,757	105,041	18	,000	0
KGZ-Модель_14	1	,768	,768	114,878	18	,000	0
RUS-Модель_15	1	,671	,671	101,155	18	,000	0

Полученные результаты применения ARIMA-методологии позволяют говорить о том, что среднее значение ВВП на душу населения для стран ЕАЭС и АСЕАН последовательно в 2025 и 2030 гг. относительно базового 2020 г. будет расти. Ожидается, что к 2030 г. среднее значение ВВП на душу населения для стран ЕАЭС и АСЕАН может составить более 10,3 тыс. долл. США и 17, 5 тыс. долл. США соответственно.

¹ Составлено автором в результате применения ARIMA-методологии посредством IBM SPSS Statistics.

² То же.

Таблица 3

Значения показателя ВВП на душу населения для ЕАЭС и АСЕАН в горизонте 2030 г.¹

Table 3. The values of GDP per capita for the EAEU and ASEAN in the horizon of 2030

ЕАЭС	2020	2025	2030
	6 222,97	9 059,56	10 384,17
АСЕАН	2020	2025	2030
	12 043,51	15 629,42	17 545,63
Источник данных	World Bank Open Data	Результат применения модели временного ряда	Результат применения модели временного ряда

Далее была решена задача кластеризации, реализованная алгоритмом k-средних++. В данном случае модель для обучения на входе принимает только значения ВВП на душу населения, представленные в Базе данных региональной интеграции (RID) Евразийского Банка Развития, а также показатели ЕАЭС и АСЕАН за 2020, 2025, 2030 гг. Результаты классификации ЕАЭС и АСЕАН в горизонте 2030 г. представлены ниже (см. таблицу 4). Учитывая особенности метода кластеризации, будем оценивать Европейский союз как однозначно активную и развитую региональную организацию, соответственно, кластер 2 характеризует именно активные и развитые региональные организации.

Таблица 4

Результаты кластеризации для прогнозных значений по АСЕАН и ЕАЭС в горизонте 2030 г.²

Table 4. Clustering results for forecast values for ASEAN and EAEU in the horizon of 2030

Показатель	Организация	k-средних++	
		Кластер	Расстояние до центра кластера
Базовое значение	ЕС	2	0
2020	АСЕАН	2	0,037161
2025	АСЕАН	2	0,202205
2030	АСЕАН	1	0,195491
2020	ЕАЭС	0	0,230735
2025	ЕАЭС	2	0,100178
2030	ЕАЭС	2	0,039212

Таким образом, полученные результаты позволяют говорить о следующем. АСЕАН в перспективе 2030 г. выпадает из кластера активных и развитых региональных организаций (кластер 2, см. таблицу 4) и согласно представленной модели попадает в категорию организаций иного пути согласно типологии ЕАБР. Расстояние же объекта ЕАЭС, в свою очередь, до приписываемого ему кластера 2 сокращается, что характеризует ЕАЭС в горизонте 2030 г. именно как развитую и активную региональную организацию.

Закключение

На основе многомерных статистических процедур удалось установить отличающееся во времени положение региональной международной организации, Ассоциации государств Юго-Восточной Азии, в ее сравнительно однородной группе в 2010–2020 гг. Учитывая, что со временем расстояние от объекта до центра его однородной группы в случае АСЕАН меняется таким образом, что невозможно зафиксировать однозначный рост во времени значения показателя, характеризующего процесс региональный ин-

¹ Составлена автором в результате применения ARIMA-методологии посредством IBM SPSS Statistics.

² Составлена автором в результате применения метода k-средних++ по прогнозным значениям ВВП на душу населения.

теграции в АСЕАН, представляется возможным заключить, что процессы регионального сотрудничества и интеграции в Юго-Восточной Азии являются нелинейным и неоднонаправленным процессом, сопровождаемым как конвергенцией, так и дивергенцией, что подтверждает гипотезу настоящего исследования.

В рамках интерпретации основных полученных результатов можно установить следующее. Ожидается, что эффективность АСЕАН как региональной организации в горизонте 2030 г. может снизиться, что в перспективе приведет к необходимости пересмотра роли АСЕАН как активной и развитой региональной организации. В рамках представленной модели АСЕАН выпадает из кластера подобных организаций.

Такое поведение показателей представляется возможным объяснить дальнейшей имплементацией концепции Индо-Тихоокеанского региона, которая окажет негативное влияние на эффективность АСЕАН, в том числе учитывая, что некоторые страны Юго-Восточной Азии выступают контуром политики США по сдерживанию КНР в Южно-Китайском море, ожидается снижение эффективности регионального комплекса безопасности Юго-Восточной Азии. Кроме того, разнонаправленность участия стран Юго-Восточной Азии в мегаторговых сделках, предлагаемых ключевыми акторами Азиатско-Тихоокеанского региона, в перспективе может оказать также негативное влияние на экономическую конвергенцию в регионе, что приведет к сокращению темпов догоняющего эффекта в контексте сокращения разрыва в уровне развития между богатыми и бедными странами региона.

Учитывая падение на 9% среднего значения ВВП на душу населения для стран ЕАЭС в 2020 г. в условиях экономического спада, вызванного последствиями пандемии COVID-19, относительно 2019 г., ЕАЭС в рамках представленной модели по своим показателям за 2020 г. не был классифицирован как активная и развитая региональная организация. Кроме того, в случае если негативные экономические последствия санкционного давления и иных недружественных действий, осуществляемых иностранными государствами в отношении Российской Федерации, окажут сопоставимое с пандемийным и (или) большее влияние на снижение значения показателя ВВП на душу населения, перспективы развития ЕАЭС будут весьма спорными.

В ином же случае в отношении ЕАЭС установлено, что в перспективе 2030 г. с достаточно большой вероятностью роль ЕАЭС может возрасти. Относительно предсказываемых значений ЕАЭС в 2025 и 2030 гг. однозначно классифицируется как активная и развитая региональная организация, при этом ожидается, что развитие процессов регионального сотрудничества между странами ЕАЭС будет иметь однозначную положительную динамику, однако целиком и полностью такая перспектива будет зависеть от своевременных и соответствующих вызовам и угрозам действий Российской Федерации.

Литература

1. *Вартанова М. Л.* Оценка эффективности роста экономик стран — участниц Евразийского экономического союза в условиях интеграции // Вестник Академии знаний. 2020. № 39. С. 119–125. DOI: 10.24411/2304-6139-2020-10450.
2. *Кузьмина Т. И., Савина Н. П.* Методологический подход к оценке эффективности экономической интеграции стран — членов СНГ // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2019. № 4. С. 78–91. DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-78-91.
3. *Ларионова М. В.* Новый подход к оценке эффективности международных институтов // Вестник международных организаций. 2016. № 11. С. 126–152.
4. Центр интеграционных исследований ЕАБР Региональные организации: типы и логика развития / под. ред. Винокурова Е. Ю. СПб. : ЦИИ ЕАБР, 2016. 86 с.
5. Asian Economic Integration Report 2022. Advancing Digital Services Trade in Asia and the Pacific. February 2022 [Электронный ресурс] // Asian Development Bank (ADB). URL: https://aric.adb.org/pdf/aeir/AEIR2022_complete.pdf (дата обращения: 18.03.2022).
6. *Box G. E. P., Jenkins G. M.* Time series analysis: Forecasting and control. San Francisco : Holden-Day, 1970. P. 553.
7. *Box G. E. P., Jenkins G. M., Reinsel G. C.* [et al.] Introduction to Time Series and Forecasting. New Jersey : John Wiley & Sons, Inc., Hoboken, 2016. P. 709.

8. Brockwell P. J., Davis R. A. *Introduction to Time Series and Forecasting*. New York : Springer, 2002. P. 449.
9. *Indicator-Based Monitoring of Regional Economic Integration* / ed. by Philippe De Lombaerde, Edgar J. Saucedo Acosta. Springer Cham, 2017. P. 360. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-50860-3>
10. Trebuňa P., Halčinová J. *Mathematical Tools of Cluster Analysis [Электронный ресурс] // Scientific Research*. 2013. P. 814–816. URL: https://www.scirp.org/pdf/AM_2013052016333796.pdf (дата обращения: 18.03.2022).

Об авторах:

Титович Адам Михайлович, аспирант первого года обучения программы «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития» факультета международных отношений и политических исследований СЗИУ РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
lutkof@hotmail.com

Торопыгин Андрей Владимирович, профессор кафедры международных отношений СЗИУ РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор политических наук;
toropygin-av@ranepa.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0678-3347>

References

1. Vartanova M. L. Evaluation of the growth efficiency of the economies of the countries participating in the Eurasian Economic Union in terms of integration. *Bulletin of the Academy of Knowledge [Vestnik Akademii znaniy]*. 2020. No. 39. P. 119–125. DOI: 10.24411/2304-6139-2020-10450 (In Rus.)
2. Kuzmina T. I., Savina N. P. Methodological approach to the evaluation of the efficiency of economic integration of the CIS member states. *RSUH/RGGU Bulletin. Series: Economics. Management. Law [Vestnik RGGU. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo]*. 2019. No. 4. P. 78–91. DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-78-91 (In Rus.)
3. Larionova M. Assessing Summit Engagement with Other International Organizations in the Process Global Governance. *International Organisations Research Journal [Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii]*. 2016. No. 11. P. 126–152. (In Rus.)
4. *The EDB Centre for Integration Studies. Regional Organizations: Types and Logic of Development* / ed. by E. Yu. Vinokurov. Saint Petersburg : CII EDB, 2016. P. 86. (In Rus.)
5. *Asian Economic Integration Report 2022. Advancing Digital Services Trade in Asia and the Pacific* [Electronic resource]. Asian Development Bank (ADB). February 2022. P. 277 URL: https://aric.adb.org/pdf/aeir/AEIR2022_complete.pdf (accessed: 18.03.2022).
6. Box G. E. P., Jenkins G. M. *Time series analysis: Forecasting and control*. San Francisco : Holden-Day, 1970. P. 553.
7. Box G. E. P., Jenkins G. M., Reinsel G. C. [et al.] *Introduction to Time Series and Forecasting*. New Jersey : John Wiley & Sons, Inc., Hoboken, 2016. P. 709.
8. Brockwell P. J., Davis R. A. *Introduction to Time Series and Forecasting*. New York : Springer, 2002. P. 449.
9. *Indicator-Based Monitoring of Regional Economic Integration* / ed. by Philippe De Lombaerde, Edgar J. Saucedo Acosta. Springer Cham, 2017. P. 360. DOI: 10.1007/978-3-319-50860-3
10. Trebuňa P., Halčinová J. *Mathematical Tools of Cluster Analysis* [Electronic resource]. *Scientific Research*. 2013. P. 814–816. URL: https://www.scirp.org/pdf/AM_2013052016333796.pdf (accessed: 18.03.2022).

About the authors:

Adam M. Titovich, 1st Year Postgraduate Student of the Program Political Problems of International Relations, Global and Regional Development of the Faculty of International Relations and Political Studies of North-West Institute of Management of RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation);
lutkof@hotmail.com

Andrey V. Toropygin, Professor of the Chair of International Relations of North-West Institute of Management of RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Political Sciences), Professor;
toropyginav@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0678-3347>

Политика стран ЕАЭС в области искусственного интеллекта

Выходец Р. С.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

e-mail: marketing812@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5910-9815>

РЕФЕРАТ

Настоящее исследование посвящено рассмотрению особенностей политики государств ЕАЭС в области искусственного интеллекта (ИИ) в контексте глобального технологического противоборства.

Цель. Выявить ключевые направления стратегии государств — членов ЕАЭС в области ИИ, а также определить приоритетные направления политики в данной сфере на союзном уровне.

Задачи. Проанализировать результаты развития индустрии ИИ в Армении, Беларуси, Казахстане, Кыргызстане и России, рассмотреть основные экономические показатели, достижения в области создания вычислительной инфраструктуры, развитии собственных научных исследований и разработок в сфере ИИ, выявить основные положения ключевых официальных документов государств — членов ЕАЭС в области ИИ. Выявить основные направления политики в области ИИ на союзном уровне.

Методология. Исследование официальных документов и на основе информационно-аналитических технологий, компаративный анализ, контент-анализ, индуктивный метод с применением подходов критической геополитики.

Результаты. Исследование показало, что для политики стран ЕАЭС в области ИИ характерна ориентация на внешние технологии и инвестиции, создание очагов технологического роста, во многом благодаря усилиям крупных коммерческих организаций, вокруг которых происходит выстраивание экосистемы ИИ, включающей инфраструктуру, образование и научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы. В условиях сравнительно небольших внутренних инвестиций внедрение результатов исследований и разработок в значительной степени связано с участием в международных аутсорсинговых проектах.

На фоне все более обостряющейся глобальной технологической конкуренции для ЕАЭС имеет первостепенное значение укрепление собственного технологического суверенитета и скорейшая выработка единой союзной политики в сфере наиболее передовых технологий, в том числе в области ИИ, в качестве концептуальной основы для развития двусторонних и многосторонних форматов сотрудничества как внутри самого ЕАЭС, так и с другими странами.

Выводы. Международное сотрудничество в высокотехнологичных сферах приобретает особую актуальность не только в контексте набирающего темпы перехода к новому технологическому укладу, но и на фоне обостряющихся тенденций декаплинга, концентрации технологий, ужесточения санкционной политики. Для ЕАЭС имеет приоритетное значение выработка единой политики в области ИИ, что будет способствовать интенсификации научно-технического сотрудничества, укреплению интеграционного потенциала и технологического суверенитета.

Ключевые слова: ЕАЭС, евразийская интеграция, искусственный интеллект, политика в области ИИ, информационное противоборство, технологический суверенитет, международное сотрудничество

Для цитирования: *Выходец Р. С.* Политика стран ЕАЭС в области искусственного интеллекта // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 3. С. 106–117.

The EAEU's AI Strategy

Roman S. Vykhodets

St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

e-mail: marketing812@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5910-9815>

ABSTRACT

This study is devoted to the consideration of the peculiarities of the policy of the EAEU states in the field of artificial intelligence (AI) in the context of global technological confrontation.

Aim. To identify the key directions of the strategy of the EAEU member states in the field of AI, as well as to identify priority policy directions in this area at the union level.

Tasks. To analyze the results of the development of the AI industry in Armenia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan and Russia, to consider the main economic indicators, achievements in the creation of computing infrastructure, the development of their own research and development in the field of AI, to identify the main provisions of the key official documents of the EAEU member states in the field of AI. To identify the main directions of AI policy at the Union level.

Methods. Research of official documents and on the basis of information and analytical technologies, comparative analysis, content analysis, inductive method using approaches of critical geopolitics.

Results. The study showed that the policy of the EAEU countries in the field of AI is characterized by a focus on external technologies and investments, the creation of hotbeds of technological growth, largely due to the efforts of large commercial organizations around which the AI ecosystem is being built, including infrastructure, education and R&D. In conditions of relatively small domestic investments, the implementation of research and development results is largely associated with participation in international outsourcing projects.

Against the background of increasingly escalating global technological competition, it is of paramount importance for the EAEU to strengthen its own technological sovereignty and to develop as soon as possible a unified union policy in the field of the most advanced technologies, including in the field of AI, as a conceptual basis for the development of bilateral and multilateral cooperation formats both within the EAEU itself and with other countries.

Conclusions. International cooperation in high-tech spheres is becoming particularly relevant not only in the context of the accelerating transition to a new technological order, but also against the background of escalating trends of decoupling, concentration of technologies, tightening of sanctions policy. For the EAEU, the development of a unified AI policy is of priority importance, which will contribute to the intensification of scientific and technical cooperation, strengthening integration potential and technological sovereignty.

Keywords: EAEU, Eurasian integration, artificial intelligence, AI policy, information warfare, technological sovereignty, international cooperation

For citing: Vykhodets R. S. The EAEU's AI Strategy // Eurasian integration: economics, law, politics. 2022. Vol. 16. No. 3. P. 106–117.

Введение

Современное становление нового технологического уклада обычно связывают с цифровизацией, которая во многом определяет вектор экономического и социально-политического развития [7]. Технологическое ядро данного процесса составляют мобильный интернет, миниатюрные производственные устройства, искусственный интеллект и обучающиеся машины [8, с. 12].

В настоящее время развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ), как одной из движущих сил нового технологического уклада, является приоритетным направлением политики многих государств

мира. По последним данным, уже 43 страны приняли национальные стратегии в области искусственного интеллекта и 14 ведут работу в этом направлении.

Таблица

Хронология публикации национальных ИИ-стратегий¹

Table. Timeline of publication of national AI strategies

Год	Государства
2017	Канада, Китай, ОАЭ, Финляндия, Япония
2018	Великобритания, Германия, Индия, Мексика, Франция, Швеция
2019	Дания, Катар, Колумбия, Литва, Люксембург, Мальта, Нидерланды, Португалия, Республика Корея, Россия, Сингапур, Словакия, США, Чехия, Эстония
2020	Болгария, Венгрия, Индонезия, Испания, Кипр, Латвия, Норвегия, Польша, Саудовская Аравия, Сербия
2021	Бразилия, Вьетнам, Ирландия, Италия, Словения, Турция, Чили
В разработке	Австралия, Австрия, Аргентина, Бельгия, Греция, Израиль, Кения, Малайзия, Новая Зеландия, Румыния, Тунис, Украина, Уругвай, Шри-Ланка

По прогнозам экспертов, объем рынка решений на основе ИИ к 2024 г. составит \$137 млрд², что обуславливает значительные инвестиции со стороны государств и частного сектора в эту сферу, сегодня общемировые инвестиции в ИИ оцениваются на уровне \$80 млрд в год³. Некоторые исследователи рассматривают технологии ИИ в качестве одного из драйверов экономического роста в XXI в. и подчеркивают их значение для развития местного, индивидуализированного и узкоспециализированного производства [10].

На международном уровне идет процесс формирования двух больших пространств политики в области ИИ. Первое пространство формируется по линии Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и объединяет крупнейших мировых лидеров в области ИИ с безусловным доминированием США и ЕС в области научных исследований, разработок, инфраструктуры, инвестиций и стандартов. Второе пространство опирается на технологическое и финансовое могущество Китая [1]. В него начинают втягиваться государства, для которых в условиях ужесточения санкционной политики резко сузился спектр возможностей для сотрудничества с западными странами, в их числе находится Россия и некоторые ее партнеры по ЕАЭС. Например, Россия активно сотрудничает с Китаем в создании сетей 5G, объединении возможностей спутниковых систем ГЛОНАСС и Baidu, развитии технологий ИИ [6, с. 45-48]. В мае 2018 г. Huawei опубликовала свои национальные приоритеты в области ИКТ для Республики Беларусь, включающие рекомендации по технологиям «общественной безопасности», таким как видеонаблюдение, беспилотники, системы идентификации статуса гражданина [9]. При этом некоторые государства-члены, например Армения, в большей степени тяготеют к большому пространству ОЭСР. Так, в сентябре 2019 г. президент Армении и директор по вопросам исследований, инноваций и технологий компании IBM в Италии подчеркнули большой потенциал для развития совместных проектов в сфере ИИ⁴.

Подобные процессы на фоне глобальной тенденции декаплинга (разделения) двух крупнейших экономик мира, Китая и США [4], в перспективе способны проявиться в виде центробежных сил внутри

¹ A European approach to Artificial Intelligence [Электронный ресурс] // European Commission website. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/strategy-artificial-intelligence> (дата обращения: 15.05.2022); The AI Index Report 2021 [Электронный ресурс] // Stanford University. URL: <https://aiindex.stanford.edu/report/> (дата обращения: 15.05.2022); Government AI Readiness Index 2021 [Электронный ресурс] // Oxford Insights. URL: <https://www.oxfordinsights.com/government-ai-readiness-index2021> (дата обращения: 15.05.2022).

² Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект» // Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: <https://digital.gov.ru/ru/documents/6658/> (дата обращения: 10.05.2022).

³ Worldwide VC investments in AI [Электронный ресурс] // OECD AI Policy Observatory. URL: <https://oecd.ai/en/data?selectedArea=investments-in-ai> (дата обращения: 17.05.2022).

⁴ Президент Армении и представитель IBM: потенциал Армении в области развития искусственного интеллекта велик [Электронный ресурс] // АМИ «Новости-Армения». URL: <https://newsarmenia.am/news/science/prezident-armenii-i-predstavitel-ibm-potentsial-armenii-v-oblasti-razvitiya-iskusstvennogo-intellekt/> (дата обращения: 06.05.2022).

ЕАЭС. В этой связи перед государствами-членами остро встает вопрос активизации научно-технического сотрудничества в целях укрепления внутреннего интеграционного потенциала и формирования общего технологического суверенитета в наиболее перспективных отраслях современной инновационной экономики, что позволит Союзу занять место одного из наиболее значимых центров развития современного мира. Развитие технологий ИИ является приоритетным направлением национальной политики государств — членов ЕАЭС.

Особенности национальной политики стран ЕАЭС в области искусственного интеллекта

Республика Армения

В 2019 г. в Ереване состоялось одно из крупнейших мероприятий мировой IT-индустрии, World Congress on Information Technology¹, которое во многом способствовало повышению интереса к развитию сферы высоких технологий в Армении. На государственном уровне данную сферу курирует Министерство высокотехнологичной промышленности², при этом следует подчеркнуть, что в настоящее время технологии ИИ не выделены в отдельное направление с государственным финансированием. Основные усилия концентрируются на развитии сотрудничества с лидерами мировой высокотехнологичной отрасли. К примеру, в 2019 г. свое представительство в Армении открыл крупный производитель микропроцессоров — Xilinx, в апреле 2022 г. появилась информация о создании в Армении исследовательского центра компании NVIDIA.

Существенное значение для развития сферы высоких технологий имеет социальный капитал армянской диаспоры. Так, несколько венчурных фондов специализируются на привлечении инвестиций в армянские высокотехнологичные стартапы, например, SmartGate VC (Кремниевая долина) помогает компаниям из Армении выйти на американский рынок; Hive Ventures (Кремниевая долина) инвестирует в стартапы, возглавляемые армянскими предпринимателями по всему миру; Granatus (Ереван) предоставляет ресурсы стартапам, использующим высокотехнологичный потенциал Армении.

Несмотря на отсутствие единой государственной политики в области ИИ, некоторые международные эксперты отмечают успехи Армении в развитии ИИ. Так, в международном рейтинге Government AI Readiness Index, включающем политические, инфраструктурные и технологические компоненты, страна занимает 76-е место в мире и 5-е среди государств Южной и Центральной Азии³.

В июне 2021 г. вице-премьер Армении Тигран Авилян выступил с программной статьей «Важность искусственного интеллекта в 21-м веке», в которой подчеркнул значение технологий ИИ для экономического и технологического прогресса страны, а также указал на необходимость разработки в Армении национальной стратегии в области ИИ, главными приоритетами которой является расширение роли ИИ в университетах; использование потенциала армянской диаспоры для налаживания сотрудничества с ведущими в этой области международными организациями; развитие государственно-частного партнерства и привлечение инвестиций; привлечение в страну высококвалифицированных специалистов; создание необходимой инфраструктуры и выработка единой государственной политики в области ИИ⁴.

Республика Беларусь

Как и в большинстве стран постсоветского пространства, развитие технологий ИИ в Беларуси не выделено в отдельное направление государственной научно-технической политики, а включено в более широкий спектр приоритетов высокотехнологичного развития. В Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г. внедрение разработок

¹ Впервые WCIT прошел в Армении [Электронный ресурс] // Armenian Global Community. URL: <https://armeniangc.com/2019/10/wcit2019-yerevan/> (дата обращения: 10.05.2022).

² Министерство высокотехнологичной промышленности Республики Армения [Электронный ресурс] // Ministry of high-tech industry of the Republic of Armenia. URL: <https://hti.am/> (дата обращения: 10.05.2022).

³ Government AI Readiness Index 2021 [Электронный ресурс] // Oxford Insights. URL: <https://www.oxfordinsights.com/government-ai-readiness-index2021> (дата обращения: 15.05.2022).

⁴ Тигран Авилян: Стратегия искусственного интеллекта для Армении // Сайт Правительства Республики Армения. URL: <https://www.gov.am/ru/news/item/9890/> (дата обращения: 11.05.2022).

в области ИИ рассматривается как основа формирования новых отраслей промышленности и одна из среднесрочных задач развития IT-сектора¹.

Крупнейшими в стране центрами компетенций в области ИИ являются Национальная академия наук Беларуси, Белорусский государственный университет, Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники. В частности, в 2015 г. на базе Объединенного института проблем информатики и Института физиологии НАН Беларуси организован Межведомственный исследовательский центр ИИ, который объединяет усилия специалистов из разных областей для создания передовых и конкурентоспособных технологий ИИ, а также выполнения научно-исследовательских проектов в области ИИ, реализуемых как в рамках государственных программ, так и с привлечением негосударственных инвестиций². По имеющимся на сегодняшний день данным, по количеству научных публикаций Беларусь занимает 83-е место в мире, среди стран СНГ уступая лишь России и Казахстану³.

Важным драйвером развития технологий ИИ в Беларуси выступают индустриальные парки, предлагающие особые экономические условия для высокотехнологичных компаний. Так, например, Парк высоких технологий, один из ведущих IT-кластеров Центральной и Восточной Европы⁴, а также белорусско-китайский индустриальный парк «Великий камень»⁵ в числе своих резидентов имеют мощное представительство компаний, ведущих разработки в области ИИ, а также реализуют ряд программ в сфере образования, что, по мнению исследователей, создает основу для сопряжения белорусского сектора высоких технологий с интеграционными проектами Большой Евразии [3].

Создание особых экономических условий для ведения бизнеса в совокупности с развитием национального кадрового потенциала дают серьезный импульс развитию белорусским стартапам в области ИИ, а также привлечению инвестиций в высокотехнологичный сектор. Существенную роль в этом направлении сыграл Декрет президента «О развитии цифровой экономики», который установил принцип экстерриториальности и специальный правовой режим для IT-компаний⁶. В 2018 г. в Беларуси был основан фонд Vulba Ventures, специализирующийся на ИИ и машинном обучении, крупные зарубежные компании, такие как Profitero, IHS Markit, Work Fusion, «Яндекс», Teqniksoft, открыли в Беларуси свои представительства, ряд белорусских разработок на основе ИИ нашли применение на международном уровне в области здравоохранения, автомобильной промышленности, сельского хозяйства. Например, стартап OneSoil помогает дистанционно следить за посевами, повышать урожайность, снижать затраты на семена и удобрения.

В целом политику Беларуси в области развития технологий ИИ характеризует нацеленность на развитие национальных компетенций в этой сфере, привлечение иностранных инвестиций путем создания особых экономических условий, что в совокупности способствует экспортоориентированности белорусского ИИ-сектора и укреплению его позиций в пространстве международного аутсорсинга.

Республика Казахстан

Развитие технологий ИИ в Казахстане является частью комплексной государственной стратегии по цифровизации промышленности, впервые озвученной Н. А. Назарбаевым в 2017 г. в послании народу. В декабре этого же года правительством страны была утверждена, рассчитанная на период 2018–2022 гг., программа «Цифровой Казахстан», которая определила основы государственной политики

¹ Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: <https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf> (дата обращения: 11.05.2022).

² Межведомственный исследовательский центр искусственного интеллекта [Электронный ресурс] // ОИПИ НАН Беларуси. URL: <http://uiip.bas-net.by/intellekt/> (дата обращения: 11.05.2022).

³ Scimago Journal & Country Rank [Электронный ресурс] // Лаборатория Scimago. URL: <https://www.scimagojr.com/countryrank.php?category=1702> (дата обращения: 11.05.2022).

⁴ Парк высоких технологий [Электронный ресурс] // НТР Belarus. URL: <https://park.by/> (дата обращения: 10.05.2022).

⁵ Индустриальный парк «Великий камень» [Электронный ресурс] // Great Stone. URL: <https://industrialpark.by/> (дата обращения: 10.05.2022).

⁶ Декрет президента «О развитии цифровой экономики» № 8 от 21 декабря 2017 г. [Электронный ресурс] // Сайт Президента Республики Беларусь. URL: <https://president.gov.by/ru/documents/dekret-8-ot-21-dekabrya-2017-g-17716> (дата обращения: 10.05.2022).

в области развития индустрии 4.0¹. Главной целью программы является переход экономики Казахстана на принципиально новую траекторию развития, обеспечивающую создание цифровой экономики будущего в долгосрочной перспективе. Существенная роль в этом процессе отводится технологиям ИИ. В частности, ожидается, что внедрение систем на основе ИИ в значительной степени ускорит модернизацию добывающего и обрабатывающего секторов, здравоохранения, оказания государственных услуг, будет способствовать развитию «умной» городской инфраструктуры.

Совокупный объем государственных и частных инвестиций в рамках программы запланирован на уровне 278 млрд тенге (около 44 млрд руб.), прямой экономический эффект от ее реализации к 2025 г. оценивается на уровне 1,7–2,2 трлн тенге (270–350 млрд руб.), при этом Big Data и технологии ИИ являются одним из 12 направлений, с которыми связывается наибольший прирост добавочной стоимости².

Главным центром научных исследований и разработок в области ИИ Казахстана является Назарбаев Университет, в котором в сентябре 2019 г. создан Институт умных систем и искусственного интеллекта (ISSAI), который координирует усилия казахстанских исследователей и разработчиков, содействует внедрению технологий ИИ в промышленности, реализует ряд образовательных программ и стажировок³. По последним данным, по числу публикаций, связанных с ИИ, Казахстан занимает 76-е место в мире, среди стран ЕАЭС уступая только России (20-е место)⁴.

Как и во многих других странах, в Казахстане роль локомотивов в развитии технологий ИИ играют крупные коммерческие организации, которые обладают достаточным количеством ресурсов, необходимых для реализации проектов по цифровой трансформации. При этом на уровне политического управления и официальной статистики внедрение в производственные процессы систем на основе ИИ рассматривается в общем комплексе процессов цифровизации производств. По официальным данным, сегодня горно-металлургический комплекс является в стране безусловным лидером цифровой трансформации. Так, к настоящему моменту 13 крупных предприятий горнодобывающей промышленности завершили 20 проектов по внедрению Индустрии 4.0 на общую сумму 88,7 млрд тенге. Кроме того, Министерство индустрии и инфраструктурного развития РК реализует проект по созданию семи модельных цифровых фабрик на базе АО «АК Алтыналмас», АО «Евразиян Фудс», АО «Кентауский трансформаторный завод», АО «Химфарм», ТОО «Карлскрона», ТОО «Балтекстиль», ТОО «Алматинский вентиляторный завод» с целью демонстрации эффектов от внедрения новых цифровых технологий. Указанные компании уже реализовали 14 проектов в этой сфере на 7,5 млрд тенге, которые позволили не только увеличить собственную прибыль за счет снижения себестоимости и роста производительности труда, но и выйти на новый технологический уровень развития, а также встроиться в глобальные цепочки добавленной стоимости⁵.

В целом за последние пять лет Казахстан сумел серьезно продвинуться в сфере развития и внедрения наиболее передовых технологий, которые находятся в центре государственной научно-технической политики и объектов повышенного внимания высшего руководства страны. В 2020 г. президент К.-Ж. Токаев в своем выступлении на международной конференции Artificial Intelligence Journey определил развитие технологий ИИ и анализа больших данных в качестве одного из основных приоритетов развития⁶. Международные эксперты также достаточно высоко оценивают успехи Казахстана

¹ Постановление Правительства Республики Казахстан от 12.12.17 № 827 [Электронный ресурс] // Министерство цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности. URL: <https://digitalkz.kz/wp-content/uploads/2020/03/%D0%A6%D0%9A-%D1%80%D1%83%D1%81.pdf> (дата обращения: 11.05.2022).

² Там же.

³ ISSAI [Электронный ресурс] // Institute of Smart Systems and Artificial Intelligence. URL: <https://issai.nu.edu.kz/> (дата обращения: 11.05.2022).

⁴ Scimago Journal & Country Rank [Электронный ресурс] // Лаборатория Scimago. URL: <https://www.scimagojr.com/countryrank.php?category=1702> (дата обращения: 12.05.2022).

⁵ Искусственный интеллект и цифровые фабрики: как внедряются элементы Индустрии 4.0 на казахстанских предприятиях [Электронный ресурс] // Официальный информационный ресурс премьер-министра Республики Казахстан. URL: <https://primeminister.kz/ru/news/reviews/iskusstvennyy-intellekt-i-cifrovye-fabriki-kak-vnedryayutsya-elementy-industrii-4-0-na-kazahstanskih-predpriyatiyah> (дата обращения: 11.05.2022).

⁶ Токаев оценил возможности искусственного интеллекта [Электронный ресурс] // Zakon.kz. URL: <https://www.zakon.kz/5050000-tokaev-otsenil-vozmozhnosti.html> (дата обращения: 11.05.2022).

в области ИИ, в 2021 г. в уже упоминавшемся Government AI Readiness Index он занимает третье место среди государств Южной и Центральной Азии, уступая лишь Индии и Турции¹.

Кыргызская Республика

Развитие технологий ИИ в Кыргызстане носит точечный характер, благодаря усилиям, прежде всего, отдельных коммерческих компаний. Так, в 2021 г. компания «УлутСофт» разработала и запустила мобильное приложение с элементами ИИ, предназначенное для поиска работы². Годом ранее государственная организация «Кыргызтест» совместно с компанией «УлутСофт» объявили о начале работ над проектом на основе ИИ по распознаванию текстов на киргизском языке и преобразованию их в речь, который планируется завершить в 2023 г.³

Следует при этом указать, что в Кыргызстане отсутствует целостная государственная политика в области ИИ. Например, в Национальной стратегии развития Кыргызской Республики⁴ технологии ИИ не упоминаются ни разу. Однако в мае 2022 г. появилась информация о разработке проекта закона Кыргызской Республики «О парке креативных индустрий»⁵, который определяет порядок функционирования Парка креативных индустрий, его органов управления, резидентов, основные принципы формирования режима Парка креативных индустрий, включая основные принципы налогообложения резидентов. К одной из креативных индустрий документ относит программирование, разработку IT-продуктов, робототехнику и ИИ.

Российская Федерация

Россия единственная среди стран — участниц ЕАЭС в 2019 г. утвердила национальную стратегию в области ИИ, которая заложила основы национальной политики в данной сфере и обозначила приоритетные направления развития технологий ИИ в экономике и социальной сфере. Основными задачами развития ИИ являются поддержка научных исследований, разработка и развитие программного обеспечения, повышение доступности и качества данных, развитие кадрового потенциала, создание комплексной системы регулирования общественных отношений, возникающих в результате внедрения технологий ИИ⁶. В дополнение к ней в 2020 г. разработан и принят Федеральный проект «Искусственный интеллект», содержащий дорожную карту конкретных мероприятий и плановые ключевые показатели до 2024 г. Согласно документам, Россия должна занять одну из ведущих позиций в мире в этой сфере. Предполагается, что к 2024 г. Россия значительно улучшит позиции в развитии технологий ИИ, а к 2030 г. ликвидирует отставание от развитых стран и добьется мирового лидерства в отдельных направлениях, связанных с ИИ. Что касается плановых экономических показателей, то к 2030 г. доля ИИ в российском ВВП должна составить 3,6%, что на 1% больше прогнозного общемирового значения⁷.

К настоящему времени в России сформировался круг учебных заведений и крупных компаний, которые являются драйверами роста технологий ИИ. Так, Правительством РФ определены шесть исследовательских центров в сфере ИИ: Сколковский институт науки и технологий, МФТИ, Высшая школа

¹ Government AI Readiness Index 2021 [Электронный ресурс] // Oxford Insights. URL: <https://www.oxfordinsights.com/government-ai-readiness-index2021> (дата обращения: 15.05.2022).

² В Кыргызстане запустили мобильное приложение для поиска работы с элементами искусственного интеллекта [Электронный ресурс] // Финансовое издание Economist. URL: <https://economist.kg/novosti/2021/05/11/v-kyrgyzstane-mobilnoe-prilozhenie-dlya-poiska-raboty-c-elementami-iskusstvennogo-intellekta/> (дата обращения: 14.05.2022).

³ К 2023 году в КР появится искусственный интеллект, обрабатывающий информацию на госязыке [Электронный ресурс] // КНИА КАБАР. URL: <https://kabar.kg/news/k-2023-godu-v-kr-poiavitsia-iskusstvennyi-intellekt-obrabatyvaiushchii-informatciiu-na-gosiazyke/> (дата обращения: 14.05.2022).

⁴ Национальная стратегия развития Кыргызской Республики на 2018–2040 годы [Электронный ресурс]. URL: <http://mineconom.gov.kg/storage/directs/documents/209/15421950795bec078718fff.pdf> (дата обращения: 14.05.2022).

⁵ Проект закона Кыргызской Республики «О парке креативных индустрий» [Электронный ресурс] // Единый портал общественного обсуждения проектов нормативных правовых актов Кыргызской Республики. URL: <http://koomtalkuu.gov.kg/ru/view-npa/1721> (дата обращения: 14.05.2022).

⁶ Указ Президента РФ «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» №490 от 10.10.2019 [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/AN4x6HNgKwANwVtMOfPDhcbRpdv1HCCsv.pdf> (дата обращения: 10.05.2022).

⁷ Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: <https://digital.gov.ru/ru/documents/?directions=1046> (дата обращения: 10.05.2022).

экономики, ИТМО, Университет Иннополис, Институт системного программирования РАН. Данные организации получают 900 млн руб. бюджетного финансирования до 2024 г. для проведения НИОКР и создания прикладных решений в области ИИ. Основные компетенции сосредоточены в таких компаниях, как Сбербанк, Яндекс, InfoWatch, «Лаборатория Касперского», МТС, «Газпром нефть» и ряде других. Российскими разработчиками созданы отдельные продукты на основе ИИ мирового уровня: голосовой помощник Яндекса «Алиса», виртуальный ассистент «Салют» и решение по распознаванию речи SmartSpeech от Сбербанка, «Цифровая нефть» и «Когнитивный геолог» от ПАО «Газпром нефть»¹.

На сегодняшний день, по оценкам международных экспертов, Россия демонстрирует средние показатели в развитии технологий ИИ. Например, в AI Index Стэнфордского университета в 2021 г. Россия занимает 13-е место среди 29 стран, имеющих наиболее высокие показатели в мире в данной области². Вклад российских исследователей в общемировой объем научных публикаций по технологиям ИИ находится на уровне 1,3%, доля патентных заявок — 0,2%³, доля России в общемировом рынке технологий ИИ составляет примерно 0,2%⁴.

На пути к единой политике ЕАЭС в области искусственного интеллекта

На фоне мировых лидеров позиции ЕАЭС в области ИИ выглядят достаточно скромно. На союзном уровне политика в данной сфере находится на зачаточном уровне, а также практически отсутствуют совместные инвестиции и многосторонние проекты в области исследований и разработок. Если обратиться к данным по количеству научных публикаций в области ИИ за 2021 г., совокупные показатели стран ЕАЭС равняются 740 публикациям, почти 90% которых приходится на Россию. Лидеры по данному показателю: Китай — около 20 тыс. публикаций, США — 8,4 тыс., Индия — 4,286 тыс. Примечательно, что доля публикаций в области ИИ исследователей из стран ЕАЭС в общемировом объеме более чем в два раза ниже аналогичного значения по всем научным областям: 1,08% и 2,7% соответственно⁵. Статистически значимое в мировом масштабе количество патентных заявок по ИИ среди стран ЕАЭС демонстрирует только Россия. Целевые объемы инвестиций в ИИ также обозначила только Россия, в федеральном бюджете на 2022–2024 гг. на госфинансирование федерального проекта «Искусственный интеллект» запланировано 18 млрд руб. на три года⁶, что составляет примерно 0,7% в годовом объеме мировых инвестиций в этой сфере.

В целом для политики стран ЕАЭС в области ИИ характерна ориентация на внешние технологии и инвестиции, создание очагов технологического роста, во многом благодаря усилиям крупных коммерческих организаций, вокруг которых происходит выстраивание экосистемы ИИ, включающей инфраструктуру, образование и НИОКР. В условиях сравнительно небольших внутренних инвестиций внедрение результатов исследований и разработок в значительной степени связано с участием в международных аутсорсинговых проектах.

На фоне все более обостряющейся глобальной технологической конкуренции для ЕАЭС имеет первостепенное значение укрепление собственного технологического суверенитета и скорейшая выработка единой союзной политики в сфере наиболее передовых технологий, в том числе в области ИИ, в качестве концептуальной основы для развития двусторонних и многосторонних форматов сотрудничества как внутри самого ЕАЭС, так и с другими странами. Мировые лидеры активно используют

¹ Развитие отдельных высоко технологичных направлений: Белая книга. Москва: НИУ «Высшая школа экономики», 2022 [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/ba6a7585c4b23c85931aaee99682ad30/belaya_kniga_2022.pdf (дата обращения: 21.02.2022).

² Artificial Intelligence Index [Электронный ресурс] // Stanford University. URL: <https://aiindex.stanford.edu/vibrancy/> (дата обращения: 14.05.2022).

³ Там же.

⁴ Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: <https://digital.gov.ru/ru/documents/6658/> (дата обращения: 10.05.2022).

⁵ Scimago Journal & Country Rank [Электронный ресурс] // Лаборатория Scimago. URL: <https://www.scimagojr.com/countryrank.php?category=1702> (дата обращения: 12.05.2022).

⁶ Законопроект № 1258295-7 «О федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов» [Электронный ресурс] // СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1258295-7> (дата обращения: 14.05.2022).

политику в области ИИ в качестве инструмента для расширения интеграционной повестки и, как следствие, интенсификации интеграции в наиболее перспективных высокотехнологичных сферах, усиливая вовлеченность в них все большего количества заинтересованных сторон. Например, в ЕС с 2021 г. идет процесс построения общеевропейской сети центров передового опыта в области ИИ с целью объединения ресурсов европейских исследовательских организаций и согласования усилий государств-членов в области ИИ¹.

Следует отметить, что в последние годы наблюдаются позитивные сдвиги по включению в интеграционную повестку ЕАЭС коллективных действий в сфере инновационного развития. С февраля 2018 г. в рамках Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) действует экспертная площадка по экономике данных и регулированию оборота данных. Предполагается, что одним из направлений ее работы станет разработка стратегии ЕАЭС для развития технологий ИИ².

11 декабря 2020 г. в Минске главы государств ЕАЭС утвердили Стратегию развития евразийской экономической интеграции до 2025 г.³, которая призвана содействовать переходу на инновационный путь развития, предполагающий повышение инвестиционной активности и модернизацию экономик государств-членов на основе нового технологического уклада. Главные приоритеты такого перехода связаны с развитием цифровых экосистем и наращиванием научно-технического потенциала ЕАЭС, включающего совместные инновационные программы и инвестиционные проекты. Отдельное стратегическое направление посвящено объединению усилий в области научно-исследовательского сотрудничества для стимулирования совместного научно-технологического и инновационного развития. По мнению С. Ю. Глазьева, расширение интеграционной повестки инновационными приоритетами Стратегии обеспечивает принципиально иное качество единого экономического пространства, выражает его внутреннюю состоятельность и конкурентоспособность, способствует упрочению связей с третьими странами в процессе формирования Большого Евразийского партнерства [2]. Некоторые авторы в контексте решения задач инновационного развития ЕАЭС подчеркивают особое значение новых направлений кооперации в отраслях, отличающихся и высокой производительностью труда, и высокой долей интеллектуальной составляющей, включая привлекательные для инвесторов, прежде всего речь идет о роботизации, биотехнологиях, ИИ [5]. Наиболее перспективные проекты активно прорабатываются на уровне ЕЭК. Например, в апреле 2022 г. анонсировано создание совместимых национальных телемедицинских систем с ИИ⁴.

Заключение

Таким образом, для ЕАЭС имеет приоритетное значение выработка единой политики в области ИИ, что будет способствовать интенсификации научно-технического сотрудничества, укреплению интеграционного потенциала и технологического суверенитета. Последнее крайне важно в условиях обострения на глобальном уровне санкционной политики, поскольку включение в международные высокотехнологичные цепочки создания добавочной стоимости предполагает наличие национальной кадровой и научно-исследовательской базы. Кроме того, тяготение многих стран ЕАЭС к китайскому пространству ИИ, в рамках общего усиления сопряжения ЕАЭС с проектом «Один пояс — один путь», в совокупности с тотальным превосходством Китая в области ИИ увеличивает риски усиления зависимости от импорта китайский высоких технологий, преодолеть которые возможно только с помощью сложения ресурсов и эффективной координации совместных усилий на уровне ЕАЭС.

¹ Fostering a European approach to Artificial Intelligence. COM(2021) 205. Brussels. 21.04.2021 [Электронный ресурс] // European Commission website. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/strategy-artificial-intelligence> (дата обращения: 15.05.2022).

² Сборник «Цифровая повестка ЕАЭС 2016–2019–2025». М. : ЕЭК, 2019. С. 137.

³ Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.12.2020 № 12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года» [Электронный ресурс] // Сайт Евразийской экономической комиссии. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/departament/dep_razv_integr/strategicheskie-napravleniya-razvitiya.php (дата обращения: 06.05.2022).

⁴ Заседание Президиума Научно-технического совета при Председателе Коллегии ЕЭК [Электронный ресурс] // Сайт Евразийской экономической комиссии. URL: https://eec.eaeunion.org/news/events/zasedanie-prezidiuma-nauchno-tehnicheskogo-soveta-pri-predsedeatеле-kolleгии-eek/?sphrase_id=98717 (дата обращения: 15.05.2022).

Следует подчеркнуть, что для России выработка единой политики ЕАЭС в высокотехнологичной сфере в условиях санкций приобретает также инструментально-тактическое значение. После начала специальной военной операции на территории Украины Россия стала мировым лидером по количеству введенных против нее ограничений. По состоянию на 08.08.2022 г. общее количество санкций против России (со стороны Австралии, Канады, ЕС, Франции, Швейцарии, Великобритании и США, не считая Японии) достигло 10940¹. Однако, по мнению ряда зарубежных источников, Россия активно ведет антисанкционную политику. Так, по мнению профессора Университета Дьюка и Чикагского совета по глобальным вопросам Брюса У. Джентлсона, «Россия взяла на вооружение три основных стратегии защиты от санкций, чтобы уменьшить издержки. Это поиск альтернативных торговых партнеров, подрыв международных санкций и компенсационные уловки»², а вице-президент Китайского общества международных отношений Лю Цзюнь и Цуй Вэнь из Восточно-Китайского педагогического университета дали довольно оптимистичный прогноз ослабления деструктивной силы западных ограничений по отношению к России, которой предстоит «стать инициатором, приспособиться к санкциям и обратить их против тех, кто их налагает, а также использовать эти ограничения как возможность для совершения нового рывка вперед»³.

Российский высокотехнологичный сектор также оказался под ударом, что отягощает и без того существующее отставание в передовых технологиях и зависимость в электронно-компонентной базе. В частности, Intel и AMD приостановили импорт в Россию микропроцессоров⁴, также о присоединении к западным санкциям объявил крупнейший в мире производитель полупроводников и микросхем тайваньская TSMC⁵. В ответ на эти и другие ограничения в мае 2022 г. Правительство РФ приняло Постановление о так называемом «параллельном импорте» отдельных видов продукции, которое распространяется также на импорт полупроводников и микросхем⁶. Кроме того, наблюдается отток высококвалифицированных IT-специалистов из России, вопрос о возвращении которых в будущем, по мнению отдельных экспертов, пока не имеет ответа⁷. Оперативно компенсировать возникшие кадровые потери возможно только за счет привлечения специалистов из стран ЕАЭС. Однако при этом объективно усиливается зависимость России от воли и политических решений третьих стран, в том числе партнеров по ЕАЭС. Поэтому укрепление политического единства Союза в сложившихся условиях приобретает крайне важное значение. И в этом смысле выработка единой политики в области ИИ является достаточно эффективным инструментом, поскольку позволяет увязать интеграционные процессы с глобальными трендами технологического развития, закрепить национальные интересы государств с помощью совместных инвестиций в передовые технологии, расширить возможности совместного участия в международных цепочках создания добавленной стоимости, прежде всего в рамках Большого Евразийского партнерства.

Литература

1. *Выходец Р.С.* Большие ИИ-пространства и стратегия России в условиях санкционной войны // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. № 2. С. 256–270. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-2-256-270

¹ Russia Sanctions Dashboard [Электронный ресурс] // Castellum.AI. URL: <https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard> (дата обращения: 15.08.2022).

² Брюс Джентлсон. Кто побеждает в санкционной войне? [Электронный ресурс] // ИноСМИ.RU. URL: <https://inosmi.ru/20220822/sanktsii-255610745.html> (дата обращения: 22.08.2022).

³ Лю Цзюнь, Цуй Вэнь. На фоне западных санкций Россия превращает кризис в «возможность» [Электронный ресурс] // ИноСМИ.RU. URL: <https://inosmi.ru/20220824/sanktsii-255637023.html> (дата обращения: 22.08.2022).

⁴ Интегральный исход: AMD и Intel приостановили поставки своей продукции на территорию России [Электронный ресурс] // РБК. 27.02.2022. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/27/02/2022/621a7f4f9a79473d8899b18d (дата обращения: 15.05.2022).

⁵ Санкционный занавес: какие ограничения на импорт технологий ждут Россию [Электронный ресурс] // Интерфакс. 25.02.2022. URL: <https://www.interfax.ru/digital/824627> (дата обращения: 28.04.2022).

⁶ Постановление от 29 марта 2022 г. № 506 [Электронный ресурс] // Сайт Правительства России. URL: <http://government.ru/docs/44987/> (дата обращения: 16.05.2022).

⁷ Касперская: Россию покинул «табун» IT-специалистов [Электронный ресурс] // Газета.ru. 22.03.2022. URL: <https://www.gazeta.ru/tech/news/2022/03/22/17460589.shtml> (дата обращения: 22.03.2022).

2. Глазьев С. Ю. ЕАЭС: от политики Status quo к сценарию «Собственный центр силы» // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. № 1. С. 11–14. DOI: 10.22394/2073-2929-2021-01-11-14
3. Енин Ю. И., Кохно П. А. Китайско-белорусский «Индустриальный парк «Великий камень» как специальная зона экономического роста страны и ее региона // Общество и экономика. 2018. № 12. С. 77–87 DOI: 10.31857/S020736760002817-7
4. Лексютин Я. В. Американо-китайские отношения в 2018–2019 гг.: торговая война и процесс декаплинга // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 6. С. 85–93. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-85-93
5. Мясникович М. В., Ковалев В. С. Практические результаты и новые горизонты евразийской интеграции // Международная жизнь. 2021. № 11. С. 1–15.
6. Хейфец Б. А. Каким маршрутом пойдет Россия по одному непростому китайскому пути (научный доклад). М. : Институт экономики РАН, 2020. 62 с.
7. Хотулев А. С. Цифровизация как глобальный процесс: социально-экономические и политические проблемы // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. 2021. № 3. С. 50–66.
8. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М., Эксмо, 2016. 138 с.
9. Cave D., Ryan F., Xu V. X. Mapping more of China's Tech Giants: AI and surveillance [Электронный ресурс] // Australian Strategic Policy Institute. November 28, 2019. URL: www.aspi.org.au/report/mapping-more-chinas-tech-giants (дата обращения: 17.04.2022).
10. Global System on the Brink: Pathways toward a New Normal / Dynkin A., Burrows M. eds. Moscow, Primakov IMEMO, 2016. 21 p.

Об авторе:

Выходец Роман Сергеевич, доцент кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат философских наук, доцент; marketing812@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5910-9815>

References

1. Vykhodets R. S. Large AI spaces and Russia's strategy in the context of the "Sanctions War". *Bulletin RUDN. International Relations* [Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya]. 2022. Vol. 2. No. 2. P. 256–270. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-2-256-270 (In Rus.)
2. Glazeyev S. Yu. The EAEU: from the Status quo policy to the "Own Center of Power" scenario. *Eurasian integration: Economics, Law, Politics* [Evrazijskaya integraciya: ekonomika, pravo, politika]. 2021. No. 1. P. 11–14. DOI: 10.22394/2073-2929-2021-01-11-14 (In Rus.)
3. Enin Yu. I., Kohno P. A. The Chinese-Belarusian "Great Stone Industrial Park" as a special economic growth zone of the country and its region. *Society and Economy* [Obshchestvo i ekonomika]. 2018. No. 12. P. 77–87. DOI: 10.31857/S020736760002817-7 (In Rus.)
4. Leksutina Ya. V. US-China Relations in 2018-2019: Trade War and Decoupling Process. *World Economy and International Relations* [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]. 2020. Vol. 64. No. 6. P. 85–93. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-85-93 (In Rus.)
5. Myasnikovich M. V., Kovalev V. S. Practical results and new horizons of Eurasian integration. *International Life* [Mezhdunarodnaya zhizn']. 2021. No. 11. P. 1–15. (In Rus.)
6. Heyfec B. A. *What route will Russia take along one difficult Chinese path* (scientific report). Moscow : Institute of Economics RAS, 2020. 62 p. (In Rus.)

7. Hotulev A. S. 2021. Digitalization as a global process: socio-economic and political problems. *Bulletin of the Moscow University. Series 27. Globalistics and Geopolitics* [Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 27. Globalistika i geopolitika] 2021. No. 3. P. 50–66 (In Rus.)
8. Schwab K. *The Fourth Industrial Revolution*. Moscow, Eksmo, 2016. 138 p. (In Rus.)
9. Cave D., Ryan F., Xu V. X. *Mapping more of China's Tech Giants: AI and surveillance* [Electronic resource]. Australian Strategic Policy Institute. November 28, 2019. URL: www.aspi.org.au/report/mapping-more-chinas-tech-giants (accessed: 17.04.2022).
10. *Global System on the Brink: Pathways toward a New Normal*. Dynkin A., Burrows M. eds. Moscow, Primakov IMEMO, 2016. 21 p.

About the author:

Roman S. Vykhodets, Associate Professor of the Department of Theory and History of International Relations, St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Philosophy, Associate Professor;
marketing812@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5910-9815>

Противодействие экстремизму и терроризму в молодежной среде — эпоха цифровизации

Долженкова Е.^{1,*}, Мохорова А. Ю.², Даньшина Н. А.¹, Клиницкий А. И.¹

¹ Высшая школа юриспруденции и судебно-технической экспертизы Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация

* e-mail: skinx@inbox.lv

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0261-763X>

² Высшая школа международных отношений Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9161-6959>

РЕФЕРАТ

В основе настоящего исследования лежит тезис о том, что обеспечение благоприятной общественно-политической обстановки является одной из приоритетных задач как общества в целом, так и правоохранительных органов государства. Исследование направлено на изучение положения молодых людей, как наиболее уязвимых представителей общества перед лицом опасных идеологических явлений, неспособных противостоять данным вызовам.

Цель. Определить меры, способные противодействовать экстремизму и терроризму в цифровом пространстве среди молодежи.

Задачи. Рассмотреть действующее законодательство Российской Федерации, документы, на основе которых проводится просветительская и профориентационная деятельность среди молодого поколения. Изучить практику применения мер, направленных на противодействие экстремизму и терроризму. Оценить применяемые на практике меры и сделать предложения по их улучшению и актуализации.

Методология. Анализируются действующие нормативно-правовые акты, которые применяются в реализации образовательных программ противодействия экстремизму и терроризму. Также рассмотрению подлежат профориентированные практики, программы высшего и дополнительного образования, применяемые на территории Российской Федерации.

Результаты. В рамках высших учебных заведений проводится активная работа со студентами, которая выражается как в подготовке научно-педагогических кадров для последующей работы со студентами, так и организуются информационные и дискуссионные площадки. Особое внимание уделяется работе по вовлечению студентов в практическую деятельность в рамках обеспечения безопасности.

Выводы. Информационно-просветительская работа с молодежью в рамках противодействия экстремизму и терроризму проводится в достаточном объеме. Но меры, способные обеспечить безопасность молодого поколения в сети Интернет, не являются достаточными, что представляется возможным восполнить благодаря созданию и распространению практик кибердружин и вовлечению студентов в работу с цифровыми площадками под руководством наставников из числа научно-педагогических кадров учебных заведений.

Ключевые слова: экстремистская идеология, законодательная практика, молодое поколение, образование, профориентированная практика, кибердружина

Для цитирования: Долженкова Е., Мохорова А. Ю., Даньшина Н. А., Клиницкий А. И. Противодействие экстремизму и терроризму в молодежной среде — эпоха цифровизации // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 3. С. Р. 118–125.

Countering Extremism and Terrorism Among Youth — the Age of Digitalization

Ekaterina Dolzhenkova^{a,*}, Anna Yu. Mokhorova^b, Natalya A. Danshina^a, Artem I. Kliniskiy^a

^a Higher School of Law and Forensic Technical Expertise, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russian Federation

* e-mail: skinx@inbox.lv

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0261-763X>

^b Higher School of International Relations, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9161-6959>

ABSTRACT

This study is based on the thesis that ensuring a favorable socio-political environment is one of the priority tasks of both society as a whole and law enforcement agencies of the state. The study is aimed at studying the situation of young people as the most vulnerable representatives of society in the face of dangerous ideological phenomena, unable to withstand these challenges.

Aim. Identify measures that can counteract extremism and terrorism in the digital space among young people.

Tasks. Consider the current legislation of the Russian Federation, on the basis of which educational and career guidance activities are carried out among the younger generation. To study the practice of applying measures aimed at countering extremism and terrorism. Evaluate the measures applied in practice and make suggestions for their improvement and updating.

Methods. The current regulatory legal acts that are used in the implementation of educational programs to counter extremism and terrorism are analyzed. Career-oriented practices, programs of higher and additional education applied on the territory of the Russian Federation are also subject to consideration.

Results. Within the framework of higher educational institutions, active work is carried out with students, which is expressed both in the preparation of scientific and pedagogical personnel for subsequent work with students, and information and discussion platforms are organized. Particular attention is paid to the work to involve students in practical activities in the framework of security.

Conclusions. Information and educational work with young people in the framework of countering extremism and terrorism is carried out in sufficient volume. But the measures that can ensure the safety of the younger generation on the Internet are not sufficient, which it seems possible to make up for by creating and spreading the practices of cyber teams and involving students in working with digital platforms under the guidance of mentors from among the scientific and pedagogical staff of educational institutions.

Keywords: extremist ideology, legislative practice, young generation, education, career-oriented practice, cyber squad

For citing: Dolzhenkova E., Mokhorova A. Yu., Danshina N. A., Kliniskiy A. I. Countering Extremism and Terrorism Among Youth — the Age of Digitalization // Eurasian Integration: economics, law, politics. 2022. Vol. 16. No. 3. P. 118–125.

Введение

Социально-политическая действительность, которая включает в себя настроения отдельных групп, играет важную роль в безопасности отдельных регионов и государств. Современный период времени характеризуется наличием увеличивающихся и усложняющихся потоков информации. Наиболее уязвимые категории населения перед информационными массивами, содержащими также экстремистский

и террористический характер, это молодое поколение ввиду недостаточности знаний, жизненного опыта и формирующегося мировоззрения. Эти и другие факторы влияют на потребление ими информации и на принятие тех или иных решений.

Если подростки и молодые люди оказываются в быстроменяющемся мире без внимания лиц, способных им объяснить последствия их действий, это может повлечь за собой угрозу не только им самим, но и социуму, в котором они находятся.

Борьба с терроризмом и экстремизмом, которой уделяется большое внимание со стороны государства, является одной из основ поддержания стабильности и безопасности общества. Причин распространения опасной идеологии множество, некоторые из них зависят от миграционных процессов, которые могут повлечь за собой распространение информации экстремистского характера [1]. Здесь необходимо обратить внимание на регионы, из которых происходят основные миграционные потоки. Другие же порождаются и распространяются посредством безграничного пространства сети Интернет среди молодежных групп [9], которые не обладают достаточным правосознанием и правовой культурой. В совокупности с возрастными особенностями это приводит к распространению экстремистской идеологии среди широких групп населения [10], а также может нести практическую угрозу безопасности в целом.

Обзор литературы

Для того чтобы предпринимать те или иные действия, направленные на противодействие экстремизму и терроризму, необходимо убедиться, что общество, которое будет непосредственно включено в данный механизм, понимало, что собой представляют данные явления [8], особенно с учетом того, что нет четкого законодательного толкования данных понятий. Как показывают социологические исследования, население в целом может дать определение терроризму и экстремизму, а также владеет информацией о том, куда можно обратиться при столкновении с этими опасными явлениями. Но специалисты в данной области оценивают меры, направленные на противодействие экстремизму и терроризму, среди населения как недостаточные [6]. По результатам исследования Т. Б. Крюковой [5], молодое поколение характеризует экстремизм и терроризм как негативные явления, но при этом не сформировано представление о них в обыденном сознании. Также наблюдается проблема понятийного характера, когда эти два явления путаются и происходит подмена понятий, включая проявления неверного стереотипного мышления.

Интернет-пространство является наиболее благоприятной средой для распространения любой информации, в том числе и экстремистского характера, вовлеченность молодого поколения в интернет-среду обуславливается современным положением коммуникативного механизма, что представляет собой угрозу для распространения нежелательного контента, которому главным образом подвержены молодые люди с несформированной психикой, а именно недостаточными механизмами защиты. Что также приводит к манипулированию сознанием и вовлечением в группы по разжиганию ненависти различной природы [7].

Среди предложенных мер по противодействию экстремизму и терроризму В. Е. Батюкова [3] выделяет законодательные реформы, направленные на защиту молодого поколения; патриотическое воспитание и воспитание толерантного общества; анонимные опросы среди респондентов молодого поколения; а также повышение уровня социально-экономической защищенности. Н. Б. Бааль [2] развивает также идею проведения грамотной молодежной политики, которая включает в себя воспитание правосознания молодежи.

Применительно к интернет-пространству В. И. Коваленко [4] предлагает проводить обучение студентов по выявлению явных и скрытых форм проявления экстремизма и терроризма в сети Интернет; обучение коммуникативным навыкам, включая ведение страниц в социальных сетях, одновременно разъясняя, какие действия в интернет-пространстве могут повлечь преследование правоохранительными органами; также особое внимание уделяется развитию критического мышления.

Материалы и методы

Исследование ограничено практикой, применяемой для борьбы с терроризмом и экстремизмом в молодежной среде, на территории Российской Федерации. Государственные органы России осуществляют профилактику и борьбу с терроризмом и экстремизмом в виде карательных мер на основании законодательной базы, которая представлена такими нормативно-правовыми актами, как Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ¹, Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 № 114-ФЗ², Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ³, Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации»⁴, Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 11.06.2022) «Об образовании в Российской Федерации»⁵ и т. д. На основе данных нормативно-правовых актов осуществляется программа профилактики экстремистской деятельности в образовательных учреждениях, которая на практике реализуется в проведении научных конференций, круглых столов, а также на их основе осуществляют свою деятельность и студенческие отряды в рамках совмещенных профессионально ориентированных практик.

Основным информационным ресурсом в данной отрасли является «Национальный центр информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и сети Интернет»⁶, где размещены методические рекомендации, а также реализуется информационная площадка.

Аналізу подлежат образовательные программы и мероприятия, действующие и проводимые в российских учебных в различных регионах, чтобы ответить на вопрос, насколько широко и эффективно охватывается противодействие экстремизму и терроризму в цифровой среде.

Результаты

Практика противодействия экстремизму и терроризму включает в себя образовательные программы, которые направлены на обучение будущих специалистов в данной области, которые смогут применить свои знания в различных сферах образования, права и экономики. Данный прикладной механизм реализуется в рамках магистерских программ и программ дополнительного образования.

На сегодняшний день в Российской Федерации также реализуются программы дополнительного образования, направленные на противодействие экстремизму и терроризму. Среди них можно выделить программы, которые реализуются в различных регионах — в Калининграде действует программа повышения квалификации «Профилактика терроризма и экстремизма»⁷ для работников системы высшего образования; Кубанский государственный университет также предоставляет возможность повышения квалификации по программе «Профилактика экстремизма и противодействие идеологии терроризма в молодежной среде»⁸; в Москве представлены программы дополнительного образования по

¹ Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ. [Электронный ресурс] // Консультант плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ (дата обращения: 27.06.2022).

² Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 № 114-ФЗ [Электронный ресурс] // Консультант плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/ (дата обращения: 27.06.2022).

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [Электронный ресурс] // Консультант плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 27.06.2022).

⁴ Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 01.07.2021) «О средствах массовой информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022) [Электронный ресурс] // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/doc/zakon-rf-ot-27121991-n-2124-1-o/> (дата обращения: 27.06.2022).

⁵ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 11.06.2022) «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: https://legalacts.ru/doc/273_FZ-ob-obrazovanii/ (дата обращения: 27.06.2022).

⁶ Национальный центр информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и сети Интернет [Электронный ресурс] // Веб-сайт НЦПТИ. URL: <https://ncpti.su/blog/> (дата обращения: 27.06.2022).

⁷ Дополнительная профессиональная программа повышения квалификации «Профилактика терроризма и экстремизма» [Электронный ресурс] // Институт развития образования. URL: [https://www.koiro.edu.ru/institute/obrazovanie/drugie-dopolnitelnye-professionalnye-programmy-povysheniya-kvalifikatsii/profilaktika-terrorizma-i-ekstremizma-\(dlya-ped-rabotnikov-sistemi-OO\).pdf](https://www.koiro.edu.ru/institute/obrazovanie/drugie-dopolnitelnye-professionalnye-programmy-povysheniya-kvalifikatsii/profilaktika-terrorizma-i-ekstremizma-(dlya-ped-rabotnikov-sistemi-OO).pdf) (дата обращения: 19.08.2022).

⁸ Профилактика экстремизма и противодействие идеологии терроризма в молодежной среде [Электронный ресурс] // Кубанский государственный университет. URL: http://ippk.kubsu.ru/pk_profilaktika-ekstremizma/ (дата обращения: 19.08.2022).

противодействию экстремизму — например, в Московском университете им. С. Ю. Витте¹ и Московской академии народного хозяйства и государственной службы².

Отдельного внимания заслуживают меры, направленные на профилактику терроризма и экстремизма в молодежной среде. Данные меры включают в себя проведение конференций, круглых столов и т. д. В основном мероприятия проводятся как дискуссионные и / или информационные площадки с привлечением специалистов в данной области или представителей правоохранительных органов, которые распространяют информацию о методах противодействия данным явлениям молодежной аудитории.

Необходимость вовлечения молодежи (школьников и студентов) в деятельность, направленную против терроризма, реализуется благодаря профориентированным практикам внутри учебных заведений. Так, в Нижневарттовском государственном университете действует Кибердружина НВГУ³. Также в Дагестанском государственном аграрном университете им. М. М. Джамбулатова привлекаются студенты в Кибердружину⁴, посредством которой реализуется соблюдение законодательства в интернет-пространстве, формирование гражданской позиции и комфортной интернет-среды; а также происходит привлечение и обучение новых участников программы. В рамках Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого создана Политехническая дружина, которая действует на базе Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы⁵, что позволяет студентам юридического направления применять свои знания на практике, а также получать дополнительные знания у правоохранительных органов для обеспечения безопасности на территории университета.

Обсуждение

Сегодня реализуются программы повышения квалификации как на платной, так и на бесплатной основе для научно-педагогических кадров, а также лиц, работающих в системе среднего, специального и высшего образования. В целом ими могут воспользоваться и сотрудники других сфер экономики. Программы повышения квалификации по противодействию экстремизму и терроризму направлены в основном на взрослое поколение — как для личных нужд и применения в работе, так и для распространения информации в молодежной среде. Программы повышения квалификации представлены достаточно широко и охватывают различные регионы Российской Федерации, что дает возможность плавного и всеохватывающего распространения информации.

Полученные результаты показывают, что в рамках учебных заведений достаточно активно внедряются меры содействия распространению информации о профилактике и противодействии терроризму и экстремизму, но основная их часть сосредоточена в рамках конференций и дискуссионных площадок. Небольшое количество университетов предпринимают действия по привлечению студентов непосредственно к практике.

Как показал анализ, непосредственное участие студентов в реализации проектов, сосредоточенных в сети Интернет, не распространено. Данное обстоятельство оставляет без внимания основную среду, где большинство пользователей остаются без внимания и могут оказаться в уязвимом положении перед пропагандой и вовлечением в нежелательные сообщества террористического и экстремистского характера.

¹ Программа повышения квалификации «Профилактика и предупреждение экстремизма и терроризма» [Электронный ресурс] // Московский университет им. С. Ю. Витте. URL: <https://www.muiv.ru/dpo/rnd/courses/gosupr/programma-povysheniya-kvalifikatsii-profilakt/> (дата обращения: 19.08.2022).

² Профилактика экстремизма [Электронный ресурс] // Московская академия народного хозяйства и государственной службы. URL: <https://manepa.ru/instituty-i-fakultety/institut-vysshey-shkola-gosudarstvennogo-i-municipalnogo-upravleniya/profilaktika-ekstremizma/> (дата обращения: 19.08.2022).

³ Противодействие экстремизму [Электронный ресурс] // Нижневарттовский государственный университет. URL: <https://nvsu.ru/rus/464/> (дата обращения: 19.08.2022).

⁴ Положение о деятельности Кибердружины ФГБОУ ВО Дагестанский ГАУ [Электронный ресурс] // Дагестанский ГАУ. URL: https://xn--80aaiac8g.xn--p1ai/images/normativ_documenti/otcheti/poloj_kiberdruj.pdf (дата обращения: 19.08.2022).

⁵ В СПбПУ создана студенческая Политехническая дружина [Электронный ресурс] // Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. URL: https://www.spbstu.ru/media/news/studencheskaya_zhizn/v-spbpu-sozdana-studencheskaya-politeknicheskaya-druzhina/ (дата обращения: 19.08.2022).

Заключение

Для успешной реализации программы противодействия экстремизму и терроризму, соблюдая запросы современного общества, необходимо распространить действия, направленные на противодействие и профилактику, не только в реальную, но и в цифровую среду.

Так как применение на практике методов предупреждения и профилактики уже доказало свою эффективность, то представляется, что сохранение прежней частоты проведения мероприятий, которые включают в себя дискуссионные и информационные площадки в зависимости от социально-политической обстановки, было бы целесообразно. Одновременно необходимо направить усилия на проекты по защите интернет-пользователей.

Данные действия возможно реализовать посредством создания и расширения количества и полномочий кибердружин из числа учащихся учебных заведений, которые будут действовать на основании законодательных актов, принятых в Российской Федерации, и официальных рекомендаций соответствующих правоохранительных органов в интернет-пространстве. Эффективным будет создание и распространение программного обеспечения, способствующего блокировке нежелательного контента, либо создание обучающих социальных платформ в сети Интернет на базе учебных заведений, где модераторами могут выступать учащиеся и их наставники.

Очевидно, что, прежде чем развивать практику создания кибердружин в массовом масштабе, необходимо более глубоко обобщить накопленный опыт данного инициативного движения, разработать методику и идеологию деятельности и обеспечить мониторинг ее результативности на местах.

Литература

1. *Александрова А. Ю.* Образовательные организации в противодействии идеологии терроризма и проявлениям экстремизма: правовые основы и морально-нравственные аспекты [Электронный ресурс] // Ежегодник российского образовательного законодательства. Т. 10. 2015. URL: <https://lexed.ru/ezhegodnik-rossiyskogo-obrazovatel'nogo-zakonodatelstva/book/tom10/obrazovatelnye-organizatsii-v-protivodeystvii-ideologii-terrorizma-i-proyavleniyam-ekstremizma-pravo/> (дата обращения: 19.08.2022).
2. *Бааль Н. Б.* Государственная молодежная политика как инструмент профилактики политического экстремизма в молодежной среде // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2021. № 4 (58). С. 106–115.
3. *Батюкова В. Е.* Молодежный экстремизм: проблемы и пути решения // Эпомен. 2021. № 59. С. 147–160.
4. *Коваленко В. И., Соколова О. А., Неверов А. П.* Меры противодействия идеологии экстремизма в студенческой среде // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2021. № 4 (60). С. 422–427.
5. *Крюкова Т. Б., Лисова С. Ю.* Категории «экстремизм» и «терроризм» в социальных проявлениях студенчества (по результатам социально-психологического исследования) // Интеллигенция и мир. 2021. № 2. С. 77–87.
6. *Кузнецов А. А.* Понятие, признаки и сущность экстремизма как социального явления (по результатам социологического исследования представлений граждан об экстремизме) // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 2 (89). С. 213–218.
7. *Михайлов А. В.* Социальные сети как платформа распространения экстремизма // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 35. С. 2492–2496.
8. *Минасян Н. Т., Бабурин В. В.* Причины возникновения экстремизма: психологический аспект. Пути противодействия экстремизму // Экстремизму — отпор! : сборник статей по материалам IX Международного молодежного форума / под редакцией Г. В. Синцова, Л. Т. Кокоевой. Пенза, 2020. С. 106–112.
9. *Сиранашвили Л. А., Савельева М. Д.* Экстремизм в современном обществе: интернет как фактор распространения экстремизма среди российской молодежи // Молодой ученый. 2018. № 50 (236). С. 447–449.

10. Слабкая Д. Н., Новиков А. В. Националистический экстремизм. Русский экстремизм, генезис развития, современное состояние // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2020. Т. 9. № 6–1. С. 111–116.

Об авторах:

Долженкова Екатерина, доцент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук, доцент;
skinx@inbox.lv; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0261-763X>

Мохорова Анна Юрьевна, доцент Высшей школы международных отношений Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук, доцент;
mokhorova@list.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9161-6959>

Даньшина Наталья Анатольевна, доцент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доцент, кандидат юридических наук;
nat.danshina@bk.ru

Клиницкий Артем Игоревич, доцент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доцент, кандидат педагогических наук;
artemklinitskiy@yandex.ru.

References

1. Alexandrova A. Yu. Educational organizations in countering the ideology of terrorism and manifestations of extremism: legal foundations and moral aspects [Electronic resource]. *Yearbook of Russian Educational legislation* [Ezhгодnik rossiiskogo obrazovatel'nogo zakonodatel'stva]. 2015. Vol. 10. URL: <https://lexed.ru/ezhgodnik-rossiyskogo-obrazovatel'nogo-zakonodatel'stva/book/tom10/obrazovatelnye-organizatsii-v-protivodeystvii-ideologii-terrorizma-i-proyavleniyam-ekstremizma-pravo/> (accessed: 08/19/2022). (In Rus.)
2. Baal N. B. State Youth Policy As a Tool for the Prevention of Political Extremism in the Youth Environment. *Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy* [Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya]. 2021. No. 4 (58). P. 106–115. (In Rus.)
3. Batyukova V. E. Youth extremism: Problems and solutions. *Epomen* [Epomen]. 2021. No. 59. P. 147–160. (In Rus.)
4. Kovalenko V. I., Sokolova O. A., Neverov A. P. Measures to counter the ideology of extremism in the student environment. *Scientific notes* [Uchenye zapiski]. Electronic scientific journal of Kursk State University. 2021. No. 4 (60). P. 422–427. (In Rus.)
5. Kryukova T. B., Lisova S. Yu. Categories of “extremism” and “terrorism” in the social manifestations of students (according to the results of socio-psychological research). *Intelligentsia and the World* [Intelligentsiya i mir]. 2021. No. 2. P. 77–87. (In Rus.)
6. Kuznetsov A. A. The concept, signs and essence of extremism as a social phenomenon (based on the results of a sociological study of citizens' perceptions of extremism). *Bulletin of the Prikamsky Social Institute* [Vestnik Prikamskogo sotsial'nogo instituta]. 2021. No. 2 (89). P. 213–218. (In Rus.)
7. Mikhailov A. V. Social networks as a platform for spreading extremism. *Innovations. The science. Education* [Innovatsii. Nauka. Obrazovanie]. 2021. No. 35. P. 2492–2496. (In Rus.)
8. Minasyan N. T., Baburin V. V. *Causes of extremism: psychological aspect. Ways to counter extremism. In the collection: Extremism — rebuff!* Collection of articles based on materials of the IX International Youth Forum; ed. by G. V. Sintsova, L. T. Kokoeva. Penza. 2020. P. 106–112. (In Rus.)

9. Siranashvili L. A., Savelyeva M. D. Extremism in modern society: The Internet as a factor in the spread of extremism among Russian youth. *Young scientist* [Molodoy uchenyy]. 2018. No. 50 (236). P. 447–449. (In Rus.)
10. Slabkaya D. N., Novikov A. V. Nationalist extremism. Russian extremism, the genesis of development, the current state. *Psychology. Historical and critical reviews and modern research* [Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya]. 2020. V. 9. No. 6–1. P. 111–116. (In Rus.)

About the authors:

Ekaterina Dolzhenkova, Associate Professor of Higher School of Law and Forensic Technical Expertise of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Sciences, Associate Professor;

skinx@inbox.lv; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0261-763X>

Anna Yu. Mokhorova, Associate Professor of Higher School of International Relations of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Sciences, Associate Professor;

mokhorova@list.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9161-6959>

Natalya A. Danshina, Associate Professor of Higher School of Law and Forensic Technical Expertise of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russian Federation), Associate Professor, PhD in Jurisprudence;

nat.danshina@bk.ru;

Artem I. Kliniskiy, Associate Professor of Higher School of Law and Forensic Technical Expertise of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russian Federation), Associate Professor, PhD in Pedagogical Sciences;

artemkliniskiy@yandex.ru.

Внешние факторы армяно-азербайджанского конфликта в контексте второй карабахской войны

Шумилов М. М.^{*}, Шумилов Ю. М.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления), Санкт-Петербург, Российская Федерация

^{*} e-mail: mshumilov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7670-0095>

РЕФЕРАТ

Цель. Выявить особенности поведения внешних акторов на Южном Кавказе в ходе второй карабахской войны и ранжировать их по степени влияния на события, итоги и урегулирование постконфликтной ситуации.

Задачи. Выяснить основные причины военного поражения Армении, а также меру вовлеченности в вооруженный конфликт и постконфликтное урегулировании Турции, Великобритании, Ирана, США, Франции, Минской группы ОБСЕ и ЕС.

Методология. В числе приемов и способов достижения заявленной цели исследования применялись методы сравнительного анализа, позволившего путем сопоставления степени вовлеченности и роли в конфликте выявить бенефициаров и наиболее перспективных претендентов на участие в постконфликтном урегулировании; структурно-функционального анализа, направленного на выявление связей, отношений и опосредований между участниками рассматриваемых событий.

Результаты. Осуществлен анализ заинтересованного и мотивированного поведения Турции, Ирана, Великобритании, США, Франции, Минской группы и ЕС в 44-дневной войне Армении и Азербайджана. Предпринята попытка ранжирования внешних акторов по степени влияния на ход и итоги войны; установлены основные причины военного поражения Армении; характеризуется поведение и роль Ирана в условиях войны и постконфликтном урегулировании; показана поддержка Азербайджана в конфликте странами Тюркского совета; установлена причастность Турции и Великобритании к войне; определена роль России в завершении войны; уточнены позиции США и Франции как сопредседателей Минской группы ОБСЕ; дана оценка заявке ЕС на посредничество в урегулировании армяно-азербайджанских противоречий.

Выводы. Вопреки многочисленным суждениям о параличе политической воли России на Южном Кавказе, именно ей по итогам второй карабахской войны удалось усилить свои позиции и роль в региональной политике, объединить вокруг себя союзников — Армению и Азербайджан, внушить им понимание необходимости прекращения вооруженного противоборства в зоне конфликта, предложить реалистичную программу совместных действий в направлении его политического урегулирования.

Ключевые слова: Южный Кавказ, Нагорный Карабах, армяно-азербайджанский конфликт, ОБСЕ, Тюркский совет, миротворческие операции

Для цитирования: Шумилов М. М., Шумилов Ю. М. Внешние факторы армяно-азербайджанского конфликта в контексте второй карабахской войны // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 3. С. 126–136.

External Factors of the Armenian-Azerbaijani Conflict in the Context of the Second Karabakh War

Mikhail M. Shumilov*, Yury M. Shumilov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEP), Saint Petersburg, Russian Federation

* e-mail: mshumilov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7670-0095>

ABSTRACT

Aim. To identify the features of the behavior of external actors in the South Caucasus during the Second Karabakh War and rank them according to the degree of influence on the events, outcomes, and settlement of the post-conflict situation.

Tasks. To find out the main reasons for Armenia's military defeat, as well as the extent of involvement in the armed conflict and post-conflict settlement of Turkey, Great Britain, Iran, the USA, France, the OSCE Minsk Group and the EU.

Methods. Among the techniques and ways to achieve the stated goal of the study, the methods of comparative analysis, which allowed by comparing the degree of involvement and role in the conflict to identify beneficiaries and the most promising applicants for participation in post-conflict settlement; structural and functional analysis aimed at identifying connections, relationships and mediations between the participants of the events under consideration.

Results. The analysis of the interested and motivated behavior of Turkey, Iran, the UK, the USA, France, the Minsk Group, and the EU in the 44-day armed conflict between Armenia and Azerbaijan was carried out. An attempt is made to rank external actors according to the degree of influence on the course and outcome of the war; the main reasons for Armenia's military defeat are established; Iran's behavior and role in the conditions of war and post-conflict settlement are characterized; Azerbaijan's support in the conflict by the countries of the Turkic Council is shown; the involvement of Turkey and Great Britain in the war is established; The role of Russia in the end of the war was determined; the positions of the USA and France as co-chairs of the OSCE Minsk Group were clarified; the EU's application for mediation in the settlement of the Armenian-Azerbaijani contradictions was assessed.

Conclusions. Contrary to numerous opinions about the paralysis of Russia's political will in the South Caucasus, it was Russia that, following the results of the Second Karabakh War, managed to strengthen its position and role in regional politics, unite its allies — Armenia and Azerbaijan — around it, inspire them with an understanding of the need to end armed confrontation in the conflict zone, and propose a realistic program of joint actions towards its political settlement.

Keywords: South Caucasus, Nagorno-Karabakh, The Armenia-Azerbaijan conflict, OSCE, The Turkic Council, Peacekeeping Operations

For citing: Shumilov M. M., Shumilov Yu. M. External Factors of the Armenian-Azerbaijani Conflict in the Context of the Second Karabakh War // Eurasian integration: economics, law, politics. 2022. Vol. 16. No. 3. P. 126–136.

Введение

27 сентября 2020 г. Азербайджан развязал на Южном Кавказе вторую карабахскую войну против Армении и непризнанной Нагорно-Карабахской Республики (НКР). Она началась с интенсивного обстрела населенных пунктов в Нагорном Карабахе, включая Степанакерт. Затем азербайджанские войска перешли в наступление по всей линии соприкосновения. Вскоре воюющие страны ввели у себя военное положение и объявили мобилизацию.

Мало того что отмобилизованная к началу войны 100-тысячная азербайджанская группировка втроекратно превосходила карабахскую, на стороне Азербайджанской Республики (АР) в боях участвовал

турецкий спецназ. Более того, Турецкая Республика (ТР) — страна-участница НАТО — обеспечила транзит в зону боевых действий тысяч наемников с подконтрольной ей территории Сирии¹. При этом турецкие и азербайджанские власти категорически отрицали участие иностранных наемников в боевых действиях на стороне Баку².

За развитием вооруженного противостояния внимательно наблюдали внешние акторы — Россия, Турция, Иран, Великобритания, США, Франция, Минская группа (МГ) ОБСЕ, ЕС. По мере его эскалации они в разной степени пытались влиять на события и втягивались в политическое урегулирование комплекса армяно-азербайджанских противоречий.

Главная сложность в изучении заявленной темы заключается в том, что ее предмет все еще находится в развитии. Хотя по свежим следам событий появился ряд научных публикаций, раскрывающих предпосылки, причины, обстоятельства, региональные и международные последствия второй карабахской войны³, преобладающий массив публикаций о внешних и внутренних факторах 44-дневной войны на Южном Кавказе представляли изыскания журналистов и политических публицистов, как правило, идеологически мотивированных [1–8]. Одни из них пафосно интерпретировали официальный курс Баку. Другие навязывали мнение армянской оппозиции и Степанакерта. При этом больше всего произвола допускалось в изложении позиций Великобритании и Турции.

Причины поражения Армении

Вторая карабахская война произошла после прихода к власти в Армении весной 2018 г. сил прозападной ориентации во главе с Н. Пашиняном, приступивших к арестам в окружении бывшего главы государства (2008–2018) Сержа Саргсяна и масштабной ревизии целого ряда российско-армянских проектов. Российскому бизнесу чинились всяческие препятствия, хотя инвестиции из РФ в экономику Республики Армения (РА) к тому времени превысили 3,6 млрд долл.⁴

В условиях нараставшей внешней угрозы вчерашние оппозиционеры заметно ослабили внимание к вооруженным силам, допустили серьезные ошибки и просчеты в вопросах военного строительства, стратегии и тактики ведения войны [2, с. 127]. За два года они не сумели восстановить деградировавший к моменту их прихода во власть организационный механизм массовой мобилизации [5, с. 168]. Все это порождало определенные настроения внутри России, притупляло ее союзнические чувства по отношению к Армении. Бывший премьер-министр Армении Грант Багратян открыто намекал на подконтрольность Н. Пашиняна британской разведке, а С. Саргсян критиковал власти Армении за отказ признать независимость НКР в ходе боевых действий осенью 2020 г.⁵

Вместе с тем надо признать, что у Еревана были веские причины для отказа Степанакерту в международно-правовой поддержке. Ведь предшественники Н. Пашиняна — второй и третий президенты РА

¹ Хайек В. Эль. В бой вступают наемники. «Новой» стал известен механизм вербовки и маршрут отправки боевиков из Сирии в Нагорный Карабах [Электронный ресурс] // Новая газета. 2020. 2 октября. URL: <https://novayagazeta.ru.turbopages.org/novayagazeta.ru/s/articles/2020/10/02/87340-v-boy-vstupayut-naemniki> (дата обращения: 27.06.2022).

² Светлова А. Алиев отверг утверждения о присутствии иностранных военных в Азербайджане [Электронный ресурс] // GAZETA.RU. 2020. 24 октября. URL: <https://www.gazeta.ru/army/news/2020/10/24/15125029.shtm> (дата обращения: 27.06.2022).

³ Пашаева Г. Нагорный Карабах: опасные игры на почве геополитической ревности [Электронный ресурс] // Дни. ru. 2020. 1 декабря. URL: <https://dni.ru/polit/2020/12/01/465519.html> (дата обращения: 27.06.2022); Пашаева Г. Армения на пути к новой внешнеполитической повестке [Электронный ресурс] // Вестник Кавказа. 2021. 22 апреля. URL: <https://vestnikavkaza.ru/analytics/armenia-na-puti-k-novoj-vnesnepoliticeskoj-povestke.html> (дата обращения: 27.06.2022); Rubin M. Three Intelligence Failures from Nagorno-Karabakh Conflict Need Investigating [Электронный ресурс] // National Interest. November 14, 2020. URL: <https://nationalinterest.org/blog/buzz/three-intelligence-failures-nagorno-karabakh-conflict-need-investigating-172640> (дата обращения: 27.06.2022); Waal Th. De. US power vacuum risks escalating violence in Armenia-Azerbaijan [Электронный ресурс] // Politico. September 29, 2020. URL: <https://www.politico.eu/article/us-power-vacuum-escalating-violence-armenia-azerbaijan/> (дата обращения: 27.06.2022).

⁴ Емельянов Е. Новый курс, или Почему западные инвестиции не помогут Армении [Электронный ресурс] // LIFE. 2018. 6 августа. URL: <https://life.ru/p/1140552> (дата обращения: 27.06.2022); Казарян А. Посол Британии: Отношения с Арменией будут укрепляться после Brexit [Электронный ресурс] // Новости Армении — NEWS.am. 2018. 12 января. URL: <https://news.am/rus/news/430259.html> (дата обращения: 27.06.2022); Орловский А. Британский привкус майдана в Армении, или «Революция любви» на американские деньги [Электронный ресурс] // Русская весна. 2018. 9 мая. URL: <https://rusvesna.su/news/1525815754> (дата обращения: 27.06.2022).

⁵ Родионов Д. Карабах: Запрос на реванш придет, когда в Ереване оправятся от шока [Электронный ресурс] // Свободная пресса. 2021. 18 февраля. URL: <https://svpressa.ru/politic/article/290241/> (дата обращения: 27.06.2022).

Роберт Кочарян и Серж Саргсян — фактически признавали НКР частью Азербайджана. Сегодня последний из них заявляет о своей готовности в президентскую бытность передать АР семь районов «пояса безопасности» в обмен на признание независимости НКР и транспортный коридор, связывающий ее с Арменией. Однако представляется, что в данном вопросе ему не удалось заручиться необходимой поддержкой со стороны местных элит, диаспор и внешних акторов¹. К тому же армяне опасались ужесточить позицию Азербайджана и усилить тем самым напряженность в отношениях².

Сегодня сторонники Н. Пашиняна, опирающегося на волеизъявление большинства граждан, отвергают саму мысль о национальном предательстве в 44-дневной войне. Говоря о причинах поражения Армении, они лишь порицают руководство республики за преждевременный отказ от переговоров о поэтапной передаче Баку пяти или семи районов вокруг Нагорного Карабаха в обмен на промежуточный статус НКР, международные гарантии и размещение миротворцев, в необоснованном ужесточении переговорной позиции, переоценке собственных сил и недооценке возможности Ильхама Алиева начать боевые действия с привлечением в регион турецких военных.

Очевидная причина поражения Армении коренилась не только в слабой подготовленности и недостаточной мотивированности ее вооруженных сил, но и в дезорганизации самого общества, разнонаправленности общественных настроений. Руководству РА постоянно приходилось сталкиваться с различными проявлениями внутренней деструктивной активности, а также конфликта интересов с НКР, руководство которой настаивало на непосредственном участии в политическом урегулировании конфликта, включая статус Нагорного Карабаха. При этом оппозиционные и карабахские СМИ систематически намекали на пораженческие настроения и предательство национальных интересов со стороны правящей верхушки и подконтрольных ей агентов влияния, участвовавших в британских грантовых программах³.

Пассивная роль Ирана в условиях конфликта

В условиях начавшегося конфликта Исламская Республика Иран (ИРИ) придерживалась подписанной 30 октября 2018 г. в Стамбуле Декларации по итогам трехсторонней встречи министров иностранных дел Азербайджана, Турции и Ирана. Выступая за соблюдение принципов суверенитета, территориальной целостности, уважения к неприкосновенности признанных на международном уровне границ, она призывала Азербайджан и Армению к прекращению огня.

Затем, отмечает эксперт Центра координации исследований РИСИ Е. С. Андреева, под влиянием «масштабных акций протеста азербайджанской общины ИРИ ... в риторике иранских властей произошли существенные изменения». Не отказываясь от роли осторожного посредника в достижении мирного соглашения конфликтующих сторон, они поддержали восстановление территориальной целостности Азербайджана на основе резолюций ООН по Нагорному Карабаху [1, с. 108–109]. В дальнейшем посредническая роль Ирана в урегулировании проблем, порожденных войной, продолжала снижаться [2, с. 135].

Поддержка Азербайджана странами Тюркского совета

С момента своего основания в 2009 г. в защиту территориальной целостности Азербайджана выступал Совет сотрудничества тюркоязычных государств (ССТГ, Тюркский совет). В военных событиях конца 2020 г. солидарная и активная позиция его членов — Азербайджана, Турции, Казахстана, Киргизии и Узбекистана заметно контрастировала с малозаметной ролью в событиях карабахского кризиса Организации Договора коллективной безопасности (ОДКБ) [9, с. 323–324].

¹ Родионов Д. Карабах: Запрос на реванш придет, когда в Ереване оправятся от шока [Электронный ресурс] // Свободная пресса. 2021. 18 февраля. URL: <https://svpressa.ru/politic/article/290241/> (дата обращения: 27.06.2022).

² Перевозкина М. Дипломат оценил шансы признания Карабаха Арменией [Электронный ресурс] // Московский комсомолец. 2020. 20 октября. URL: <https://www.mk.ru/politics/2020/10/20/diplomat-ocenil-shansy-priznaniya-karabakha-armeniyey.html> (дата обращения: 27.06.2022).

³ Даниелян С. «Британский след» в карабахской войне: когда СНБ будет изучать «британские активы» в армянских НПО? [Электронный ресурс] // Zham.am, Армения. 2020. 7 ноября. URL: <https://zham.am/?p=82952&l=ru> (дата обращения: 27.06.2022).

Оправдывая пассивность РФ и ОДКБ в конфликте, В. В. Путин отмечал: «Агрессии в отношении территории Армении не было, на нее никто не покушался. Поэтому Россия и ОДКБ не имела права принять участие в конфликте»¹. Впрочем, была и другая, неофициальная, причина, объясняющая поведение РФ и ОДКБ. В конце октября 2020 г. ее озвучил сопредседатель организации «Союз добровольцев Донбасса» А. Ю. Бородай: «Никол Пашинян — человек явно России не дружественный и смотрит в сторону Запада — прежде всего США ... Парадокс, что в Армении достаточно антироссийское правительство, надо учитывать. Это также является проблемой с точки зрения оказания помощи Армении»².

В День сотрудничества тюркоязычных стран, 21 октября 2021 г., генеральный секретарь ССТГ Багдад Амреев напомнил о том, что в ходе 44-дневной войны Тюркский совет поддержал «справедливое дело Азербайджана», победным результатом которого стало освобождение азербайджанских территорий от оккупации. В том же месяце заведующий отделом по вопросам внешней политики Администрации президента Азербайджана Хикмет Гаджиев на церемонии открытия Медиафорума Тюркского совета в Стамбуле выразил благодарность ССТГ за поддержку Азербайджана в ходе войны, в результате которой «Карабах был освобожден от оккупации».

В рамках работы VIII саммита стран — членов ССТГ в Стамбуле 12 ноября 2021 г. ССТГ был переименован в Организацию тюркских государств (ОТГ). В его итоговой Декларации, с армянской точки зрения, содержался ряд некорректных в политическом отношении положений. В их числе: поздравление Азербайджана с победой в 44-дневной войне; выражение чувства солидарности в связи с провозглашением города Шуши его культурной столицей; заверение союзников АР в готовности внести свой вклад в «восстановление и развитие освобожденных в результате войны территорий». Более того, Казахстан и Кыргызстан позволили себя втянуть в дискуссию о лучшем использовании территории Сюникской области Армении для прокладки «Зангезурского коридора»³. В дальнейшем ОТГ продолжала оказывать АР моральную и политическую поддержку в достижении мирного урегулирования конфликта с Арменией на основе предложений Азербайджана.

Отношение Турции и Великобритании к событиям второй карабахской войны

Турецко-британский след в военных событиях 2020 г. достаточно отчетлив. Уже 27 сентября президент Турции Р. Эрдоган в телефонном разговоре с И. Алиевым выразил ему полную поддержку и пожелание, чтобы война завершилась полной победой АР и переходом под ее контроль всей карабахской территории. Как отмечалось выше, Анкара фактически выступала стороной конфликта. При этом Р. Эрдоган претендовал на участие в его урегулировании наравне с Россией, Францией и США — сопредседателями МГ ОБСЕ.

Война за Нагорный Карабах не стала для Лондона неожиданностью. Вскоре после начала боевых действий, 28 сентября, Б. Джонсон и Р. Эрдоган в ходе телефонного разговора обстоятельно обсудили региональную ситуацию. Причем британский премьер фактически солидаризовался с турецкой картиной событий, в которой роль поджигателя войны играла Армения, обязанная ради восстановления мира в регионе вывести войска с «оккупированных территорий Нагорного Карабаха и соседних районов»⁴.

Имея на своей стороне поддержку Турции, Великобритании и Израиля, опираясь на турецкие военные инновации (массированное применение БПЛА), наемников, террористов и частные военные

¹ Путин объяснил, почему Россия не пришла на помощь Армении [Электронный ресурс] // Московский комсомолец. 2020. 22 ноября. URL: <https://www.mk.ru/politics/2020/11/22/putin-obyasnil-pochemu-rossiya-ne-prishla-na-pomossh-armenii.html> (дата обращения: 27.06.2022).

² Кокко Д. Александр Бородай: Русские добровольцы готовы отправиться воевать в Нагорный Карабах [Электронный ресурс] // Свободная пресса, 2020. 30 октября. URL: <https://svpressa.ru/war21/article/280106/> (дата обращения: 27.06.2022).

³ Еркянян А. Почему лидеры тюркских государств позволяют себе обсуждать судьбу армянского Сюника? [Электронный ресурс] // Sputnik Армения. 2021. 17 ноября. URL: <https://ru.armeniasputnik.am/20211117/pochemu-lidery-tyurkskikh-gosudarstv-pozvolayut-sebe-obsuzhdad-sudbu-armyanskogo-syunika-35418459.html> (дата обращения: 27.06.2022).

⁴ Эрдоган и Джонсон обсудили ситуацию в Нагорном Карабахе [Электронный ресурс] // Известия. 2020. 28 сентября. URL: <https://iz.ru/1066720/2020-09-28/erdogan-i-dzhonson-obsudili-situatsiiu-v-nagornom-karabakhe> (дата обращения: 27.06.2022).

кампании, Азербайджан сумел нанести Армии обороны НКР ряд чувствительных поражений. При этом глава Минобороны ТР Хулуси Акар как мог противодействовал усилиям МГ ОБСЕ по прекращению огня в Карабахе, называя их неискренними и неубедительными¹. Фактически 44-дневная война за Карабах, в которой погибло свыше 4000 чел., могла закончиться полным разгромом армянских военных формирований.

Роль России в завершении военного противостояния АР и РА

Перспектива создания беспокойного анклава у южных границ РФ, чреватая дестабилизацией обстановки на Северном Кавказе и в Поволжье, напрямую угрожала российским интересам. Москве пришлось убедить Баку и Ереван в ночь на 10 ноября подписать трехстороннее соглашение по Нагорному Карабаху. Согласно ему, Кельбаджарский, Агдамский, Лачинский районы, занятые в ходе войны 1992–1994 гг., возвращались АР до 1 декабря. Армения оставляла за собой Лачинский коридор шириной 5 км. Вдоль линии разворачивался российский миротворческий контингент — 1960 военнослужащих, 90 бронетранспортеров, 380 единиц автомобильной и специальной техники².

Реакция США и Франции на заявление от 10 ноября свидетельствовала о растерянности, беспомощности и уязвленном самолюбии сопредседателей МГ ОБСЕ. Достаточно сказать об их требовании к РФ отчитаться за «неясности» в режиме прекращения огня. Отвечая партнерам по минскому формату, глава МИД РФ С. В. Лавров выразил удивление запросом Госдепа США на информацию о деталях заявления, поскольку его подробности были доведены до Вашингтона и Парижа по дипломатическим каналам. В свою очередь, директор Службы внешней разведки С. Е. Нарышкин заявил, что РФ не приемлет претензий со стороны США и Франции по отношению к достигнутым при ее посредничестве прорывным договоренностям³.

Успешность российской политики была очевидной. Одним из ее результатов стало снижение в регионе влияния Франции и США как сопредседателей МГ ОБСЕ, которые оказались «посторонними наблюдателями конфликта», в то время как Россия одержала в нем победу [2, с. 131–134; 6, с. 153]. Фактически дипломатия стран — сопредседателей МГ ОБСЕ самоустранилась от мирного процесса, ограничившись редактированием и подготовкой различных заявлений⁴.

Разъясняя позицию своей страны по данному вопросу, И. Алиев и глава МИД АР Джейхун Байрамов привлекали внимание к тому факту, что после 10 ноября 2020 г. сопредседателям МГ ОБСЕ было предложено определиться в новой ситуации с учетом реализации в ходе войны главного «мадридского» (2007) принципа карабахского урегулирования — возвращения территорий вокруг Нагорного Карабаха под контроль Азербайджана. Однако от МГ ОБСЕ так и не поступило предложений, способных заинтересовать Баку⁵.

Конфликт интересов России и Турции относительно итогов войны

Вместе с тем Анкара и Лондон были не в полной мере удовлетворены итогами войны. Они безуспешно попытались потеснить Москву и тем самым ослабить ее контроль над дальнейшим развитием ситуации. 10 ноября И. Алиев заявил, что в зону конфликта помимо российской армии войдет турецкая. В Кремле слова президента АР поспешили опровергнуть. Однако это не остановило Р. Эрдогана, который вопреки согласованному с В. В. Путиным плану создания российско-турецкого центра по контролю

¹ В Турции раскритиковали призыв Минской группы ОБСЕ о перемирии в Карабахе [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2020. 2 октября. URL: <https://ria.ru/20201002/turtsiya-1578103832.html> (дата обращения: 27.06.2022).

² Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации 10 ноября 2020 г. [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64384> (дата обращения: 27.06.2022).

³ Черненко Е. Ласковое слово и Москве приятно [Электронный ресурс] // Коммерсант. 2020. 18 ноября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4576168> (дата обращения: 27.06.2022).

⁴ Тарасов С. Нагорный Карабах: куда делась Минская группа ОБСЕ? [Электронный ресурс] // ИА REGNUM. 2022. 18 февраля. URL: <https://regnum.ru/turbopages.org/regnum.ru/s/news/3510887.html> (дата обращения: 27.06.2022).

⁵ Экберова Э., Озгенч Т. Президент Ильхам Алиев: Азербайджан выступает за мир в регионе [Электронный ресурс] // ИА Anadolu. 2021. 27 сентября. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/мир/президент-ильхам-алиев-азербайджан-выступает-за-мир-в-регионе/2375824> (дата обращения: 27.06.2022).

за прекращением огня 11 ноября объявил, что турецкие военные появятся в Нагорном Карабахе и будут действовать на том же основании, что и российские миротворцы¹.

Позднее В. В. Путин признал, что АР и ТР действительно обсуждали вопрос о турецком миротворчестве в Карабахе. Однако России удалось убедить турецких и азербайджанских партнеров «в том, что не надо создавать условия или предпосылки для разрушения наших договоренностей, такие условия, которые бы провоцировали одну из договаривающихся сторон на какие-то крайние меры и крайние действия»². Поэтому следует согласиться с мнением турецкого эксперта в области международных и российско-турецких отношений Керима Хаса о том, что Р. Эрдоган был не вполне доволен итогами войны, поскольку рассчитывал на большее: ему «удалось сломать прежний статус-кво, но новое равновесие сил было установлено на российских условиях» [8].

На этом основании вывод эксперта Центра анализа международных отношений (Азербайджан) Гюльшен Пашаевой о том, что в условиях постконфликтного урегулирования «интерес западных стран к карабахской проблематике связан с геополитическими противоречиями этих стран с тандемом России и Турции», представляется преувеличенным³.

Позиция США и Франции как сопредседателей Минской группы ОБСЕ

Как отмечалось выше, реакция Соединенных Штатов на военные события в Нагорном Карабахе отличалась невняtnостью. Президент США Дональд Трамп демонстрировал показное безразличие к военным событиям. Отчасти это объясняется выборами президента страны и первыми президентскими дебатами, состоявшимися 29 сентября 2020 г. Возможно, поэтому Вашингтон стал последним крупным международным актором, который выступил с соответствующим заявлением, что указывало на ситуационное ослабление его интереса к региону Южного Кавказа⁴.

Более того, в Армении критически отнеслись к соглашению, подписанному 26 марта 2020 г. заместителем госсекретаря США Стивеном Биганом с властями Азербайджана. Согласно ему, США намеревались продолжать оказание Азербайджану военной помощи в обмен на обязательство последнего решать спорные вопросы в отношениях с Арменией дипломатическим путем⁵. Возможно, по этой причине критика Вашингтоном вмешательства Анкары в вооруженный конфликт и ее односторонних действий в поддержку Баку не имела для Турции никаких последствий [3, с. 142].

Лишь 23 октября Д. Трамп объявил о своем участии в переговорах между Баку и Ереваном, а через несколько дней главы МИД Армении и Азербайджана Зограб Мнацаканян и Джейхун Байрамов встретились со С. Биганом. Заявив о приверженности соблюдению соглашения о гуманитарном перемирии в Нагорном Карабахе, достигнутом в Москве 10 октября и подтвержденном спустя семь дней в Париже, они обязались приступить к его соблюдению с 26 октября⁶.

Белый дом в лице советника президента США по национальной безопасности Роберта О'Брайена поздравил Армению и Азербайджан с достижением договоренностей о соблюдении режима прекращения

¹ Услу С., Субаши Э., Кескин О. Эрдоган сообщил о скором прибытии делегации РФ по Карабаху [Электронный ресурс] // ИА Anadolu. 2020. 11 ноября. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/azerbaydjan-borbya-za-tselyostnosty-erdogan-soobshchil-o-skorem-pribytiy-delegatsii-rf-po-karabahu/2040303> (дата обращения: 27.06.2022).

² Ответы на вопросы СМИ по ситуации в Нагорном Карабахе [Электронный ресурс] // Президент России. 2020. 17 ноября. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64431> (дата обращения: 27.06.2022).

³ Пашаева Г. Нагорный Карабах: опасные игры на почве геополитической ревности [Электронный ресурс] // Дни. ру. 2020. 1 декабря. URL: <https://dni.ru/polit/2020/12/01/465519.html> (дата обращения: 27.06.2022); Пашаева Г. Армения на пути к новой внешнеполитической повестке [Электронный ресурс] // Вестник Кавказа. 2021. 22 апреля. URL: <https://vestnikavkaza.ru/analytics/armenia-na-puti-k-novoj-vnesnepoliticeskoj-povestke.html> (дата обращения: 27.06.2022).

⁴ Waal Th. De. US power vacuum risks escalating violence in Armenia-Azerbaijan [Электронный ресурс] // Politico. September 29, 2020. URL: <https://www.politico.eu/article/us-power-vacuum-escalating-violence-armenia-azerbaijan/> (дата обращения: 27.06.2022).

⁵ Rubin M. Three Intelligence Failures from Nagorno-Karabakh Conflict Need Investigating [Электронный ресурс] // National Interest. November 14, 2020. URL: <https://nationalinterest.org/blog/buzz/three-intelligence-failures-nagorno-karabakh-conflict-need-investigating-172640> (дата обращения: 27.06.2022).

⁶ Мингазов С. США вернули Баку и Ереван к прекращению огня в Нагорном Карабахе [Электронный ресурс] // Редакция Forbes. 2020. 26 октября. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/obshchestvo/412159-ssha-vernuli-baku-i-erevana-k-rezhimu-prekrashcheniya-ognya-v-nagornom> (дата обращения: 27.06.2022).

огня, а 3 декабря 2020 г. на заседании Совета министров иностранных дел ОБСЕ С. Биган заявил, что США пришли к убеждению о невозможности силового урегулирования конфликта вокруг Нагорного Карабаха. В связи с этим он призвал Баку и Ереван возобновить переговоры с сопредседателями МГ ОБСЕ, «чтобы достичь долгосрочного и мирного урегулирования ситуации вокруг Нагорного Карабаха»¹.

Новый американский президент Джо Байден проявил большую заинтересованность по сравнению с Д. Трампом к событиям на Южном Кавказе. При этом он поначалу сделал крен в сторону поддержки Армении. 24 апреля 2021 г. Дж. Байден официально признал массовое убийство армян в Османской империи в начале XX в. геноцидом и, таким образом, стал первым американским президентом, употребившим этот термин.

Фактически Вашингтон пошел на обострение отношений с Турцией — партнером по НАТО. Заявление Байдена приветствовали и армянская диаспора в США, и официальный Ереван. Это свидетельствовало о намерении Вашингтона подтолкнуть Армению к более тесному взаимодействию с США и Францией целью подрыва сотрудничества с Россией и, по сути, включиться в борьбу за лидерство на Южном Кавказе².

Вместе с тем Г. Пашаева справедливо отмечала ситуативный и инструментальный характер «армянского вопроса» в региональной политике США. Сложнее согласиться с ее утверждением о том, что эта правда открылась официальному Еревану, где стали лучше понимать опасность и бесперспективность внешнеполитического лавирования между Россией и Западом, а также армянскому обществу, якобы убедившемуся в том, что у Армении не было других вариантов, кроме как сохранить хорошие отношения с Москвой³.

Развитие политики США в указанном направлении, на первый взгляд, свидетельствовало о дальнейшем охлаждении их отношений с Турцией и Азербайджаном. Действительно, Дж. Байден не пригласил Р. Эрдогана и лидеров стран — участниц ОТГ на «Саммит за демократию» 9–10 декабря 2021 г. в режиме видеоконференции. Напротив, такая «честь» была оказана Н. Пашиняну. Вместе с тем США продолжали подчеркивать критически важную роль Турции как американского союзника и партнера на глобальном и региональном уровне. Включившись в «борьбу за лидерство» на Южном Кавказе, в Вашингтоне также понимали необходимость сотрудничества с Баку.

Активизация армянского направления весной 2021 г. как раз свидетельствует о том, что США не переоценивали «пророссийскость» армянского руководства. Более того, они были уверены в том, «что у Еревана есть запрос на западный противовес российской активности на Южном Кавказе. Армения принимала приглашение, поскольку знала, что у Вашингтона есть тот же самый запрос на противостояние Москве в регионе»⁴.

Позиция Франции — одного из трех сопредседателей МГ ОБСЕ и Евросоюза в целом — изначально отличалась большей напористостью. Во всяком случае военные успехи Азербайджана и Турции на Южном Кавказе встретили отпор с ее стороны. Определенным препятствием на пути их амбициозных планов стало решение сената Франции от 25 ноября с призывом к правительству признать НКР и использовать это в качестве инструмента переговоров в целях установления прочного мира. Вскоре затем Национальное собрание Франции поддержало резолюцию с призывом к исполнительной власти признать независимость НКР. За резолюцию проголосовали 188 депутатов, трое высказались против, 16 воздержались.

¹ Стивен Биган: Вопрос Карабаха не может быть разрешен на поле боя [Электронный ресурс] // Новости Армении — NEWS.am. 2020. 3 декабря. URL: <https://news.am/rus/news/616952.html> (дата обращения: 27.06.2022).

² Мельникова К. Удар по Эрдогану. Почему Вашингтон наконец признал геноцид армян [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2021. 26 апреля. URL: <https://ria.ru/20210426/genotsid-1729856605.htm> (дата обращения: 27.06.2022); Строкань С., Кривошеев К. Соединенные Штаты с Арменией [Электронный ресурс] // Коммерсант. 2021. 25 апреля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4791315> (дата обращения: 27.06.2022).

³ Оганесян А. Арман Татоян возглавил рейтинг политических деятелей Армении — опрос [Электронный ресурс] // АрмИнфо. 2021. 31 марта. URL: https://arminfo.info/full_news.php?id=61606 (дата обращения: 27.06.2022); Пашаева Г. Армения на пути к новой внешнеполитической повестке [Электронный ресурс] // Вестник Кавказа. 2021. 22 апреля. URL: <https://vestnikavkaza.ru/analytics/armenia-na-puti-k-novoj-vnesnepoliticeskoj-povestke.html> (дата обращения: 27.06.2022).

⁴ Петров А. Саммит за «американоократию»: США выбрали, с кем будут дружить против России и Китая [Электронный ресурс] // РСМД. 2021. 14 декабря. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sammit-za-amerikanokratuyu-ssha-vybrali-s-kem-budut-druzhit-protiv-rossii-i-kitaya/> (дата обращения: 27.06.2022).

Однако демарш Франции оказался малоубедительным. Во-первых, сенатская резолюция вызвала гневную отповедь со стороны Анкары. В заявлении МИД Турции говорилось об отсутствии в ней «здорового смысла». Во-вторых, госсекретарь при МИД Франции Жан-Батист Лемуан критически высказался об одностороннем признании Францией независимости Нагорного Карабаха и подчеркнул его бесполезность для Армении, населения Карабаха и самой Франции. Вместе с тем Париж, предостерегая Баку и Ереван от односторонних действий, призвал их к диалогу в интересах разрешения конфликта при поддержке сопредседателей МГ ОБСЕ. Неудивительно, что в рамках переговорного процесса, начавшегося после 10 ноября 2020 г., армянская сторона в защите «жизненно важных интересов армян Арцаха» большие надежды возлагала на МГ ОБСЕ.

Напротив, И. Алиев возражал против любого посредничества МГ ОБСЕ, так как для него нагорно-карабахский вопрос был решен. При этом его резоны основывались на отказе МГ ОБСЕ в предвоенное время содействовать уходу Армении с оккупированных ею азербайджанских территорий, что позволяло предотвратить войну, а также на низкой результативности посреднической роли данного формата в достижении мира (все три заключенных «гуманитарных перемирия» оказались нарушены) и постконфликтном урегулировании на Южном Кавказе. Р. Эрдоган склонял Ереван и Баку к переговорам о мирном договоре без посредников, то есть без России и МГ ОБСЕ. Последнюю он предлагал заменить формулой «3 + 3»: Турция, Иран, Россия + Азербайджан, Армения, Грузия¹.

Заявка Евросоюза на посредничество в урегулировании конфликта

Стремление ЕС к урегулированию армяно-азербайджанского конфликта обуславливалось его озабоченностью состоянием безопасности в Черноморском регионе, а также необходимостью продвижения в формате политики «Восточного партнерства» своих проектов на Южном Кавказе. При этом до осени 2020 г. ЕС не претендовал на посредническую роль, поскольку этим вопросом занималась МГ ОБСЕ. К тому же Азербайджан занимал независимую позицию в отношении европейского объединения. Это объясняется тем, что до начала второй карабахской войны ЕС категорически не признавал территориальную целостность АР [3, с. 145–146].

В самом конце 2020 г. позиция Азербайджана смягчилась. Не последнюю роль здесь сыграл сам ЕС, который не стал оспаривать итоги войны. Это следует из заявления Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности Жозепа Борреля в Брюсселе 18 декабря 2020 г. о намерении объединения «заключить с Азербайджаном новое амбициозное всеобъемлющее соглашение, основанное на демократии, правах человека и основных свободах» [Там же, с. 146–147]. Одновременно Брюссель проявил заинтересованность в установлении прочного мира в Нагорном Карабахе и выразил готовность в тесном взаимодействии с сопредседателями МГ ОБСЕ использовать собственные инструменты миростроительства и восстановления, чтобы поддержать этот процесс [Там же, с. 148].

Заключение

Итак, осенью 2020 г. в Нагорном Карабахе отгремела вторая карабахская война. Ее закономерность обуславливалась неуступчивостью сторон, их неготовностью и нежеланием добиваться компромиссных решений в условиях недостаточности сдерживающих внешних факторов. Азербайджан отстаивал свое право и суверенитет над территорией, которая ему принадлежала по международному праву. Армения стремилась удержать контроль над непризнанной НКР в границах 1994 г.

По целому ряду причин вооруженный конфликт завершился тяжелым поражением Армении, что, прежде всего, объясняется внутривнутриполитическими просчетами нового руководства этой страны и влиянием внешних факторов. В процессе эскалации конфликта и в ходе достижения гуманитарных перемирий

¹ Тарасов С. Нагорный Карабах: куда делась Минская группа ОБСЕ? [Электронный ресурс] // ИА REGNUM. 2022. 18 февраля. URL: <https://regnum-ru.turbopages.org/regnum.ru/s/news/3510887.html> (дата обращения: 27.06.2022); Экберова Э., Озгенч Т. Президент Ильхам Алиев: Азербайджан выступает за мир в регионе [Электронный ресурс] // ИА Anadolu. 2021. 27 сентября. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/мир/президент-ильхам-алиев-азербайджан-выступает-за-мир-в-регионе/2375824> (дата обращения: 27.06.2022).

многие внешние акторы в разной степени, пытаясь влиять на события, втягивались в политическое урегулирование комплекса армяно-азербайджанских противоречий.

Во-первых, несмотря на кажущуюся пассивность РФ в ходе конфликта, в конечном счете ей удалось оказать решающее влияние на исход войны и прекращение кровопролития на Южном Кавказе. Именно достигнутое в ночь на 10 ноября 2022 г. соглашение РА, АР и РФ положило конец 44-дневной войне.

Во-вторых, с этим пришлось смириться и Вашингтону, и Парижу — сопредседателям и партнерам РФ по минскому формату. Турция, в отличие от Ирана, укрепила свои позиции в регионе, хотя и не стала оспаривать российское лидерство в завершении вооруженного конфликта на Южном Кавказе.

В-третьих, Великобритания фактически признала итоги войны и ведущую роль Москвы в прекращении боевых действий между Арменией и Азербайджаном. Ее внимание к вопросам региональной политики ослабло и переключилось на пространство континентальной Европы, прежде всего Украину, Польшу и страны Балтии.

В-четвертых, после завершения войны минский переговорный формат отошел на второй план. В глазах Азербайджана и Турции он окончательно утратил связь с реальностью и перестал иметь какое-либо конструктивное значение. Даже у Армении появились вопросы к МГ ОБСЕ в связи с ее неспособностью создать условия для диалога между конфликтующими сторонами.

В-пятых, все говорит за то, что субъектность Евросоюза в урегулировании конфликта до конца 2021 г. оставалась малозаметной. Вместе с тем в течение года проявился зачаточный потенциал будущего брюссельского посредничества, который становился все более заметным на фоне слабеющей МГ ОБСЕ.

Литература

1. Андреева Е. С. Влияние конфликта в Нагорном Карабахе 2020 г. на политику Ирана на Южном Кавказе // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 5 (68). С. 104–116.
2. Гаджиев К. С. Южный Кавказ через призму второй карабахской войны // Россия и новые государства Евразии. 2021. № 3(52). С. 126–139.
3. Гегелашвили Н. А. Нагорно-Карабахский конфликт: интересы США и позиция ЕС // Россия и новые государства Евразии. 2021. № 3 (52). С. 140–152.
4. Козут В. Г., Нурышев Г. Н. Карабахский узел геополитических противоречий на Южном Кавказе // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. № 1. С. 104–111.
5. Кривопапов А. А. Оперативные и технологические предпосылки победы Азербайджана в Нагорном Карабахе // Россия и новые государства Евразии. 2021. № 3 (52). С. 165–173.
6. Притчин С. А. Вторая карабахская война и ситуация на Южном Кавказе // Россия и новые государства Евразии. 2021. № 3 (52). С. 153–164.
7. Сафарян Р. А. Позиция МИД России по урегулированию конфликта в период второй карабахской войны // Регионы мира: проблемы истории, культуры и политики : сб. науч. статей. Нижний Новгород, 2021. С. 144–154.
8. Торин А. Слом статус-кво в Нагорном Карабахе: региональные и международные последствия конфликта [Электронный ресурс] // Международная жизнь. 2020. 20 ноября URL: <https://interaffairs.ru/news/show/28164> (дата обращения: 27.06.2022).
9. Шумилов М. М., Шумилов Ю. М. Военное сотрудничество Турции и Азербайджана в контексте реализации проекта создания пантюркистской армии // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 5. Ч. 1. М., 2022. С. 322–326.

Об авторах:

Шумилов Михаил Михайлович, профессор кафедры международных отношений Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор исторических наук, профессор;
mshumilov@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7670-0095>

Шумилов Юрий Михайлович, студент 4-го курса факультета экономики и финансов Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
ys812@yandex.ru

References

1. Andreeva E. S. The impact of the conflict in Nagorno-Karabakh in 2020 on Iran's policy in the South Caucasus. *Problems of national strategy* [Problemy natsional'noi strategii]. 2021. No. 5 (68). P. 104–116. (In Rus.)
2. Hajiyev K. S. South Caucasus through the prism of the Second Karabakh War. *Russia and the new states of Eurasia* [Rossiya i novye gosudarstva Evrazii]. 2021. No. 3 (52). P. 126–139. (In Rus.)
3. Gegelashvili N. A. The Nagorno-Karabakh conflict: the interests of the USA and the position of the EU. *Russia and the new states of Eurasia* [Rossiya i novye gosudarstva Evrazii]. 2021. No. 3 (52). P. 140–152. (In Rus.)
4. Kogut V. G., Nuryshv G. N. The Karabakh knot of geopolitical contradictions in the South Caucasus. *Eurasian integration: economics, law, politics* [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2021. No. 1. P. 104–111. (In Rus.)
5. Krivopalov A. A. Operational and technological prerequisites for Azerbaijan's victory in Nagorno-Karabakh. *Russia and the new States of Eurasia* [Rossiya i novye gosudarstva Evrazii]. 2021. No. 3 (52). P. 165–173. (In Rus.)
6. Pritchins S. A. The Second Karabakh War and the situation in the South Caucasus. *Russia and the new States of Eurasia* [Rossiya i novye gosudarstva Evrazii]. 2021. No. 3 (52). P. 153–164. (In Rus.)
7. Safaryan R. A. *The position of the Russian Foreign Ministry on the settlement of the conflict during the Second Karabakh War. Regions of the world: problems of history, culture and politics: collection of scientific articles.* Nizhny Novgorod, 2021. P. 144–154. (In Rus.)
8. Torin A. Scrapping the status quo in Nagorno-Karabakh: regional and international consequences of the conflict [Electronic resource]. *International life* [Mezhdunarodnaya zhizn']. November 20, 2020. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/28164> (accessed: 06/27/2022). (In Rus.)
9. Shumilov M. M., Shumilov Y. M. Military cooperation between Turkey and Azerbaijan in the context of the project of creating a pan-Turkic army. *Greater Eurasia: development, security, cooperation* [Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo]. Yearbook. Issue 5. Part 1. Moscow, 2022. P. 322–326. (In Rus.)

About the authors:

Mikhail M. Shumilov, Professor of the Chair of International Relations of North-West Institute of Management — Branch of RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (History), Professor;
mshumilov@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7670-0095>

Yury M. Shumilov, 4rd year student of North-West Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg, Russian Federation);
ys812@yandex.ru

Некоторые аспекты партийного сотрудничества между Казахстаном и Китаем

Ван Лулу

Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан; Китай

e-mail: 1933712797@qq.com

РЕФЕРАТ

В статье раскрываются вопросы многопланового сотрудничества и развития Китая и Казахстана в рамках совместного строительства «Один пояс — один путь» и экономической политики Казахстана «Нурлы жол» («Светлый путь»).

Цель. Выдвинуть предложения по содействию развитию казахстанско-китайской торговли на основе исследования текущей ситуации развития китайско-казахстанских отношений и отношений сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс — один путь» и анализа ограничительных факторов.

Задачи. Рассмотреть ключевые идеи, лежащие в основе двух планов, определить основные масштабы и направления сотрудничества, проанализировать перспективы реализации проекта международного сотрудничества и достигнутые на данный момент достижения.

Методология. Для сопоставления практики «Экономического пояса Шелкового пути» и плана «Нурлы жол» был применен метод сравнительного анализа для выявления существующих преимуществ и недостатков развития. Также в статье использовался метод библиографического анализа данных, чтобы путем поиска и изучения научных материалов и работ отечественных и зарубежных ученых углубить понимание влияния и особенностей инициативы «Один пояс — один путь» на Казахстан.

Результаты. На основе конкретных достижений сотрудничества были выдвинуты конструктивные предложения по дальнейшему развитию китайско-казахстанского сотрудничества. В целях беспрепятственного продвижения сотрудничества между строительством «Экономического пояса Шелкового пути» и «Светлого пути» необходимо дальнейшее совершенствование единых процедур и механизмов стыковки, полное использование коммуникационных возможностей ШОС для содействия экономическому сотрудничеству.

Выводы. «Один пояс — один путь» и «Нурлы жол» достигли значительной взаимодополняемости. Сотрудничество между ними удовлетворило потребности развития Казахстана и Китая. Но безопасность сотрудничества требует серьезного внимания. Китай, Казахстан и даже страны Центральной Азии должны углублять взаимодействие в нетрадиционных областях безопасности в рамках Шанхайской организации сотрудничества и поддерживать связь между ШОС и другими региональными механизмами безопасности.

Ключевые слова: партийное сотрудничество, «Один пояс — один путь», «Нурлы жол», Казахстан, Китай

Для цитирования: Ван Лулу. Некоторые аспекты партийного сотрудничества между Казахстаном и Китаем // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 3. С. 137–144.

Some Aspects of Party Cooperation between Kazakhstan and China

Wang Lulu

L. N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan; China

e-mail: 1933712797@qq.com

ABSTRACT

The article reveals the issues of multifaceted cooperation and development of China and Kazakhstan in the framework of the joint construction of “One Belt, One Road” and the economic policy of Kazakhstan “Nurly Zhol” (“Bright Road”).

Aim. Put forward proposals to promote the development of Kazakh-Chinese trade based on a study of the current situation in the development of Kazakh-Chinese relations and cooperation relations within the framework of the “One Belt, One Road” and an analysis of limiting factors.

Tasks. Consider the key ideas underlying the two plans, identify the main scope and areas of cooperation, analyze the prospects for the implementation of the international cooperation project and the achievements achieved so far.

Methods. To compare the practices of the Silk Road Economic Belt and the Nurly Zhol Plan, a comparative analysis method was adopted to identify the existing advantages and disadvantages of development. The method of bibliographic data analysis was also used in the article. By searching and studying scientific materials and works of domestic and foreign scientists, deepen the understanding of the impact and features of the One Belt, One Road initiative on Kazakhstan.

Results. On the basis of specific achievements of cooperation, constructive proposals were put forward for the further development of Chinese-Kazakh cooperation. In order to smoothly promote cooperation between the construction of the Silk Road Economic Belt and the Bright Road, it is necessary to further improve common procedures and docking mechanisms, to fully use the communication capabilities of the SCO to promote economic cooperation.

Conclusion. One Belt One Road and Nurly Zhol have achieved strong complementarity. The cooperation between them has satisfied the development needs of Kazakhstan and China. But the security of cooperation requires serious attention. China, Kazakhstan, and even the countries of Central Asia should jointly raise security awareness and deepen cooperation in non-traditional security areas within the framework of the Shanghai Cooperation Organization and deepen the connection between the SCO and other regional security mechanisms.

Keywords: Party cooperation, One Belt, One Road, Nurly Zhol, Kazakhstan, China

For citing: Wang Lulu. Some Aspects of Party Cooperation between Kazakhstan and China // Eurasian integration: economic, law, politics. 2022. Vol. 16. No. 3. P. 137–144.

Введение

Под влиянием экономической глобализации и международного финансового кризиса проблемы, стоящие перед развитием всех стран, по-прежнему серьезны. В поисках нового пути современного экономического развития в сентябре 2013 г. во время своего первого государственного визита в Казахстан Председатель КНР Си Цзиньпин в Назарбаев Университете впервые выдвинул стратегическую инициативу совместного строительства «Экономического пояса Шелкового пути»¹ с целью углубления экономических связей и взаимного сотрудничества между странами Евразии с помощью инновационных моделей сотрудничества. В октябре того же года на Конгрессе Индонезии лидер Китая выдвинул инициативу совместного строительства «Морского шелкового пути XXI века»² для укрепления морского сотрудничества. В контексте этой эпохи предложение «Один пояс — один путь» (ОПОП или «Пояс и путь») является крупным нововведением в дипломатическом мышлении Китая. Инициатива «Один пояс — один путь» является не организацией или механизмом, а идеей развития и предложением для сотрудничества между странами. Можно сказать, что это взаимовыгодный путь сотрудничества, способствующий общему развитию и достижению общего процветания

¹ «Один пояс — один путь» — путь взаимовыгодного развития и совместного процветания Китая и Казахстана (7 сентября 2018 г.) [Электронный ресурс] // Международное информационное агентство «Казинформ». URL: https://www.inform.kz/ru/odin-poyas-odin-put-put-vzaimovыgodnogo-razvitiya-i-sovmestnogo-procvetaniya-kitaya-i-kazahstana_a3381924 (дата обращения: 25.08.2022).

² Объедините усилия, чтобы построить сообщество Китая и АСЕАН с общим будущим (4 октября 2013 г.) [Электронный ресурс] // People.com. URL: <http://politics.people.com.cn/n/2013/1004/c1024-23102653.html> (дата обращения: 20.04.2022).

ния. Цель строительства «Пояса и пути» состоит в том, чтобы построить мост, соединяющий Европу и Азию, и способствовать развитию стран вдоль маршрута и развитию международного сотрудничества [5]. В строительстве «Пояса и пути» участвуют более 60 стран и регионов вдоль маршрута с общей численностью населения около 4,4 млрд чел. и экономическим совокупным объемом около 21 трлн долл. США. Казахстан, как дружественный сосед и первая остановка из Китая в страны Запада, является неотъемлемой частью строительства Шелкового пути. В последние годы Казахстан стал экономической державой в Центральной Азии благодаря своей быстро развивающейся нефтяной экономике и потенциалу экономического развития. В то же время Казахстан расширил свое политическое влияние в Центральной Азии через такие платформы, как Всемирная межрелигиозная конференция, СВМДА и Шанхайская организация сотрудничества. Казахстанские официальные лица дали «полное одобрение» инициативе «Экономический пояс Шелкового пути» и возложили большие надежды на сотрудничество в сфере транспорта. В этом контексте первый Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев предложил экономическую политику «Нурлы жол» («Светлый путь») для эффективного решения вопросов внутреннего экономического развития. Казахстан надеется превратить свой географический недостаток в геоэкономическое преимущество, избавиться от зависимости от экспорта энергоносителей и найти новый путь экономического роста за счет развития международной транспортно-логистической экономики. Цели и политика «Светлого пути» и «Пояса и пути» весьма совместимы, и лидеры двух стран активно продвигают сотрудничество между «Один пояс — один путь» и «Светлый путь».

Обсуждение

С момента обретения независимости Казахстан всегда поддерживал дружеские отношения с Китаем. В условиях все более тесного обмена страны активно строят двусторонние стратегические партнерские отношения. После установления дипломатических отношений Китай и Казахстан постепенно начали приграничную торговлю и в то же время постепенно достигли договоренностей по науке и технологиям, экономике, гуманитарным наукам и культуре. Кроме того, из-за присутствия многих трансграничных этнических групп на границе между Китаем и Казахстаном активно решались некоторые исторические вопросы в процессе сотрудничества. Во время своего визита в Китай в 2002 г. Нурсултан Назарбаев подписал китайско-казахстанский договор о дружбе и сотрудничестве¹. Республика Казахстан (РК) и Китайская Народная Республика (КНР) активно развивают и укрепляют отношения добрососедства, дружбы и взаимовыгодного сотрудничества в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права². Лидеры двух стран пришли к единому мнению об историческом значении границы между двумя странами и решимости сохранить мир в приграничье, также наметили планы дальнейшего сотрудничества в сферах экономики, науки и техники, культуры, образования и энергетики [6, с. 115]. Подписание договора о дружбе заложило прочную основу для дальнейшего развития китайско-казахстанского торгового партнерства. 4 июля 2005 г. председатель КНР Ху Цзиньтао и Президент Республики Казахстан Нурсултан Назарбаев в Астане подписали Совместную декларацию КНР и РК об установлении и развитии стратегического партнерства³. Определение стратегического партнерства способствует дальнейшему экономическому развитию и культурным обменам между двумя странами [5, с. 21–23]. В сентябре 2019 г. государственный визит Президента РК Касым-Жомарта Токаева придал новый импульс политическому диалогу на высшем уровне и задал новое направление развития казахстанско-китайского партнерства — развитие вечного

¹ Сотрудничество Республики Казахстан с Китайской Народной Республикой [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел Республики Казахстан. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/article/details/470?lang=ru> (дата обращения: 20.04.2022).

² О ратификации Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой [Электронный ресурс] // ИПС «Әділет». URL: <http://adilet.zan.kz> (дата обращения: 20.08.2022).

³ Совместная декларация Китая и Казахстана об установлении и развитии стратегического партнерства от 4 июля 2005 г. в Астане [Электронный ресурс] // Официальный сайт посольства Китайской Народной Республики в Российской Федерации. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/xwd/t202659.htm> (дата обращения: 20.08.2022).

всестороннего стратегического партнерства¹. 5 февраля 2022 г. на встрече с Президентом Касым-Жомартом Токаевым во время Зимних Олимпийских игр 2022 г. Си Цзиньпин подчеркнул, что коннотация китайско-казахстанских отношений вышла за рамки двусторонних отношений и имеет важное значение для регионального и даже международного мира и стабильности². Китай всегда будет надежным другом и твердым партнером Казахстана и готов углублять политическое взаимодоверие с Казахстаном, расширять всестороннее сотрудничество, стремиться к общему развитию, неуклонно охранять китайско-казахстанскую дружбу и поддерживать друг друга, совместно создавать еще одни золотые тридцать лет для развития китайско-казахстанских отношений.

«Один пояс — один путь», как великая инициатива Китая по углублению реформ, открытости и развитию дипломатии соседних стран, привлекла большое внимание международного сообщества и получила положительные отклики. «Один пояс — один путь» направлена на то, чтобы унаследовать и продвигать древний дух Шелкового пути — мир, дружбу, открытость, терпимость и взаимную выгоду, и способствовать взаимопониманию и доверию азиатских стран, а также продвигать построение азиатской экономической интеграции³. Предложение инициативы Китая предоставило новые идеи, новые модели, новые платформы и новые возможности для развития стран вдоль маршрутов и мира⁴. Этот способ стратегического сотрудничества предоставляет развивающимся странам на этом пути широкое открытое пространство и закладывает прочную основу для дальнейшего построения общности интересов, общности ответственности и общности судьбы с экономической интеграцией и политическим взаимным доверием, что будет способствовать глубоким изменениям в структуре глобального экономического управления. Концепция сообщества с общим будущим для человечества будет играть важную роль в идеологической интеграции [10, с. 46–52].

В последние годы в развитии и сотрудничестве в азиатском регионе был достигнут значительный прогресс, но все еще имеется множество проблем. ОПОП начинается в Китае и проходит через Центральную Азию, Юго-Восточную Азию, Южную Азию, Западную Азию и даже часть Европы, что способствует развитию зарубежного сотрудничества со странами вдоль маршрута, улучшению региональной торговли и инвестиционной среды и содействию упорядоченному потоку производственных факторов в регионе. Инициатива ОПОП придала новый импульс региональному сотрудничеству и региональному развитию.

Евразийские страны в основном разделены на пять направлений сотрудничества в рамках «Пояса и пути»: политическое согласование — обмен мнениями о планах, мерах, стратегиях и тактиках экономического развития; оптимизация строительства инфраструктуры — улучшение трансграничной транспортной инфраструктуры, создание транспортной сети; упрощение торговых и инвестиционных процедур; реформа валютных потоков; продвижение идей ОПОП среди населения [2, с. 4–5].

За свою недолгую историю ОПОП успел продемонстрировать свою перспективность, и правительство Казахстана уделяет большое внимание разработке политики экономического взаимодействия с Китаем в рамках данного проекта. В своем обращении к нации 11 ноября 2014 г. первый Президент Нурсултан Назарбаев, «отвечая на стоящие перед нами вызовами», представил новую концепцию политики Казахстана под названием «Нұрлы жол» (Светлый путь)⁵, которую он описал как «путь к будущему», предполагающую

¹ Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев встретился с премьером Государственного совета КНР Ли Кэцянгом (11 сентября 2019 г.) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: https://www.akorda.kz/ru/events/international_community/foreign_visits/prezident-kazakhstan-kasym-zhomart-tokaev-vstretilysya-s-premerom-gosudarstvennogo-soveta-kr-li-kecyanom (дата обращения: 20.04.2022).

² Интервью Чрезвычайного и Полномочного Посла КНР в РК по случаю визита Токаева в Китай (16 февраля 2022 г.) [Электронный ресурс] // Kazakhstan Today. URL: https://www.kt.kz/rus/interview/chrezvychaynyy_i_polnomochnyy_posol_knr_v_rk_dal_intervyu_po_1377929457.html (дата обращения: 20.04.2022).

³ Продвижение видения и действий по совместному строительству Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути 21 века (28 марта 2015 г.) [Электронный ресурс] // Ministry of Commerce of the People's Republic of China. URL: <http://hr.mofcom.gov.cn/article/ztdy/201503/20150300925993.shtml> (дата обращения: 20.04.2022).

⁴ The Belt and Road Initiative provides a new way of development for the world : Interview with Surasi Thanathang, Director of the Thailand-China Strategic Research Center of the National Research Institute of Thailand (April 24, 2019) [Electronic resource] // Xinhuanet. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2019-04/24/c_1124410220.htm (date of access: 25.08.2022).

⁵ Ольга Самофалова. Назарбаев верит в «Светлый путь» [Электронный ресурс] // Деловая газета «Взгляд». 2014. URL: <https://vz.ru/economy/2014/11/11/714787.html> (дата обращения: 20.04.2022).

увеличение экономического роста в стране за счет широкого привлечения инвестиций. «Она будет иметь контрциклический характер и будет направлена на продолжение структурных реформ в нашей экономике»¹. «Нурлы жол» — это план модернизации внутренней инфраструктуры (транспортной, промышленной, энергетической и другой) Казахстана для обеспечения устойчивого экономического развития и социальной стабильности. Основной целью новой политики является реализация масштабных инфраструктурных программ и транспортно-логистических проектов по всей стране, в частности построение «мультимодального высокоскоростного евразийского коридора, объединяющего железные, автомобильные и морские дороги» [1, с. 61–65]. Первый Президент ставит задачу по созданию транспортной сети, которая будет расходиться автомобильными, железнодорожными и авиационными магистральными радиусами от Нур-Султан (Астана). Осуществление этих проектов придаст импульс развитию транспортной сети Казахстана и создаст транспортный коридор глобального значения, соединяющий Китай со странами Европы и Ближнего Востока.

Таблица

Сравнительная информация концепций «Экономический пояс Шелкового пути» и «Светлый путь»

Table. Comparative Information of the Silk Road Economic Belt Project and the Bright Road Plan

Показатель	Экономический пояс Шелкового пути	Нурлы жол (Светлый путь)
Сходства	✓ Ожидание — содействие экономическому развитию и социальному прогрессу ✓ Метод реализации — привлечение инвестиций для стимулирования экономического развития [9, с. 57–61] ✓ Содержание — улучшение строительства инфраструктуры (строительство дорог, железных дорог, авиации, трубопроводов и других транспортных систем), создание конкурентоспособной транспортной сети	
Инициировавшая страна	Китай	Казахстан
Инициировавшая партия	Коммунистическая партия Китая	Нур Отан (AMANAT) ²
Время	• В сентябре 2013 г. в Казахстане председатель КНР Си Цзиньпин предложил стратегическую инициативу «Экономический пояс Шелкового пути» • 28 марта 2015 г. соответствующие ведомства по поручению китайского правительства опубликовали документ «Видение и действие, направленный на продвижение совместного строительства Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века» [3]	Лидер нации Нурсултан Назарбаев 11 ноября 2014 г. на политсовете партии «Нур Отан» обратился с Посланием народу Казахстана «Нурлы жол — Путь в будущее» ³
Цель	Построить сообщество интересов, сообщество ответственности и сообщество судьбы, основанное на экономической интеграции, культурной инклюзивности и политическом взаимном доверии для всех стран мира, включая евразийские страны ⁴	Содействие трансформации экономической структуры и повышение экономической эффективности Казахстана посредством создания эффективной и конкурентоспособной транспортной инфраструктуры ⁵
Миссия	• Изучение и поиск пути экономического роста • Восстановление баланса глобализации • Поиск новой модели международного сотрудничества и общемирового менеджмента • Создание нового типа регионального сотрудничества	• Улучшение инфраструктурного строительства в Казахстане • Содействие структурным преобразованиям экономики • Создание транспортного коридора с глобальным влиянием, который свяжет Китай со странами Европы и Ближнего Востока
Масштаб	Почти по всему евразийскому континенту	В основном это Казахстан, но он играет ведущую роль в соседних странах

Источник: составлено автором

¹ Послание Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева народу Казахстана «Нурлы Жол — путь в будущее» (г. Астана, 11 ноября 2014 г.) [Электронный ресурс] // Информационная система «ПАПАГРАФ PRG.KZ». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31625608&pos=4;-106#pos=4;-106 (дата обращения: 29.04.2022).

² 1 марта — Внеочередной XXII Съезд, в ходе которого партия получила новое название — AMANAT [Электронный ресурс]. URL: <https://amanatpartiasy.kz/history?lang=ru> (дата обращения: 20.04.2022).

³ Послание Президента 11 ноября 2014 г. «Нурлы жол — Путь в будущее» (13 ноября 2014 г.) [Электронный ресурс] // Zakon.Kz. URL: <https://www.zakon.kz/4670339-poslanie-prezidenta-11-nojabrja-2014.html> (дата обращения: 29.04.2022).

⁴ Посол КНР в КР выступил перед студентами АГУПР с лекцией на тему: «Уловить шанс концепции «Один пояс — один путь» [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Кабар». URL: <https://for.kg/news-321365-ru.html> (дата обращения: 25.08.2022).

⁵ Лидирующая роль транспортно-транзитного сектора: о реализации второго этапа программы «Нурлы жол» (31 августа 2021 г.) [Электронный ресурс] // Международное информационное агентство «Казинформ». URL: https://www.inform.kz/ru/lidiruyushaya-rol-transportno-tranzitnogo-sektora-o-realizacii-vtorogo-etapa-programmy-nurly-zhol_a3830456 (дата обращения: 25.08.2022).

Результаты

Путем сравнительного изучения информации двух планов (см. таблицу) можно увидеть, что эти проекты достигли сильной взаимодополняемости. Масштабные инвестиции в проект «Нурлы жол», помимо развития внутренней транспортной инфраструктуры страны и строительства развитой транспортной сети, также направлены на интеграцию Казахстана в глобальные транспортные коридоры в силу своего уникального географического положения¹. В плане особо подчеркивается стратегическое положение Казахстана как крупного евразийского транспортного узла для перевозки товаров из Азии в Европу. Реализация «Нурлы жол» приведет к значительному увеличению грузопотока на транзитных маршрутах через Казахстан. С увеличением объема грузов Казахстан надеется получить большую прибыль от транзита товаров и обеспечивает стабильный источник налоговых поступлений в финансы страны. Кроме того, этот план не только эффективно стимулирует экономический рост, но и создает большое количество рабочих мест: только благодаря проектам строительства и реконструкции дорог создано более 100 тыс. рабочих мест². Лидеры Казахстана и Китая неоднократно подчеркивали, что строительство «Нурлы жол» имеет важное значение для развития двух стран и даже развития мира [4]. 2 сентября 2016 г. правительство КНР и правительство РК подписали «План сотрудничества по сопряжению инициативы “Экономический пояс Шелкового пути” и новой экономической политики “Светлый путь”»³. Этот план двустороннего сотрудничества эффективно способствовал широкому обмену и сотрудничеству между двумя сторонами в области транспортной инфраструктуры, промышленности, сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности. Стыковка новой экономической политики двух стран эффективно стимулировала потенциал экономического развития двух стран. Этот план сотрудничества является стыковкой стратегий развития Казахстана и Китая и стыковкой комплексных проектов международного сотрудничества и обязательно принесет эффект «1 + 1 больше 2» для Казахстана и Китая.

Заключение

Казахстан и Китай сотрудничают на принципах равноправия и взаимной выгоды. Стыковка и сотрудничество между «Светлым путем» и «Экономическим поясом Шелкового пути» соответствует интересам и потребностям развития Китая и Казахстана, поднимая отношения между двумя странами на новые высоты. В центре внимания сотрудничества находится строительство транспортной инфраструктуры и укрепление взаимосвязи инфраструктуры. Обе страны намерены продолжать активно оптимизировать приграничную транспортную инфраструктуру и улучшать возможность автомобильных и железнодорожных перевозок с обеих сторон. Кроме того, Китай и Казахстан также выразили готовность совместно поддерживать крупномасштабные проекты сотрудничества в области производственных мощностей и инвестиций. Видно, что сотрудничество «Пояса и пути» и «Светлого пути» не ограничивается инфраструктурными проектами, но также включают промышленность и производство, такие как строительные материалы, строительная техника, автомобильная промышленность, пищевая промышленность и новые отрасли, такие как биология, новая энергия и новые материалы. Эти новые инвестиционные проекты в таких отраслях будут способствовать развитию промышленности и производства в Казахстане [11, с. 55–58]. Китайский ученый Лю Жуй так прокомментировал перспективы китайско-казахстанского сотрудничества: «Исходя из общих интересов и потребностей, две страны должны достичь стратегической стыковки путем строительства

¹ Роль и значение транспортно-транзитного потенциала Казахстана в Евразии (22 ноября 2016 г.) [Электронный ресурс] // Международное информационное агентство «Казинформ». URL: https://www.inform.kz/ru/rol-i-znachenie-transportno-tranzitnogo-potenciala-kazahstana-v-evrazii_a2972127 (дата обращения: 29.08.2022).

² Достижения новой экономической политики Казахстана «Светлый путь» (17 января 2019 г.) [Электронный ресурс] // Отдел по торгово-экономическим вопросам Посольства Китайской Народной Республики в Республике Казахстан. URL: <http://kz.mofcom.gov.cn/article/scdy/201901/20190102827894.shtml> (дата обращения: 29.04.2022).

³ Правительство Китайской Народной Республики и Правительство Республики Казахстан о плане сотрудничества по увязке строительства «Экономического пояса Шелкового пути» и новой экономической политики «Светлый путь» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Национальной комиссии по развитию и реформам. URL: https://www.ndrc.gov.cn/fzggw/jgsj/kfs/sjdt/201610/t20161017_1086133.html?code=&state=123 (дата обращения: 20.04.2022).

стыковочных платформ, создания механизмов стыковки и принятия общих законов и правил, которые могут принести новые развития к экономическому росту обеих сторон. ШОС является основной платформой для стыковки и сотрудничества. В то же время стыковка также будет способствовать трансформации ШОС от ее первоначальной функции безопасности на функции безопасности и экономики. Кроме того, мы должны продолжать продвигать механизм диалога и сотрудничества между правительствами двух стран, а также создать официальные стыковочные ведущие группы в Китае и Казахстане для укрепления китайско-казахстанского экономического сотрудничества» [8].

29 января 2022 г. Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев дал эксклюзивное интервью телеканалу «Хабар»¹. Президент прокомментировал сотрудничество Казахстана с Китаем, отметив, что Китай является ближайшим соседом Казахстана и казахстанские сельхозпроизводители возлагают большие надежды на китайский рынок. В январе-сентябре 2021 г., по данным КГД МФ РК, объем двусторонней торговли составил 13,5 млрд долл. (+12,5%), включая экспорт РК — 7,3 млрд долл. (-1,3%) и импорт — 6,2 млрд долл. (+34,7%). По данным Национального банка РК, по состоянию на 1 сентября 2021 г. Китай занимает 4-е место (21,3 млрд. долл.) по привлеченным в РК иностранным инвестициям после Нидерландов, США и Швейцарии². Президент также выразил готовность к дальнейшему углублению сотрудничества.

5 февраля 2022 г. на встрече с Президентом Казахстана Касым-Жомартом Токаевым в Пекине Председатель КНР Си Цзиньпин высоко оценил ощутимую пользу для двух стран и стратегическое значение проектов сотрудничества, созданных Китаем и Казахстаном в рамках совместного строительства «Пояса и пути»³. И дал понять, что две страны должны и впредь концентрироваться на производственных мощностях, торговле, сельском хозяйстве и строительстве инфраструктуры, а также совместными усилиями качественно строить «Пояс и путь». В то же время необходимо сосредоточиться на создании новых точек роста в области «зеленой» энергетики, современного здравоохранения, искусственного интеллекта, электронной коммерции, цифровых финансов и других областях, чтобы совместно построить «Зеленый Шелковый путь», «Шелковый путь здоровья» и «Цифровой Шелковый путь»⁴.

Литература

1. Государственная программа инфраструктурного развития РК «Нұрлы жол» на 2020–2025 годы // Министерство индустрии и инфраструктурного развития Республики Казахстан (г. Нур-Султан, 2019 год). С. 61–65.
2. *Пантелеев А., Желябовская К., Рябцев Н.* [и др.]. Сопряжение стратегии развития ЕАЭС и китайской инициативы «Один пояс — один путь» // Департамент макроэкономической политики. Аналитический доклад. 2021 г. С. 4–5.
3. *Панцеров К. А.* Китай — глобальный актор мировой политики: к вопросу архитектуры нового международного порядка [Электронный ресурс] // Международный научно-аналитический журнал Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ «Диалог: политика, право, экономика». URL: <https://iacs.ru/public/upload/files/1/853.pdf> (дата обращения: 25.08.2022).
4. Accelerate the connection between the “Belt and Road” and the “Bright Road” // Jiefang Daily. 2017. June 9. (На китайском яз.)
5. Joint declaration of China and Kazakhstan on the establishment and development of a strategic partnership // Gazette of the State Council of the People’s Republic of China — Diplomatic Documents. 2005. July 8 (23). P. 21–23.
6. *Kang Ze-min.* A Review of the Strategic Partner Relationship Between China and Kazakhstan // Journal of PLA University of Foreign Languages. 2006. No. 06. P. 115. (На китайском яз.)

¹ Эксклюзивное интервью Президента Республики Казахстан Касым-Жомарта Токаева Агентству «Хабар» [Электронный ресурс] // Акимат Целиноградского района. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/aqmola-selinograd/press/news/details/319013?lang=ru> (дата обращения: 20.04.2022)

² Сотрудничество Республики Казахстан с Китайской Народной Республикой [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства иностранных дел Республики Казахстан (2 декабря 2021 г.). URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/article/details/470?lang=ru> (дата обращения: 20.04.2022).

³ Си Цзиньпин встретился с Президентом Казахстана Касым-Жомартом Токаевым (5 февраля 2022 г.). [Электронный ресурс] // СИНХУА Новости. URL: http://russian.news.cn/2022-02/05/c_1310457140.htm (дата обращения: 25.08.2022).

⁴ Xi Jinping Meets with President Tokayev of Kazakhstan [Электронный ресурс] // Ministry of Foreign Affairs of the People’s Republic of China. 2022. February 05. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/zyxw/202202/t20220205_10639196.shtml (дата обращения: 20.04.2022).

7. Liu Jianchao. The "One Belt One Road" construction is a common cause of Asian countries // *Guangming Daily*. 2014. May 28 (008). (На китайском яз.)
8. Liu Rui. Connection of the Silk Road Economic Belt with the Future Economic Policy of "Bright Avenue": Reality and Prospect // *Journal of Lanzhou University (Social Sciences)*. Vol. 47. No. 4. July, 2019.
9. Wang Chengyue, Wang Xinyi. On the connection between the background of "One Belt and One Road" and the "Bright Road" plan // *Journal of the Party School of Jinan Municipal Committee of CPC*. 2018. No. 01. P. 57–61. (На китайском яз.)
10. Zeng Xianghong. The Geopolitical Imaginations of the "One Belt, One Road" Initiative and Regional Cooperation // *Journal of International Studies, CASS*. 2017. P. 46–52. (На китайском яз.)
11. Zhang Ning. Achievement and Outlook of Sino-Kazakh Economic Joint Cooperation // *Academic Journal of Russian Studies*. 2017. No. 02. P. 55–58.

Об авторе:

Ван Лулу, докторант политологии Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева (Нур-Султан, Казахстан; КНР);
1933712797@qq.com

References

1. *State program of infrastructure development of the Republic of Kazakhstan "Nurly Zhol" for 2020–2025*. Ministry of Industry and Infrastructure Development of the Republic of Kazakhstan (Nur-Sultan, 2019). P. 61–65. (In Rus.)
2. Panteleev A., Zhelyabovskaya K., Ryabtsev N. [et al.]. *Pairing the EAEU Development Strategy and the Chinese One Belt, One Road Initiative*. Department of Macroeconomic Policy. Analytical report. 2021. P. 4–5. (In Rus.)
3. Pantserev K. A. China as the Global Actor of World Policy: to the Problem of the Construction of the New World International Order [Electronic resource]. *International scientific and analytical journal of the Interparliamentary Assembly of Member Nations of the Commonwealth of Independent States "Dialogue: Politics, Law, Economics"* [Mezhdunarodnyi nauchno-analiticheskii zhurnal Mezhparlamentskoi Assamblei gosudarstv — uchastnikov SNG "Dialog: politika, pravo, ekonomika"]. URL: <https://iacis.ru/public/upload/files/1/853.pdf> (accessed: 08/25/2022). (In Rus.)
4. Accelerate the connection between the "Belt and Road" and the "Bright Road". *Jiefang Daily*. 2017. June 9. (In Chinese)
5. Joint declaration of China and Kazakhstan on the establishment and development of a strategic partnership. *Gazette of the State Council of the People's Republic of China — Diplomatic Documents*. 2005. July 8. P. 21–23.
6. Kang Ze-min. A Review of the Strategic Partner Relationship Between China and Kazakhstan. *Journal of PLA University of Foreign Languages*. 2006. No. 06. P. 115. (In Chinese)
7. Liu Jianchao. The "One Belt One Road" construction is a common cause of Asian countries. *Guangming Daily*. 2014. May 28. (In Chinese)
8. Liu Rui. Connection of the Silk Road Economic Belt with the Future Economic Policy of "Bright Avenue": Reality and Prospect. *Journal of Lanzhou University (Social Sciences)*. July, 2019. Vol. 47. No. 4.
9. Wang Chengyue, Wang Xinyi. On the connection between the background of "One Belt and One Road" and the "Bright Road" plan. *Journal of the Party School of Jinan Municipal Committee of CPC*. 2018. No. 01. P. 57–61. (In Chinese)
10. Zeng Xianghong. The Geopolitical Imaginations of the "One Belt, One Road" Initiative and Regional Cooperation. *Journal of International Studies, CASS*. 2017. P. 46–52. (In Chinese)
11. Zhang Ning. Achievement and Outlook of Sino-Kazakh Economic Joint Cooperation. *Academic Journal of Russian Studies*. 2017. No. 02. P. 55–58.

About the author:

Wang Lulu, PhD in Political Sciences of L. N. Gumilyov Eurasian National University (Nur-Sultan, Kazakhstan; China);
1933712797@qq.com

26.08.2022

Завершена работа над Соглашением об учреждении Евразийской перестраховочной компании

Главы правительств государств — членов ЕАЭС заявили о завершении работы над Соглашением об учреждении Евразийской перестраховочной компании (ЕПК) — международной финансовой организации, не имеющей аналогов на евразийском пространстве.

ЕПК призвана стимулировать взаимную и внешнюю торговлю, а также реализацию совместных кооперационных проектов за счет увеличения страховой емкости и профессионального управления рисками на всем пространстве ЕАЭС. Компания будет дополнять функционал национальных агентств по страхованию на наднациональном уровне, перестраховывая экспортные кредиты и инвестиции от предпринимательских и политических рисков в государствах Союза и третьих странах.

Уставной капитал ЕПК будет сформирован за счет взносов государств-членов и составит 15 млрд российских рублей. Потенциальная страховая емкость (без учета возможного расширения), создаваемая ЕПК, — до 2 млрд долл. США.

Согласно экспертной оценке, появление дополнительной страховой емкости Евразийской перестраховочной компании может привести к увеличению объема взаимной торговли внутри ЕАЭС на сумму более 6 млрд долл.

Планируется, что ЕПК начнет работу в 2023 году и будет открытой для вступления других государств, не входящих в ЕАЭС, и международных финансовых организаций.

*Отдел информационного обеспечения
департамента протокола
и организационного обеспечения ЕЭК*

Источник: <https://eec.eaeunion.org/news/zavershena-rabota-nad-soglasheniem-ob-uchrezhdenii-evraziyskoy-perestrakhovochnoy-kompanii/> 26.08.2022

26.08.2022

Страны ЕАЭС согласовали инфраструктурные проекты в сфере транспорта

На заседании Евразийского межправительственного совета, которое прошло 25–26 августа в Чолпон-Ате (Кыргызская Республика), рассмотрена совместная работа стран ЕАЭС в сфере транспорта и логистики. По итогам обсуждения одобрен перечень приоритетных инфраструктурных транспортных проектов в странах ЕАЭС.

Принятый документ послужит базой для обеспечения координации стран Союза в реализации инфраструктурных проектов с большим интеграционным потенциалом, отметил министр по энергетике и инфраструктуре Евразийской экономической комиссии Арзыбек Кожошев.

В перечень вошли проекты от всех стран Союза. Например, программа дорожного коридора «Север — Юг» (4-я очередь) от Армении и реконструкция автомобильной дороги М-1 / Е 30 Брест (Козловичи) — Минск — граница Российской Федерации (Редьки) от Беларуси. От Казахстана в перечне — реконструкция казахстанских участков автомобильной дороги М-32, относящихся к международному транспортному маршруту «Европа — Западный Китай». От Кыргызстана в перечне значится электрификация железнодорожного участка «Луговая — Балыкчи». Строительство и модернизация российских участков автомобильных дорог, относящихся к международному транспортному маршруту «Европа — Западный Китай», фигурирует в документе от Российской Федерации.

Всего в перечне семь проектов стран ЕАЭС в разной стадии реализации. При этом все они направлены на развитие евразийских транспортных коридоров и маршрутов, транзитного потенциала и транспортной инфраструктуры, которая входит в международные транспортные коридоры в направлениях «Восток — Запад» и «Север — Юг», в том числе в рамках сопряжения с китайской инициативой «Один пояс — один путь».

*Отдел информационного обеспечения
департамента протокола
и организационного обеспечения ЕЭК*

Источник: <https://eec.eaeunion.org/news/strany-eaes-soglasovali-infrastrukturnye-proekty-v-sfere-transporta/> 26.08.2022

26.08.2022

Итоги заседания Евразийского межправительственного совета 25–26 августа 2022 г.

Главы правительств стран Евразийского экономического союза на заседании Евразийского межправительственного совета, которое состоялось 25–26 августа в Чолпон-Ате (Кыргызская Республика) в очном формате, рассмотрели девять вопросов.

Главы правительств государств ЕАЭС заявили о завершении работы над Соглашением об учреждении Евразийской перестраховочной компании (ЕПК) — международной финансовой организации, не имеющей аналогов на евразийском пространстве.

Члены Межправсовета одобрили перечень приоритетных инфраструктурных транспортных проектов в странах ЕАЭС.

Главы правительств стран ЕАЭС обсудили вопрос расширения использования национальных валют стран Союза при осуществлении расчетов во взаимной торговле. Развитие ЕАЭС и последовательный рост взаимной торговли между государствами-членами сопровождаются повышением доли национальных валют во взаимных расчетах. За прошедшие с момента создания Союза семь лет их доля превысила 70%, достигнув к 2022 году показателя в 74%.

Главы правительств стран ЕАЭС обсудили внесение изменений в Договор о Союзе в части взимания косвенных налогов при электронной торговле товарами, реализуемыми физическим лицам.

Членам Межправсовета были представлены доклады Евразийской экономической комиссии о ходе работы по созданию и внедрению механизмов финансирования промышленной кооперации в Союзе и о ходе работы над Соглашением о регулировании в ЕАЭС алкогольного рынка.

ЕЭК продолжит работу по сближению позиций сторон по Соглашению о регулировании в ЕАЭС алкогольного рынка, внесению изменений в Договор о Союзе в части взимания косвенных налогов при электронной торговле товарами, реализуемыми физическим лицам.

Следующее заседание Евразийского межправительственного совета состоится 20–21 октября этого года в Республике Армения.

В заседании приняли участие Председатель ЕМПС, Председатель Кабинета министров — Руководитель Администрации Президента Кыргызской Республики Акылбек Жапаров, Премьер-министр Республики Армения Никол Пашинян, Премьер-министр Республики Беларусь Роман Головченко, Премьер-министр Республики Казахстан Алихан Смаилов, Председатель Правительства Российской Федерации Михаил Мишустин, Председатель Коллегии Евразийской экономической комиссии Михаил Мясникович. Со стороны представителей государств — наблюдателей при ЕАЭС — Премьер-министр Республики Узбекистан Абдулла Арипов, Премьер-министр Республики Куба Марреро Крус, Чрезвычайный и Полномочный посол Республики Куба в Российской Федерации Хулио Антонио Гармендия Пенья, а также Премьер-министр Азербайджанской Республики Али Идаят оглы Асадов в качестве приглашенного участника заседания.

Документы, подписанные по итогам заседания Евразийского межправительственного совета

— Распоряжение «О финансировании промышленной кооперации в Евразийском экономическом союзе».

— Заявление в рамках вопроса «О проекте Соглашения об учреждении Евразийской перестраховочной компании».

— Распоряжение «О перечне приоритетных интеграционных инфраструктурных проектов в сфере транспорта государств — членов Евразийского экономического союза».

– Распоряжение «О дальнейшей работе по расширению использования национальных валют государств — членов Евразийского экономического союза при осуществлении расчетов в рамках взаимной торговли».

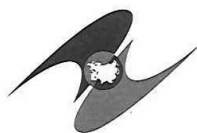
– Распоряжение «О времени и месте проведения заседания Евразийского межправительственного совета».

– Распоряжение «О представлении Высшему Евразийскому экономическому совету кандидатуры члена Совета Евразийской экономической комиссии».

– Распоряжение «О представлении Высшему Евразийскому экономическому совету кандидатуры члена Коллегии Евразийской экономической комиссии».

*Отдел информационного обеспечения
департамента протокола
и организационного обеспечения ЕЭК*

Источник: <https://eec.eaeunion.org/news/itogi-zasedaniya-evraziyskogo-mezhpravitelstvennogo-soveta-25-26-avgusta-2022-g/> 26.08.2022

ЕВРАЗИЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ

ПРИКАЗ

26 » сентября 2022 г.

№ 300

г. Москва

О взаимодействии Евразийской экономической комиссии с молодежью государств – членов Евразийского экономического союза

В целях реализации пункта 9.5 Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года, принятых Решением Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. № 12, в части взаимодействия Евразийской экономической комиссии с молодежью государств – членов Евразийского экономического союза, а также принимая во внимание Поручение Евразийского межправительственного совета от 21 июня 2022 г. №10, **п р и к а з ы в а ю:**

1. Департаменту протокола и организационного обеспечения Евразийской экономической комиссии (Д.Б. Турусбекову)

проработать предложение о создании Евразийского фонда поддержки молодежных инициатив на заседании Консультативного совета по взаимодействию Евразийской экономической комиссии и Делового совета Евразийского экономического союза;

внести предложение о создании постоянно действующего «единого окна» Евразийской экономической комиссии для рассмотрения обращений молодежи государств – членов Евразийского экономического союза, в том числе инициатив, предложенных на Молодежном форуме СНГ и ЕАЭС, который состоялся 25-26 августа 2022 г. в Чолпон-Ате (Кыргызская Республика);

совместно с Департаментом управления делами Евразийской экономической комиссии (В.В. Некрашевичем) актуализировать Положение о прохождении практики в Евразийской экономической комиссии обучающимися, осваивающими основные профессиональные образовательные программы высшего образования,

и внести на утверждение соответствующий проект приказа в установленном порядке;

внести предложения по повышению эффективности работы Молодежного совета Евразийской экономической комиссии в соответствии с Регламентом деятельности Молодежного совета Евразийской экономической комиссии, согласованным Председателем Коллегии Евразийской экономической комиссии 13 ноября 2019 года, в том числе по укреплению его персонала.

2. Контроль за исполнением настоящего приказа возложить на Руководителя Секретариата Председателя Коллегии Евразийской экономической комиссии В.И. Зиновского.

3. Настоящий приказ вступает в силу с даты его подписания.

Председатель Коллегии

М.В. Мясникович

16.09.2022

Самаркандская декларация совета глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества

Лидеры государств — членов Шанхайской организации сотрудничества (далее — ШОС или Организация) по итогам заседания Совета глав государств-членов в городе Самарканде 16 сентября 2022 года заявляют о следующем.

Сегодня мир переживает глобальные перемены, вступая в новую эпоху стремительного развития и масштабных преобразований. Эти фундаментальные процессы сопровождаются укреплением многополярности, усилением взаимосвязанности, ускорением темпов информатизации и цифровизации. На этом фоне усложняется современная система международных вызовов и угроз, наблюдается опасная деградация положения дел в мире, обостряются существующие и возникают новые локальные конфликты и кризисы.

Рост технологического и цифрового разрыва, сохраняющаяся турбулентность мировых финансовых рынков, глобальное сокращение инвестиционных потоков, нестабильность цепочек поставок, усиление протекционистских мер и других барьеров в международной торговле усугубляют нестабильность и неопределенность в мировой экономике.

Последствия глобального изменения климата и продолжающаяся пандемия COVID-19 создают дополнительные вызовы для экономического роста, обеспечения социального благополучия и продовольственной безопасности, а также реализации Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. В этих целях требуются новые подходы к продвижению более справедливого и эффективного международного сотрудничества и устойчивого экономического развития.

Государства-члены, опираясь на близость или совпадение оценок текущей региональной и международной повестки дня, подтверждают приверженность формированию более представительного, демократического, справедливого и многополярного миропорядка, основанного на общепризнанных принципах международного права, многосторонности, равной, совместной, неделимой, комплексной и устойчивой безопасности, культурно-цивилизационном многообразии, взаимовыгодном и равноправном сотрудничестве государств при центральной координирующей роли ООН.

Государства-члены в соответствии с принципами Хартии ШОС придерживаются линии, исключающей блоковые, идеологизированные и конфронтационные подходы к решению проблем международного и регионального развития, противодействию традиционным и нетрадиционным вызовам и угрозам безопасности. Принимая во внимание мнения государств-членов, они подтверждают актуальность инициатив продвигать взаимодействие в строительстве международных отношений нового типа в духе взаимного уважения, справедливости, равенства и взаимовыгодного сотрудничества, а также формирования общего видения идеи создания сообщества единой судьбы человечества.

Государства-члены выступают за уважение права народов на самостоятельный и демократический выбор путей своего политического и социально-экономического развития, подчеркивают, что принципы взаимного уважения суверенитета, независимости, территориальной целостности государств, равноправия, взаимной выгоды, невмешательства во внутренние дела, неприменения силы или угрозы применения силы являются основой устойчивого развития международных отношений. Они подтверждают приверженность мирному урегулированию разногласий и споров между странами посредством диалога и консультаций.

Государства-члены подтверждают ненаправленность ШОС против других государств и международных организаций и открытость для широкого сотрудничества с ними в соответствии с целями и принципами Устава ООН, Хартии ШОС и международным правом на основе учета взаимных интересов и общности подходов к решению региональных и общемировых проблем.

Шанхайская организация сотрудничества сегодня твердо закрепились в качестве авторитетного и влиятельного многостороннего объединения, деятельность которого направлена на обеспечение мира, безопасности и стабильности, совместное противостояние новым вызовам и угрозам на пространстве Организации, укрепление торгово-экономических и культурно-гуманитарных отношений между странами ШОС.

Государства-члены подчеркивают историческое значение принятой 20 лет назад Хартии ШОС, заложившей фундамент тесного, плодотворного и разностороннего сотрудничества государств — членов ШОС на основе «Шанхайского духа» — взаимного доверия, взаимной выгоды, равноправия, взаимных консультаций, уважения к многообразию культур, стремления к совместному развитию. Они считают, что последовательное воплощение в жизнь этих принципов способствует созданию новой модели регионального сотрудничества, которая вносит конструктивный вклад в укрепление взаимовыгодных многосторонних отношений в Евразии.

Государства-члены намерены и далее развивать сотрудничество в сферах политики и безопасности, торговли, экономики, финансов и инвестиций, культурных и гуманитарных связей в целях построения мирной, безопасной, процветающей и экологически чистой планеты Земля, достижения гармоничного сосуществования человека и природы.

Подчеркивая значимость 15-летия подписания Договора о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств — членов ШОС, лидеры государств-членов утвердили Комплексный план по его реализации на 2023–2027 годы. Государства-члены будут и далее наращивать участие ШОС в усилиях по обеспечению мира и безопасности, выступая за урегулирование международных и региональных конфликтов исключительно мирными политико-дипломатическими средствами в целях укрепления отношений между государствами-членами с тем, чтобы дружба их народов передавалась из поколения в поколение.

Государства-члены считают Центральную Азию ядром ШОС и поддерживают усилия стран региона, направленные на обеспечение процветания и мира, устойчивого развития и формирование пространства добрососедства, доверия и дружбы. Они выступают за дальнейшее усиление роли ШОС в укреплении стабильности и социально-экономическом развитии этого региона, приветствуют проведение регулярных Консультативных встреч глав государств Центральной Азии и в этой связи отметили успешное проведение очередного саммита 21 июля 2022 года (г. Чолпон-Ата, Кыргызская Республика).

Государства-члены считают, что осуществляемые усилия по укреплению взаимосвязанности между Центральной и Южной Азией способствуют достижению общей цели обеспечения процветания и безопасности в обширном регионе ШОС путем формирования устойчивых торгово-экономических и транспортно-коммуникационных связей и укрепления межцивилизационного диалога.

Государства-члены выразили глубокую обеспокоенность в связи с угрозой безопасности, исходящей от терроризма, сепаратизма и экстремизма во всех его формах и проявлениях, и решительно осудили террористические акты по всему миру. Они подчеркнули важность последовательной реализации Программы сотрудничества государств — членов ШОС в противодействии терроризму, сепаратизму и экстремизму на 2022–2024 годы (г. Душанбе, 17 сентября 2021 года).

Государства-члены, подтверждая твердую приверженность борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, полны решимости и далее принимать активные меры по устранению условий, способствующих распространению терроризма, перекрытию каналов финансирования терроризма, пресечению вербовочной деятельности и трансграничного перемещения террористов, противодействию экстремизму, радикализации молодежи, распространению террористической идеологии, а также по ликвидации «спящих ячеек» и мест, которые используются как убежища террористов.

Государства-члены отмечают недопустимость вмешательства во внутренние дела государств под предлогом противодействия терроризму и экстремизму, а также неприемлемость использования террористических, экстремистских и радикальных группировок в корыстных целях.

Государства-члены считают важным наращивание совместных усилий международного сообщества по противодействию попыткам вовлечения молодежи в деятельность террористических, сепаратистских и экстремистских группировок, уделяя особое внимание недопущению распространения религиозной нетерпимости, агрессивного национализма, этнической и расовой дискриминации, ксенофобии, идей фашизма и шовинизма.

Государства-члены отмечают эффективную деятельность Региональной антитеррористической структуры ШОС по содействию сотрудничеству компетентных органов в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Подчеркнута важность реализации практических мер, направленных на расширение ее возможностей по укреплению практического взаимодействия на этих направлениях.

Государства-члены в соответствии с их национальными законодательствами и на основе консенсуса будут стремиться к выработке общих принципов и подходов к формированию единого перечня террористических, сепаратистских и экстремистских организаций, деятельность которых запрещена на территориях государств — членов ШОС.

Государства-члены отметили итоги совместных антитеррористических учений компетентных органов государств — членов ШОС «Пабби-Антитеррор-2021» и совместной пограничной операции пограничных служб компетентных органов государств — членов ШОС «Солидарность — 2019–2021», а также эффективное председательство Республики Индии в Совете РАТС ШОС (2021–2022 годы).

Государства-члены считают необходимой реализацию Решения СГГ ШОС о совершенствовании механизмов противодействия вызовам и угрозам безопасности государств — членов ШОС с учетом соответствующих инициатив: о создании Антинаркотического центра Шанхайской организации сотрудничества в городе Душанбе в качестве отдельного постоянно действующего органа (Республика Таджикистан); об учреждении на базе Региональной антитеррористической структуры ШОС в городе Ташкенте Универсального центра по противодействию вызовам и угрозам безопасности государств — членов ШОС (Российская Федерация); о создании на базе Региональной антитеррористической структуры ШОС Центра информационной безопасности ШОС (Республика Казахстан); об учреждении на базе Региональной антитеррористической структуры Шанхайской организации сотрудничества Центра по противодействию международной организованной преступности в г. Бишкек (Кыргызская Республика).

Государства — члены ШОС продолжают сотрудничество в области обеспечения международной информационной безопасности на основе Соглашения между правительствами государств — членов ШОС от 16 июня 2009 года (г. Екатеринбург) и соответствующего Плана взаимодействия на 2022–2023 годы.

Государства-члены будут развивать взаимодействие профильных органов государств-членов в сфере развития цифровой грамотности в целях преодоления цифрового разрыва.

Государства-члены подчеркивают ключевую роль ООН в сфере противодействия угрозам в информационном пространстве, создания безопасного, справедливого и открытого информационного пространства, построенного на принципах уважения государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела других стран.

Они считают важным обеспечивать равные для всех стран права на регулирование сети Интернет и суверенное право государств на управление ею в своем национальном сегменте.

Государства-члены выступают категорически против милитаризации ИКТ-сферы. Они поддерживают выработку универсальных правил, принципов и норм ответственного поведения государств в этой области, в том числе приветствуют запуск разработки под эгидой ООН всеобъемлющей международной конвенции о противодействии использованию ИКТ в преступных целях. Государства-члены продолжают сотрудничать в рамках профильных переговорных механизмов в ООН и на других международных площадках.

Государства-члены призывают международное сообщество укреплять глобальное сотрудничество в борьбе с терроризмом во всех его формах и проявлениях, при центральной роли ООН путем полной реализации соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН и Глобальной контртеррористической

стратегии в соответствии с Уставом ООН и принципами международного права, без политизации и двойных стандартов, уважая суверенитет и независимость всех государств, а также добиваться консенсуса по вопросу принятия Всеобъемлющей конвенции по борьбе с международным терроризмом.

Государства-члены отметили итоги международной конференции, посвященной десятилетию принятия Совместного плана действий по реализации Глобальной контртеррористической стратегии ООН в Центральной Азии (г. Ташкент, 3–4 марта 2022 года).

Государства-члены отметили усилия Республики Таджикистан по продвижению многостороннего взаимодействия по борьбе с терроризмом и его финансированием в Центрально-Азиатском регионе («Душанбинский процесс») и проведению совместно с ООН очередной Конференции высокого уровня «Международная и региональная безопасность и сотрудничество в области управления границами для борьбы с терроризмом и предотвращения перемещения террористов» 18–19 октября 2022 года в г. Душанбе.

Государства-члены отметили выдвижение кандидатур Исламской Республики Пакистан (2025–2026 годы), Кыргызской Республики (2027–2028 годы), Республики Индии (2028–2029 годы), Республики Таджикистан (2028–2029 годы), Республики Казахстан (2039–2040 годы) в непостоянные члены Совета Безопасности ООН, а также выдвижение кандидатуры Кыргызской Республики (2023–2025 годы) и Китайской Народной Республики (2024–2026 годы) в Совет ООН по правам человека, кандидатуры Республики Казахстан на пост председателя Генассамблеи ООН на 2031–2032 годы и кандидатуры Республики Таджикистан на членство в Экономическом и Социальном Совете ООН на 2024–2026 годы.

Государства-члены, отметив итоги Встречи секретарей советов безопасности государств — членов ШОС (г. Ташкент, 18–19 августа 2022 года), подтвердили готовность и далее расширять сотрудничество в области противодействия угрозам стабильности и безопасности на пространстве ШОС.

Государства-члены отметили итоги Совещания министров обороны государств — членов ШОС (г. Ташкент, 24–25 августа 2022 года) и высказались за дальнейшее наращивание сотрудничества в области обороны и безопасности. Они также подчеркнули важность регулярного проведения совместных военных антитеррористических командно-штабных учений «Мирная миссия» для повышения уровня взаимодействия в борьбе с вооруженными формированиями международных террористических организаций и совершенствования методов противодействия терроризму.

Государства-члены выразили озабоченность усилением угроз, вызванных ростом производства, оборота и злоупотребления наркотическими средствами, использованием доходов от незаконного оборота наркотиков как одного из источников финансирования терроризма. Они подчеркнули необходимость выработки совместного и сбалансированного подхода в вопросах противодействия незаконному обороту наркотиков и их прекурсоров и отметили важность выполнения международных конвенций о контроле над наркотиками и других соответствующих нормативно-правовых документов.

Государства-члены отмечают, что незаконный оборот наркотиков и их немедицинское потребление представляют угрозу международной и региональной безопасности и стабильности, устойчивому экономическому развитию государств, здоровью и благосостоянию народов, а также осуществлению основных прав и свобод человека. Они подчеркивают важность консолидации сил по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, выступают за дальнейшее активное развитие практического сотрудничества на этом направлении.

Государства-члены намерены и впредь совместно противодействовать попыткам узаконить применение наркотиков в немедицинских целях, исходя из неприемлемости легализации наркотиков, которая рассматривается в качестве грубого нарушения трех профильных международных конвенций.

Государства-члены продолжают проводить на регулярной основе совместные операции по пресечению незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, предпринимать эффективные меры по предотвращению распространения синтетических наркотиков, новых психоактивных веществ на основе Антинаркотической стратегии ШОС на 2018–2023 годы и Программы действий по ее выполнению. Они отметили итоги Совещания руководителей компетентных органов государств-членов, наделенных полномочиями по борьбе с незаконным оборотом наркотиков (г. Ташкент, 20 апреля 2022 года).

Государства-члены выступают за активное взаимодействие с другими заинтересованными государствами, региональными, международными организациями на данном направлении. Они отметили итоги совместного мероприятия высокого уровня ШОС и Управления ООН по наркотикам и преступности (15 марта 2022 года) в ходе 65-й сессии Комиссии ООН по наркотическим средствам и подчеркнули важность продолжения участия ШОС в реализации инициативы «Парижский пакт».

Государства-члены считают важной устойчивую реализацию Совместного всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе и в соответствии с Резолюцией 2231 Совета Безопасности ООН призывают всех участников к неукоснительному исполнению своих обязательств для всестороннего и результативного выполнения документа.

Государства-члены, являющиеся участниками Договора о нераспространении ядерного оружия, выступают за неукоснительное соблюдение положений Договора, всестороннее сбалансированное продвижение всех зафиксированных в нем целей и принципов, укрепление глобального режима нераспространения ядерного оружия, продолжение процесса ядерного разоружения, а также содействие равноправному взаимовыгодному сотрудничеству в области использования атомной энергии в мирных целях.

Государства-члены вновь обращают внимание на то, что одностороннее и ничем не ограниченное наращивание отдельными странами или группами государств систем глобальной противоракетной обороны оказывает негативное воздействие на международную безопасность и стабильность. Они считают недопустимыми попытки обеспечивать собственную безопасность за счет безопасности других государств.

Государства-члены выступают за реагирование на глобальные и региональные вызовы и угрозы безопасности политическими и дипломатическими средствами на многосторонней основе, будут укреплять сотрудничество и активно содействовать многостороннему процессу контроля над вооружениями, разоружения и нераспространения, включая усилия в рамках Конференции по разоружению.

Государства-члены выступают за сохранение космического пространства свободным от оружия любого вида и констатируют важное значение неукоснительного соблюдения действующего правового режима, предусматривающего исключительно мирное использование космоса. Они подчеркивают необходимость заключения международного юридически обязывающего документа, который обеспечивал бы укрепление транспарентности и предоставлял бы надежные гарантии предотвращения гонки вооружений и неразмещения первыми оружия в космическом пространстве.

Государства-члены особо отмечают значимость Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (КБТО) как одной из опор архитектуры глобальной безопасности. Они подчеркивают необходимость строгого соблюдения КБТО, в том числе путем принятия Протокола к Конвенции, предусматривающего эффективный механизм проверки. Они выступают против создания любых механизмов, дублирующих функции КБТО, в том числе в части, касающейся компетенции Совета Безопасности ООН.

Государства-члены призывают к соблюдению в полном объеме Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении (КЗХО) в качестве эффективного инструмента в сфере разоружения и нераспространения. Они подчеркивают важность скорейшего уничтожения всех заявленных запасов химического оружия. Государства-члены вновь заявляют о поддержке Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) и выступают за принятие согласованных решений с тем, чтобы преодолеть разногласия в рамках Организации, обеспечить ее целостность и эффективную работу в соответствии с Конвенцией.

Государства-члены считают, что скорейшее вступление в силу Протокола о гарантиях безопасности к Договору о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии для всех подписавших его государств станет значительным вкладом в обеспечение региональной безопасности и упрочение режима нераспространения ядерного оружия.

Государства-члены исходят из безальтернативности политико-дипломатического урегулирования конфликтных ситуаций в различных регионах мира на основе строгого соблюдения общепризнанных норм и принципов международного права.

Государства-члены считают, что одним из важнейших факторов сохранения и укрепления безопасности и стабильности на пространстве ШОС является скорейшее урегулирование ситуации в Афганистане. Они выступают за становление Афганистана в качестве независимого, нейтрального, единого, демократического и мирного государства, свободного от терроризма, войны и наркотиков.

Государства-члены считают исключительно важным создание в Афганистане инклюзивного правительства с участием представителей всех этнических, религиозных и политических групп афганского общества.

Государства-члены, подчеркивая значимость оказанных региональными и соседними с Афганистаном странами многолетнее гостеприимство и эффективную помощь афганским беженцам, считают важными активные усилия международного сообщества по содействию их достойному, безопасному и устойчивому возвращению на родину.

Государства-члены, с учетом складывающейся гуманитарной ситуации в Афганистане, выступили за продолжение усилий по оказанию помощи афганскому народу.

Государства-члены отметили итоги XVII заседания Форума ШОС (Российская Федерация, 26 мая 2022 года), а также подчеркнули важное значение дальнейшего развития работы Форума ШОС как общественно-консультационного механизма и платформы для экспертного диалога по актуальным вопросам развития деятельности ШОС.

Государства-члены подтверждают намерение развивать практическое взаимодействие в сфере права и юстиции, судебно-экспертной деятельности путем выработки согласованных подходов по обмену опытом, методикой проведения судебных экспертиз, по повышению квалификации судебных экспертов.

Они выступают за развитие сотрудничества в области нормотворческой деятельности, правовой помощи, правового просвещения населения, а также продолжение усилий по созданию онлайн-платформы для обмена правовой информацией с учетом положений национального законодательства.

Государства-члены в соответствии со своими национальными законодательствами будут развивать сотрудничество по линии генеральных прокуратур, обеспечив взаимодействие в правоохранительной деятельности, направленной на защиту прав человека и противодействие современным вызовам и угрозам транснациональной преступности, включая использование ИКТ в преступных целях, коррупцию, незаконный оборот наркотиков и их прекурсоров, контрабанду, терроризм, экстремизм, незаконную миграцию, торговлю людьми, деяния, посягающие на права и свободы несовершеннолетних, безопасность экологии и природопользования.

Государства-члены отмечают, что плодотворное сотрудничество по линии председателей верховных судов является надежной платформой для совершенствования совместной деятельности в области защиты прав и свобод человека, укрепления справедливости, законности и правопорядка. Данный механизм служит сближению подходов в работе судов государств — членов ШОС, улучшению эффективности межсудебного взаимодействия, созданию условий для углубления судебных реформ.

Они будут расширять сотрудничество в судебно-экспертной области, включая осуществление информационного обмена и совместных мероприятий.

Государства-члены придают важное значение сотрудничеству между верховными судами в области правосудия как эффективному фактору в укреплении взаимного доверия и дружбы, развитии добрососедства в рамках ШОС.

Государства-члены убеждены, что коррупция во всех ее проявлениях является угрозой национальной и региональной безопасности, приводит к снижению эффективности государственного управления, негативно влияет на международный авторитет и инвестиционную привлекательность государств, сдерживает их поступательное социально-экономическое развитие. Они выступают за дальнейшее укрепление международного сотрудничества в сфере антикоррупционной деятельности, повышение авторитета ООН и ее роли в глобальной антикоррупционной борьбе и поддерживают соответствующую Конвенцию ООН.

Государства-члены выступают за налаживание связей по линии законодательных органов и обмена опытом в области государственного управления и развития.

Государства-члены продолжают практику направления миссий ШОС для наблюдения за президентскими, парламентскими выборами и референдумами.

Государства-члены подтверждают открытость ШОС для присоединения заинтересованных государств, цели и стремления которых соответствуют критериям и условиям, содержащимся в нормативно-правовых документах Организации. Они отметили важное значение принятого 17 сентября 2021 года на Душанбинском саммите Решения о начале процедуры приема Исламской Республики Иран в качестве члена Организации, практической реализацией которого стало подписание Меморандума об обязательствах ИРИ в целях получения статуса государства — члена ШОС от 16 сентября 2022 года в г. Самарканде.

Государства-члены подчеркнули важность решения о начале процедуры приема Республики Беларусь в члены ШОС.

Государства-члены с удовлетворением констатируют принятие решений о предоставлении Королевству Бахрейн, Мальдивской Республике, Государству Кувейт, Объединенным Арабским Эмиратам и Республике Союз Мьянма статуса партнера ШОС по диалогу. Они отметили подписание меморандумов о предоставлении статуса партнера ШОС по диалогу с Арабской Республикой Египет, Королевством Саудовская Аравия и Государством Катар.

Государства-члены приветствовали подписание Секретариатом ШОС меморандумов о взаимопонимании с Генеральным секретариатом Лиги Арабских Государств, ЮНЕСКО, Экономической и социальной комиссией для Азии и Тихого океана.

Государства-члены подчеркнули, что расширение ШОС и дальнейшее углубление сотрудничества с государствами-наблюдателями, партнерами ШОС по диалогу и международными объединениями расширит потенциал Организации и поспособствует дальнейшему повышению ее роли на международной арене в качестве многостороннего механизма по решению актуальных проблем современности, обеспечению безопасности, стабильности и устойчивого развития в регионе.

Государства-члены продолжают поиск общих точек зрения по внешнеполитическим вопросам, представляющим общий интерес, в том числе в международных организациях и на международных форумах.

Государства-члены подтверждают важность дальнейшего совершенствования архитектуры глобального экономического управления и будут последовательно отстаивать и укреплять открытую, транспарентную, справедливую, инклюзивную и недискриминационную многостороннюю торговую систему, основанную на принципах и правилах Всемирной торговой организации (ВТО), содействовать развитию открытой мировой экономики, выступать против протекционистских действий и торговых ограничений, которые противоречат принципам ВТО, подрывают систему многосторонней торговли и угрожают мировой экономике. Они подчеркнули, что одностороннее применение экономических санкций, кроме принятых Советом Безопасности ООН, несовместимо с принципами международного права и оказывает негативное влияние на третьи страны и международные экономические отношения.

Государства-члены призывают к повышению эффективности ВТО как ключевой площадки для обсуждения повестки дня международной торговли и принятия правил многосторонней торговой системы. Они подчеркивают необходимость скорейшего проведения инклюзивной реформы организации с упором на вопросы ее развития и адаптации к современным экономическим реалиям, а также эффективной реализации функций мониторинга, переговоров и разрешения споров.

Государства-члены выступают за поощрение регионального экономического сотрудничества в различных формах, содействие созданию благоприятных условий для торговли и инвестиций в целях постепенного осуществления свободного передвижения товаров, капиталов, услуг и технологий.

Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Исламская Республика Пакистан, Российская Федерация, Республика Таджикистан и Республика Узбекистан, подтверждая поддержку инициативы

Китай «Один пояс — один путь» (ОПОП), отмечают текущую работу по совместному осуществлению этого проекта, в том числе усилия по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и ОПОП.

Государства-члены считают важным использовать потенциалы стран региона, международных организаций и многосторонних объединений в интересах формирования в Евразии пространства широкого, открытого, взаимовыгодного и равноправного взаимодействия в соответствии с нормами и принципами международного права и с учетом национальных интересов. В этой связи они отметили идею создания Большого Евразийского партнерства с участием стран ШОС, Евразийского экономического союза, Ассоциации государств Юго-Восточной Азии, а также других заинтересованных государств и многосторонних объединений.

Государства-члены отметили важность дальнейшего углубления сотрудничества между Шанхайской организацией сотрудничества и Советом по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) в обеспечении безопасности и стабильности в регионе, а также по другим вопросам, представляющим взаимный интерес. В этой связи они выразили поддержку институциональному развитию СВМДА.

Государства-члены подчеркнули необходимость последовательного выполнения Программы многостороннего торгово-экономического сотрудничества государств — членов ШОС и Плана действий по ее реализации. Они подчеркнули, что в ШОС нарабатан значительный экономический и инвестиционный потенциал, который вносит вклад в улучшение торгово-экономического сотрудничества. Расширение и углубление взаимодействия в финансовой, инвестиционной, промышленной, транспортной, энергетической, сельскохозяйственной и других областях, в том числе путем разработки и реализации совместных программ и проектов, отвечает интересам устойчивого социально-экономического развития в регионе ШОС.

Государства-члены приняли решение создать Специальную рабочую группу по стартапам и инновациям, Специальную рабочую группу по борьбе с бедностью и Экспертную рабочую группу по традиционной медицине.

Принимая во внимание важность изучения и комплексного анализа факторов, влияющих на экономическое сотрудничество в рамках ШОС, с учетом глобальных и региональных процессов и выработки экспертных рекомендаций и предложений для развития экономической отрасли ШОС, государства-члены отмечают важность продолжения практики проведения заседаний Консорциума экономических аналитических центров государств — членов ШОС и Экономического форума ШОС.

Государства-члены выступают за дальнейшее углубление ориентированного на людей взаимодействия по вопросам повышения благосостояния и уровня жизни населения на пространстве ШОС. Они отметили итоги первой встречи руководителей министерств и ведомств ШОС по вопросам сокращения бедности (г. Ташкент, 28 января 2022 года) и Международной конференции по сокращению бедности (г. Бухара, 26–27 мая 2022 года).

Государства-члены подчеркнули влияние COVID-19 на динамику процессов экономического роста на пространстве ШОС. В этой связи они считают важным продолжать координацию усилий по преодолению негативных социально-экономических последствий пандемии, в том числе дальнейшей реализации Плана совместных рекомендательных мер государств — членов ШОС на 2021–2023 годы (г. Душанбе, 17 сентября 2021 года).

Государства-члены, отмечая значение электронной торговли для развития экономического сотрудничества в интересах повышения занятости и роста благосостояния населения, поручили Совету глав правительств (премьер-министров) государств — членов ШОС принять меры по повышению эффективности взаимодействия в этой сфере в рамках Совещания министров, отвечающих за внешнеэкономическую и внешнеторговую деятельность, и профильной Специальной рабочей группы.

Государства-члены выступают за укрепление потенциала технопарков, объединение усилий для развития инновационной экосистемы, проведение совместных исследований и разработок, запуск новых цифровых проектов на пространстве ШОС, уделяя особое внимание реализации Концепции о создании Пула технопарков государств — членов ШОС от 2021 года.

Государства-члены отметили, что одной из составляющих развития инновационного потенциала ШОС может стать креативная экономика. Они считают, что поддержка креативных индустрий позволит внести вклад в повышение конкурентоспособности экономик стран ШОС.

Государства-члены продолжают укреплять межрегиональное сотрудничество путем реализации Программы развития межрегионального сотрудничества, проведения и дальнейшего расширения формата Форума глав регионов государств — членов ШОС, в том числе путем использования заинтересованными государствами площадки демонстрационной зоны регионального торгово-экономического сотрудничества Китай–ШОС в г. Циндао.

В целях укрепления сотрудничества и развития сферы услуг и торговли услугами в рамках ШОС, повышения региональной и глобальной конкурентоспособности заинтересованные государства-члены утвердили Рамочные основы сотрудничества между уполномоченными органами государств — членов Шанхайской организации сотрудничества в сфере торговли услугами и План совместных действий по развитию внутрирегиональной торговли в рамках Шанхайской организации сотрудничества.

Государства-члены будут и далее развивать потенциал Делового совета и Межбанковского объединения ШОС, продвигать совместные инициативы деловых кругов по активизации сотрудничества в целях реализации проектов в области финансов, высоких технологий, транспортно-коммуникационной инфраструктуры, энергетики, инвестиций, малого и среднего бизнеса на пространстве ШОС.

Государства-члены подчеркнули необходимость обеспечения финансового сопровождения проектной деятельности в целях раскрытия в полной мере инвестиционного потенциала Организации и в этой связи продолжения консультаций по вопросам создания Банка развития ШОС и Фонда развития (Специального счета) ШОС.

Они отметили принятие заинтересованными государствами — членами ШОС Дорожной карты по постепенному увеличению доли национальных валют во взаимных расчетах и высказались за расширение этой практики.

Государства-члены продолжают взаимодействие в области цифровой экономики, поддерживать развитие цифровых технологий. Они отметили итоги первой встречи руководителей министерств и ведомств государств — членов ШОС, ответственных за развитие информационных технологий, (г. Ташкент, 25 ноября 2021 года) и принятие Плана действий по реализации Концепции сотрудничества государств — членов ШОС в сфере цифровизации и информационно-коммуникационных технологий.

В целях содействия экономическому росту в государствах — членах ШОС посредством создания эффективной и конкурентоспособной транспортной и технологической инфраструктуры принята Программа инфраструктурного развития на пространстве ШОС.

Государства-члены подчеркивают важность дальнейшего углубления сотрудничества в транспортной сфере, включая создание новых и модернизацию действующих международных маршрутов для автомобильного и железнодорожного транспорта, мультимодальных транспортных коридоров и логистических центров, торговли и туризма, внедрение цифровых, инновационных и энергосберегающих технологий, оптимизацию трансграничных процедур в соответствии с лучшими международными практиками и реализацию других совместных инфраструктурных проектов, обеспечивающих эффективное использование транзитного потенциала государств — членов ШОС.

Главы делегаций отметили итоги девятого совещания министров транспорта государств — членов ШОС (г. Хива, 12 мая 2022 года). В целях развития транзитного потенциала на пространстве ШОС главами государств утверждена Концепция сотрудничества государств — членов ШОС по развитию взаимосвязанности и созданию эффективных транспортных коридоров.

Подходы к вопросам ускорения экономического восстановления после пандемии COVID-19, дальнейшего углубления регионального экономического сотрудничества и разблокирования международных производственных цепочек и цепочек поставок зафиксированы в принятом в формате заинтересованных государств-членов Заявлении об обеспечении надежных, устойчивых и диверсифицированных цепочек поставок.

Они отмечают важность последовательной реализации Соглашения между правительствами государств — членов ШОС о создании благоприятных условий для международных автомобильных перевозок (г. Душанбе, 12 сентября 2014 года) и регулярное проведение заседаний Совместной комиссии по созданию благоприятных условий для международных автомобильных перевозок.

Государства-члены продолжают развитие взаимодействия железнодорожных администраций на основе Концепции взаимодействия железнодорожных администраций (железных дорог) государств — членов ШОС от 2 ноября 2019 года.

Государства-члены выступают за дальнейшее развитие современных логистических центров и совместное принятие мер по координации и содействию объединению железнодорожной инфраструктуры, стыковке политики и правил, научно-технических инноваций и наращиванию потенциала, исследованию конкретных мер по увеличению количества международных интермодальных контейнерных поездов и дальнейшему содействию безопасному, стабильному и качественному развитию железнодорожных перевозок.

Государства-члены отметили предложение Республики Узбекистан о создании в Центральной Азии под эгидой ООН Регионального центра развития транспортно-коммуникационной взаимосвязанности, а также предложение Республики Казахстан о создании Центра ООН по Целям устойчивого развития для Центральной Азии и Афганистана.

Государства-члены подчеркнули необходимость дальнейшего развития сотрудничества в сфере промышленности и производственной кооперации в рамках ШОС. Они отметили итоги второго Совещания министров промышленности государств — членов ШОС (г. Ташкент, 15 июля 2022 года), а также подписание Программы стимулирования промышленной кооперации между деловыми кругами государств — членов ШОС и открытие Индустриальной зоны «Узбекистан–ШОС».

Государства-члены отметили итоги Совещания министров энергетики государств — членов ШОС (г. Ташкент, 24 июня 2022 года). Они продолжают углубление взаимодействия между странами ШОС в области энергетики путем практической реализации Концепции сотрудничества государств — членов ШОС в энергетической сфере (г. Душанбе, 12 августа 2021 года).

Государства-члены подчеркивают необходимость наращивания взаимовыгодного сотрудничества в сфере энергетики, в том числе эффективного использования всех видов энергоресурсов, а также поддерживают применение различных действенных экономически и экологически чистых технологий, позволяющих снизить негативное воздействие на окружающую среду и способствующих энергетической безопасности и переходу к более чистым и экологичным источникам энергии в энергоэффективной экономике. Они отмечают важность совместного изучения путей расширения региональной взаимосвязанности электросетей государств — членов ШОС.

В этих целях государства-члены приветствовали принятие Программы сотрудничества государств — членов ШОС в области использования возобновляемых источников энергии.

Государства-члены подчеркнули приверженность построению устойчивой экономической системы, в том числе путем продвижения «зеленых» и экологически чистых технологий, а также инклюзивных подходов к социальному развитию на основе реализации Программы «Зеленого пояса» ШОС (г. Душанбе, 17 сентября 2021 года).

Государства-члены отмечают значимость сотрудничества в сфере охраны окружающей среды, экологической безопасности, предотвращения негативных последствий изменения климата, сохранения и использования биоразнообразия, а также обмена опытом и оперативной информацией по этим вопросам. Они осознают, что нехватка доступа к источнику безопасной питьевой воды, базовым услугам санитарии и здоровой гигиене являются серьезными проблемами современности, отмечают необходимость уделять повышенное внимание устойчивому развитию и рациональному использованию водных ресурсов.

Государства-члены убеждены в недопустимости использования климатической повестки для введения мер, ограничивающих торговое и инвестиционное сотрудничество. Будут предприняты усилия для налаживания активного диалога с соответствующими международными институтами в целях привлечения инвестиций и финансирования совместных проектов и программ в области охраны окружающей

среды и внедрения новых экологически чистых технологий, повышения удельного веса «зеленой» экономики.

Государства-члены, принимая во внимание ряд вызовов, с которыми сталкивается развитие сельского хозяйства в рамках производственного цикла, выступают за внедрение современных технологий, активное сотрудничества в области обеспечения продовольственной безопасности, профилактики и борьбы с трансграничными эпизоотическими заболеваниями. В этой связи они продолжают практическую реализацию Совместного заявления Совета глав государств — членов ШОС по продовольственной безопасности (г. Душанбе, 17 сентября 2021 года), а также отмечают утверждение Концепции взаимодействия уполномоченных органов государств — членов ШОС в сфере «умного» сельского хозяйства и агроинноваций и подписание Соглашения между уполномоченными органами государств — членов ШОС о сотрудничестве в сфере карантина растений.

Заинтересованные государства-члены отмечают целесообразность использования площадки Демонстрационной базы ШОС в г. Янлине (КНР) для обмена и обучения современным аграрным технологиям.

Государства-члены будут и далее укреплять сотрудничество в культурной, научно-технической, образовательно-просветительской, гуманитарной и туристической сферах, способствуя дальнейшему развитию диалога между цивилизациями, добрососедских и дружественных отношений на пространстве ШОС. Они будут содействовать преумножению культурного многообразия, сотрудничать в области изучения и охраны культурного и природного наследия региона.

Государства-члены отметили итоги седьмого Совещания глав служб государств — членов ШОС, отвечающих за обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия (г. Санкт-Петербург, 9 декабря 2021 года). Они считают необходимым обеспечить выполнение Комплексного плана совместных действий государств — членов ШОС по противодействию угрозам эпидемий на пространстве региона (10 ноября 2020 года).

Государства-члены, выступая против стигматизации в связи с новой коронавирусной инфекцией, подчеркивают необходимость дальнейшего укрепления международного сотрудничества в борьбе с ее распространением, а также в преодолении глобальных политических и социально-экономических последствий пандемии.

Государства — члены ШОС отмечают востребованность совместных усилий по выстраиванию сотрудничества в области цифровизации здравоохранения и рассматривают потенциал телемедицины как часть национальных стратегий государств — членов ШОС по поддержанию и укреплению здоровья своих граждан. Они отметили в этой связи принятие Концепции сотрудничества уполномоченных органов государств — членов ШОС в области телемедицины.

Государства-члены продолжают координировать меры по реагированию на чрезвычайные ситуации в области общественного здравоохранения, имеющих международное значение, углублять научно-техническое сотрудничество по разработке препаратов, вакцин и тест-систем, в том числе на основе Дорожной карты по сотрудничеству между медицинскими организациями государств — членов ШОС в вопросах профилактики и лечения инфекционных заболеваний.

Государства-члены отметили инициативу Российской Федерации о проведении заинтересованными государствами — членами ШОС регулярных учений по выявлению и реагированию на чрезвычайные ситуации санитарно-эпидемиологического характера, в том числе с использованием мобильных лабораторий.

Государства-члены поддерживают ведущую роль Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) в системе глобального управления в области здравоохранения, в том числе в защите здоровья населения от угроз эпидемий инфекционных болезней в соответствии с Международными медико-санитарными правилами ВОЗ (2005 год).

Государства-члены, подчеркивая важность дальнейшей реализации Соглашения между правительствами государств — членов ШОС о взаимодействии при оказании помощи в ликвидации чрезвычайных ситуаций (г. Москва, 26 октября 2005 года), подтвердили готовность наращивать совместные усилия в этой области. Они продолжают укреплять взаимодействие в таких сферах, как обмен оперативной информацией, подготовка кадров, проведение совместных учений по ликвидации последствий стихийных бедствий и аварий, а также содействовать продвижению сотрудничества в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в приграничных регионах. Государства-члены будут развивать сотрудничество с ООН, другими международными и региональными организациями на этих направлениях.

Государства-члены отмечают важность дальнейшего укрепления сотрудничества в области образования в рамках ШОС, расширения межвузовского сотрудничества, проведения форумов ректоров, научных конференций и симпозиумов и развития деятельности Университета ШОС. Стремясь к расширению сотрудничества в сфере цифрового обучения с учетом тенденций развития мировой экономики в эпоху цифровой глобализации, государства-члены отметили принятие Программы сотрудничества уполномоченных органов государств — членов ШОС по развитию цифровой грамотности.

Государства-члены отмечают важность дальнейшего развития на пространстве ШОС научно-технического сотрудничества, выражают готовность проводить совместные научные исследования, обмен опытом между учеными и научными организациями в рамках ШОС для поиска новых источников экономического роста и решений для преодоления общих социальных вызовов. В этой связи они подчеркивают необходимость практической реализации Заявления Совета глав государств — членов ШОС об укреплении сотрудничества в области науки, технологий и инноваций (г. Душанбе, 17 сентября 2021 года).

Государства-члены выступают за наращивание взаимодействия по молодежной линии на основе выполнения положений Совместного обращения глав государств — членов ШОС к молодежи и Программы действий по его реализации от 2018 года, Соглашения между уполномоченными органами государств — членов ШОС о сотрудничестве в сфере работы с молодежью от 2021 года. Они дали положительную оценку итогам заседания Молодежного совета ШОС (г. Ташкент, 10 июня 2022 года). Они отметили важность проведения интеллектуальных игр-конкурсов «Модель ШОС» для школьников и студентов, проведение форумов стартапов и конкурсов по инновациям и стартапам среди молодежи, конклавов молодых ученых развития волонтерского движения, а также реализации проекта «Международный молодежный бизнес-инкубатор ШОС» по линии Молодежного совета ШОС.

Государства-члены, отметив важность активной поддержки участия женщин в политической, экономической, общественной, социальной и других сферах деятельности, приветствовали проведение в г. Самарканде 17–18 августа 2022 года Женского форума ШОС и Конференции женщин-предпринимателей государств — членов ШОС.

Государства-члены в целях дальнейшего укрепления взаимопонимания и дружбы между ними считают важным эффективную реализацию Межправительственного соглашения по сотрудничеству в области культуры от 16 августа 2007 года в г. Бишкек, в том числе в области литературы, включая переводы классических произведений, кинематографии, музыкального, театрального и изобразительного искусства, музейного дела, проведения выставок и других видов творческой деятельности. В этом контексте они отметили итоги Совещания министров культуры государств — членов ШОС (г. Ташкент, 19 мая 2022 года), подписание Меморандума между уполномоченными органами государств — членов ШОС о сотрудничестве в области музейного дела и инициативу о создании Альянса музеев государств — членов ШОС.

Государства-члены, подчеркивая важное значение дальнейшего развития сотрудничества в области туризма, отметили результаты Встречи руководителей туристских администраций государств — членов ШОС (г. Ташкент, 19 мая 2022 года), подписание Соглашения между правительствами государств — членов ШОС о развитии сотрудничества в области туризма, а также проведение Выставки «Восемь чудес ШОС» и Туристического форума ШОС (г. Ташкент, 19–20 мая 2022 года).

В целях дальнейшего продвижения богатого культурно-исторического наследия народов и туристического потенциала государств — членов ШОС принято решение об объявлении г. Варанаси Республики Индии туристической и культурной столицей ШОС на 2022-2023 годы.

Государства-члены подчеркнули, что проведение Года культуры ШОС в 2021 году продемонстрировало мировому сообществу пример уважительного отношения к национальным традициям и взаимобогащения культур на пространстве Организации.

В целях поддержки индустрии туризма и повышения туристической привлекательности городов и регионов на пространстве ШОС государства-члены договорились объявить 2023 год Годом туризма ШОС.

Государства-члены высоко оценивают вклад институтов народной дипломатии и культурных центров в государствах — членах ШОС в формирование взаимного доверия, укрепление взаимопонимания и расширение культурно-гуманитарных связей на пространстве Организации. Они отметили итоги Форума народной дипломатии ШОС (г. Ташкент, 11 мая 2022 года), а также работу Китайского комитета ШОС по добрососедству, дружбе и сотрудничеству, Культурно-интеграционного центра ШОС в г. Бишкек, Центра дружбы и сотрудничества ШОС в г. Душанбе и Центра народной дипломатии ШОС в г. Ташкенте.

Государства-члены считают необходимым развивать контакты по линии средств массовой информации, пресс-служб органов власти и в цифровом пространстве, в том числе путем реализации Соглашения между правительствами государств — членов ШОС о сотрудничестве в области средств массовой информации (г. Бишкек, 14 июня 2019 года).

Государства-члены, отмечая важность популяризации целей, задач, принципов и основных направлений деятельности ШОС среди широкой общественности в регионе и мире, утвердили Положение о почетном звании «Посол доброй воли ШОС».

Государства-члены, признавая роль спорта как одного из важных инструментов обеспечения мира, социальной интеграции и устойчивого развития, подтверждают готовность наращивать сотрудничество в этой области на основе принципов олимпизма.

Государства-члены приветствуют проведение первого Совещания руководителей профильных министерств и ведомств, отвечающих за развитие физической культуры и спорта государств — членов ШОС (г. Ташкент, 20 мая 2022 года). Они рассчитывают, что Совещание станет площадкой для координации взаимодействия государств — членов ШОС в сфере физической культуры и спорта, а также формирования перспективных направлений сотрудничества в данной сфере.

Государства-члены отметили проведение Куньминского и Иссык-Кульского марафонов ШОС (12 декабря 2021 года и 14 мая 2022 года), Душанбинского полумарафона (13 июня 2021 года) и Ташкентского полумарафона ШОС (27 марта 2022 года) и высказались за проведение подобных мероприятий на регулярной основе, подчеркнув их вклад в углубление дружбы и взаимопонимания между народами государств — членов ШОС, а также в позиционировании ШОС на международной арене.

Исходя из важности сохранения экологического баланса на пространстве ШОС и восстановления биоразнообразия, обеспечения благоприятных условий для благосостояния населения и устойчивого развития, государства — члены ШОС подчеркивают необходимость практического выполнения Плана мероприятий по реализации Концепции сотрудничества государств — членов ШОС в области охраны окружающей среды на 2022–2024 годы.

Государства-члены, поддерживая предложение Республики Таджикистан об объявлении 2025 года Международным годом сохранения ледников, отмечают инициативу о создании Международного фонда защиты ледников путем принятия Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН.

Государства — члены ШОС отметили принятие по инициативе Кыргызской Республики резолюции 75-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН «Природа не знает границ: трансграничное сотрудничество — ключевой фактор сохранения, восстановления и устойчивого использования биоразнообразия» и 41-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО «Расширение мониторинга и исследований горных ледников».

Государства-члены отметили принятие по инициативе Республики Узбекистан Резолюции 76-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН об укреплении взаимосвязанности Центральной и Южной Азии.

Государства-члены отметили инициативы о принятии резолюций Генеральной Ассамблеи ООН об объявлении «Международного дня просвещения в области разоружения и нераспространения»

и «Пятилетия действий по развитию горных регионов» в 2023–2027 годах (Кыргызская Республика), а также «Международного года мобилизации волонтеров в целях развития» (Республика Казахстан).

Государства-члены отметили итоги 2-й Международной конференции высокого уровня по Международному десятилетию действий «Вода для устойчивого развития» в 2018–2028 годах (г. Душанбе, 6–9 июня 2022 года).

Государства-члены подчеркивают важность дальнейшего развития взаимодействия с ООН, заинтересованными государствами и структурами в решении проблем бассейна Аральского моря в связи с масштабными проблемами его высыхания. Они отметили принятие по предложению Республики Узбекистан резолюции Генеральной Ассамблеи ООН об объявлении Приаралья зоной экологических технологий и инноваций (18 мая 2021 года), а также, с учетом позиций сторон, ее инициативу о запуске Многопартнерского трастового фонда для человеческой безопасности в регионе Приаралья.

ШОС как ответственный и влиятельный участник международных усилий по обеспечению мира и стабильного развития на евразийском пространстве будет и далее предпринимать скоординированные шаги по противодействию растущим угрозам и вызовам в регионе.

Государства-члены, подтверждая приверженность миру, совместному развитию и равноправным отношениям на основе принципов взаимного уважения, дружбы и добрососедства, будут и далее вести конструктивный и доверительный диалог, углублять эффективное многоплановое сотрудничество, прилагать все усилия для укрепления безопасности и стабильности, обеспечения устойчивого развития на пространстве ШОС.

Государства-члены высоко оценивают итоги председательства Республики Узбекистан в ШОС в 2021–2022 годах, которые способствовали дальнейшему развитию многопланового взаимовыгодного сотрудничества. Они приветствуют выдвинутую Президентом Республики Узбекистан «Самаркандскую инициативу солидарности во имя общей безопасности и процветания», нацеленную на обеспечение мира и стабильности, широкое международное сотрудничество и продвижение устойчивого развития человечества.

Председательство в ШОС на предстоящий период переходит к Республике Индии. Очередное заседание Совета глав государств — членов ШОС состоится в 2023 году в Республике Индии.

Источник: <https://rg.ru/2022/09/16/samarkandskaia-deklaraciia-soveta-glav-gosudarstv-chlenov-shanhajskoj-organizacii-sotrudnichestva.html> 16.09.2022 19:53

ПРАВИЛА
оформления статей, принимаемых к рассмотрению редакцией
международного научно-аналитического журнала
«ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА»

1. Автор(-ы) представляет(-ют) в редакцию электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Объем представляемых для публикации статей должен быть не более 40 000 знаков, но не менее 16 000 знаков с пробелами.

Оригинальность статьи должна быть не менее 65%. Все материалы проверяются системой «Антиплагиат».

2. Каждая статья должна быть сопровождена сведениями об авторе(-ах) (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество полностью; место работы; должность; ученая степень; ученое звание; адрес электронной почты. После указания места работы обязательно указывается город и страна.

3. Рукопись статьи должна содержать реферат (аннотацию) и ключевые слова.

Статьи без реферата (на русском и английском языках) не рассматриваются.

Реферат не должен содержать ссылки и аббревиатуры. Объем — 250–300 слов. В реферате обязательно указываются: **Цель, Задачи, Методология, Результаты, Выводы** (по 1–2 предложения для каждого пункта), в английском варианте, соответственно, **Aim, Tasks, Methods, Results, Conclusion**.

4. Рукопись статьи должна содержать ключевые слова — 5–7 слов. Термины-словосочетания считаются одним ключевым словом. Желательно избегать составных ключевых слов.

5. Сокращения и аббревиатуры должны быть расшифрованы при первом их употреблении (в скобках в тексте или под текстом).

6. Список литературы в конце статьи дается в алфавитном порядке. В случае, когда цитируется англоязычная работа, обязательно ссылаться на оригинал, а не на русскоязычный перевод. В тексте дается ссылка в квадратных скобках, например [7, с. 625].

7. Ссылки на официальные сайты, правовые и законодательные акты, архивные материалы, учебники/учебные пособия, словари и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи.

8. Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов WordArt в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в тех форматах, в которых они были сделаны (объекты должны давать возможность редактирования).

Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком/подписью, продублированными на английский язык. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

Формулы должны быть набраны в редакторе Microsoft Equation, где их набор более корректен; также возможен набор формул в MathType ... Equation.

Простые строчные формулы желательно набирать с клавиатуры, не используя формульный редактор.

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Сведения об авторе:

Иванов Иван Иванович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация
Заведующий кафедрой

Доктор философских наук, профессор

E-mail:

Телефон: (только для внутреннего пользования)

2. Краткие затекстовые ссылки:

В тексте:

А. В. Виленский называет его «своего рода „золотым легионом“ постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире: Политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М. : Наука, 2004.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках:

– **монографии:**

Филиппов Г. Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2008.

– **статьи в научных сборниках:**

Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М. : Прогресс, 1972.

– **публикации в многотомных изданиях:**

Ирвинг В. Собр. соч.: в 5 т.: пер. с англ. М. : ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.

Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. М. : Мир книги, 2003. Т. 7.

– **статьи в научных журналах:**

1. *Кириленко В. П., Дронов Р. В.* О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.

2. *Шамахов В. А.* К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.

– **статьи в газетах:**

Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.

– **правовые акты:**

О науке и государственной научно-технической политике: федер. закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.

О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.

– **архивные документы** (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):

Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.

– **электронные ресурсы оформляются следующим образом:**

1. Маноило А. В. Объекты и субъекты информационного противоборства [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии. Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: <http://psyfactor.org/lib/psuwar24.htm> (дата обращения: 23.02.2016).

2. Образ врага. Все об «Аль-Каеде» [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: <http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/> (дата обращения: 20.09.2017).

2022. Том 16, № 3

**ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:
ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА**

Международный научно-аналитический журнал

Выходит 4 раза в год

Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ

Выпускающий редактор
Е. А. ЛЫСУНЕЦ
lysunets-ea@ranepa.ru

Верстка
А. Л. СЕРГЕЕНОК

Сдано в набор 15.09.2022.

Подписано к печати 30.09.2022.

Формат 84×108 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 10,5. Тираж 100 экз.

Заказ № 3/2022.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-72803 от 25 мая 2018 г.

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61
Тел. (812) 335-94-72

«ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА» – профессиональный журнал государственных и политических деятелей, сотрудников научных и образовательных учреждений, аналитиков и экспертов. Публикуются статьи, посвященные состоянию и перспективам развития ЕАЭС и стран Большого Евразийского пространства. Партнером журнала является Евразийская экономическая комиссия.

“EURASIAN INTEGRATION: ECONOMICS, LAW, POLITICS” is a professional journal of state and political figures, employees of scientific and educational institutions, analysts and experts. Articles on the state and prospects for the development of the EAEU and the countries of the Greater Eurasian space are published. The journal's partner is the Eurasian Economic Commission.

《欧亚一体化：经济、法律、政治》是國家和政治人物、科學和教育機構員工、分析師和專家的專業期刊。發表有關歐亞經濟聯盟和大歐亞空間國家的狀況和發展前景的文章。該雜誌的合作夥伴是歐亞經濟委員會。